К критике современной буржуазной политэкономии

Александр Машнин

г. Белгород, 2014.

Содержание

Введение....3
Раздел первый. О методе неоклассических и австрийских экономистов....10
Методология неоклассической экономикс....10
Методология австрийской экономикс....20
Общее в методе австрийской и неоклассической экономикс....29
Спекулятивный фундамент современной буржуазной политэкономии....33
Раздел 2. Воззрения неоклассических и австрийских экономистов....37
Воззрения неоклассических экономистов: Дж. Кларк....37
Вклад У. Джевонса в развитие неоклассической политэкономии; его заимствования у И. Бентама и Н. Сениора....46
Экономические воззрения неоклассика Дж. Хикса....50
Воззрения неоклассических экономистов: Р. Солоу....56
Теоретические положения неоклассической экономикс в целом....58
Воззрения приверженцев австрийской школы политэкономии....63
Индивид или гедонистическое существо?....69
Экономическая эффективность в понимании неоклассических экономистов....77
Синтез новейшей политэкономии: воспроизведение предпосылок неоклассической и классической буржуазной политэкономии....81
Российская школа эпигонов либерализма....85
Раздел 3. Капитализм и его буржуазная интерпретация....91
Неолиберализм как практическое выражение метафизической политэкономии. Критика неолиберального капитализма....91
О классовом разделении в капиталистическом обществе....103
Заключение....106
Список литературы....110

“Счастливы люди, у которых есть «абсолютный принцип». Им не нужно ни наблюдать фактов, ни думать: у них заранее готово лекарство для всякой болезни, и для всякой болезни одно и то же лекарство.”
Н. Г. Чернышевский. (Избр. экон. произв. Т. 2. 1948, с. 128.)

“Чистая экономикс может превосходно доставать кроликов из шляпы.”
Дж. Хикс (Value and Capital, 1946, p. 23.)

Введение

Родоначальник социал-дарвинизма Г. Спенсер учил, что феодальная и капиталистическая системы имеют общий корень — труд по принуждению. Рабовладельчество и капитализм «основаны на одном и том же принципе. Как в том, так и в другом строе должны существовать установленные степени и вынужденное подчинение низших степеней высшим», - наставлял будущий столп либерализма[1]. В привилегиях и насилии он видел цемент правильного общественного здания, неважно, - покоится ли оно на труде лично- или только экономически зависимых людей, на юридическом или сугубо экономическом бесправии.

Внутренней стороны этого порядка Г. Спенсер знать не хотел. Вместо изучения движущих сил и преград на пути общественного развития он, подобно своим преемникам - буржуазно-либеральным экономистам, гремел о справедливости и необходимости широкой имущественной сегрегации. Эксплуатацию сильным слабого он обелял ссылкой на ее естественность. Повсеместный ров между родовитыми и «безродными», утонченными и безграмотными, состоятельными и нищими, богоизбранными и человеческим скотом, рвы и ровчики между категориями внутри этих двух гигантских групп оправдывались им высокой, гуманной целью: барьеры нужны для общественного развития! Г. Спенсер, как и буржуазно-либеральные экономисты, изображал себя слугой общественного прогресса.

Но как могут служить делу общественного развития такие явления как передача кастовой принадлежности по наследству, самоустранение населения от управления, принуждение людей к исполнению выпавших им общественных ролей, насаждение догм о божьем промысле, божественном происхождении власти? То обстоятельство, что эти явления процветают в эксплуататорском обществе, не освещалось Г. Спенсером ни с философских, ни с каких-либо других позиций. Философ конкуренции между людьми умалчивал и о том, что в иерархических обществах инициатива и свободная мысль большинства беспощадно приносятся в жертву традициям, что на человека смотрят как на товар. Все неудобное он выносил за скобки. Г. Спенсер предпочел писать о благодатном эффекте конкуренции в обществе, умалчивая о том, что чем сильнее между людьми конкуренция, тем легче ими управлять.

Доказывая, что перводвигателем общественного благополучия является неограниченная конкуренция, борьба всех со всеми, Г. Спенсер покинул царство разума. Во-первых, даже поведение диких зверей превосходит в разумности то, что Спенсер предлагает людям. Считающие крайний гедонизм надлежащим принципом человеческого поведения на том основании, что он якобы пронизывает поведение всех животных, забывают о таких явлениях животного мира как забота о потомстве, самоотверженная защита потомства. Сугубо эгоистический индивид считал бы и свое, и чужое потомство конкурентами, что затруднило бы воспроизводство. Во-вторых, социальное поведение разных видов животных неодинаково. С развитием нервной системы животного усложняется его социальное поведение. Поведение дельфинов или волков, их помощь неспособным особям показывает, что спенсеровский «закон» асоциальной борьбы опирается не на биологию, а на невежественные предрассудки.

[1] Спенсер, Г. Опыты научные, политические и философские. 1998, с. 1369.

Менее всего понятно, почему многие считают, что человечество должно учиться у животных, перенимать их общественный уклад. Неужели эти высокообразованные философы и ученые аристократы только для того и учились, чтобы показывать на диких животных и восклицать: «берите с них пример!» Но Г. Спенсер учит, что для людей характерно вести себя даже не подобно голодным зверям, но подобно никогда ненасыщающимся хищникам. Потребности человека бесконечны, - трубят вслед за Спенсером адвокаты рыночного режима, и проводят в жизнь принцип «разделяй и властвуй». Навязываение предрассудков, согласно которым человек может и должен вести себя по-хищнически, создание наукообразных теорий на их основе усиливает могущество спаянных социальных элит.

Разумеется, Г. Спенсер не намеревался принижать капитализм указанием на его основу — труд по принуждению. По его мнению, цветение феодального и капиталистического строя на вынужденном труде есть «истина, с которой коммунисты и социалисты недостаточно считаются»[2]. Но в этом Г. Спенсер ошибся. Поляризация покупательной силы в обществе, декларативность, продажность, избирательность многих прав, а равно социальная сегрегация, неравный доступ к образованию, профессиям, политической и культурной деятельности в буржуазном обществе всегда освещались марксистами. Наоборот! Буржуазные либералы, следующие за метафизикой Г. Спенсера как хвост за собакой, десятилетиями вещают народам о диком, нерегулируемом капитализме как о воплощении самого свободного, самого справедливого и выскопроизводительного общества. Но рыночная обетованна, в которой реализация завета «каждому — по достоинству» есть аксиома — это не только утопия, но и орудие классовой борьбы.

Вся современная политэкономия laissez faire[3] выстроена на спенсерианстве. Ярые социал-дарвинисты — либералы от буржуазии без стеснений провозглашают, что выдуманный ими «волчий», т. е. сугубо хищнический и асоциальный «закон» экономического поведения должен стать официальным, безапелляционно защищаемым государством стержнем нашего общества. Только это, по их уверениям, позволит развиваться обществу в целом. Волчий закон должен быть под охраной государственной власти! Здесь уже знакомый высокий мотив: поскольку конкуренция априорно ведет народы к процветанию, либералы есть друзья общества. Без бедности нет мотивации, без свободы сделок и рыночной конкуренции немыслим прогресс, без осознания человеком бесконечности его потребностей он будет неэффективен в производстве, - лукавят либеральные экономисты.

Идеологическое содержание австрийской и неоклассической школ политэкономии почти одинаково. Государство должно создавать условия для оздоровления общества, происходящем исключительно в трудном процессе экономической и социальной борьбы между людьми. Демократическая власть должна служить «свободному рынку», который один развивает общество. Конкурентый капитализм внутренне стабилен, не нуждается в общественном контроле. Каждое общество слагается только из эгоистов с бесконечными потребностями. Правительства и законодатели должны защищать капиталиста, его права собственности, его покупательную силу, свободу наемного труда.

Капиталистическая экономика изображается суммой равновесных рынков, лишь временами, из-за того или иного внешнего воздействия выходящих из равновесия. Конкурентный капитализм - это и гармоничное производство, и справедливое распределение, и арена всеобщей борьбы за бесконечные интересы каждого индивида, и быстрое развитие общества. Не ограничиваясь постулированием того, что есть, поверенные в делах экономического либерализма прилагают огромные усилия для донаучного, покоящегося на аксиомах, отрицания эксплуататорской сущности капитализма, обвинения пострадавших в их бедствиях: нищие неконкурентоспособны, предельный продукт их труда очень низок. Люди не равны, и только рыночный капитализм воздает каждому по его земным заслугам, т. е. по

[2] Спенсер, Г. Опыты научные, политические и философские. 1998, с. 1369.

[3] нерегулируемого капитализма, «пусть идет, как идет» (фр.)

предельному продукту ресурсов во владении. Богатые — умные ребята. Нищие — лишние. На этом метафизическом песке построена вся современная теория невмешательства — подчинения государства капиталистическим отношениям. Режим неограниченного капитализма a priori, до научного исследования, до разбора конкретных обстоятельств и закономерностей фунционирования, развития, социальных последствий, всей буржуазно-либеральной политэкономией декларируется свободным, правовым, «открытым» обществом.

Буржуазно-либеральные экономисты убеждены в том, что подлинно научное исследование капиталистических отношений должно быть сфокусировано на проблематике рыночного равновесия, т. е. сводить капитализм к рынкам, а рынок — к статичному (наблюдаемому в определенный момент времени) равновесному состоянию. По их мнению, капитализм — это прежде всего рынок, а для любого рынка естественно равновесие. Выходит, что и капитализм есть с научной точки зрения лишь совокупность равновесных состояний.

Любая критика представленной выше идеологии выставлена в буржуазной политэкономии выставлена за порог, объявлена ненаучной. Критика отвергается уже тем, что не соответствует «базовым аксиомам». По словам Л. Робинса, эти последние управляют людскими решениями,[4] а по словам Л. Мизеса - «выбираются произвольно» в любой дедуктивной теории, в том числе австрийской экономикс[5]. Непонятно, как такими доводами можно защищать науку.

Смешные защитники «строго научной» экономической теории считают себя вправе закрывать глаза на конкретные исследования притеснений, вынужденности совершения сделок, воспроизводства бедности и неэффективности в капиталистическом обществе. Они отвергают все социологические и исторические исследования априорно, отрицают за ними научное значение, всякий вклад в развитие «строго научной» экономической теории.[6] Эту последнюю они выдают за гордость человеческого знания. Лишенное эмпирической базы сборище догм и метафизики объявляется «чистой наукой», а многие эмпирические исследования и неортодокальные теории — лежащими вне экономической науки. Но обратимся к методологическим нововведениям в либеральной теории.

М. Фридмен убеждал, что предсказательная успешность той или иной теории единственным критерием ее научной состоятельности.[7] Его ограничение в методе общественных наук состоит в том, что теория должна служить только предсказыванию общественных явлений. Но способность теории давать верные прогнозы не является достаточным критерием ее научной состоятельности. К примеру, теория может быть внутренне противоречивой, сразу несколько теорий могут найти эмпирическую поддержку. К тому же, нельзя определить конкретное число и алгоритм эмпирических проверок, после которых теория получит статус истины. Но эти соображения общенаучного характера имеют второстепенное значение для оценки методологии монетаризма.

Дело в том, что общеэкономические модели монетаристов сильны не предсказаниями, но «задним умом», в ретроспективе. Подчеркнем, что константы в уравнениях этих моделей рассчитываются специально для того, чтобы модель получала эмпирическое «подтверждение». Но используемая монетаристами подгонка моделей к историческому материалу путем изменения констант в уравнениях не имеет ничего общего с научной проверкой теории. Превозносимая М. Фридменом проверка теории имеющимся статистическим материалом открывает двери в экономическую науку для любой теории, в которой можно играть с константами. Достаточно ввести новый коэффициент или изменить существующий и вся теория, а заодно и ее основные гипотезы, начинает превосходно

[4] Robins, L. 1923. Principles of Economics.
[5] Mises, L. 1962. The Ultimate Foundation of Economic Science: An Essay on Method. p. 10.
[6] См.: Hicks, J. R. Value and Capital, 1946; Вальрас, Л. Элементы чистой политической экономии, 2000.
[7] Friedman, M. 1977. Nobel Lecture: Inflation and Unemployment. http://ideas.repec.org/a/ucp/jpolec/v85y1977i3p451-72.html

коррелировать с фактами, получает эмпирическое «подтверждение». Так появляется возможность для приискания наукообразной оболочки-псевдотеории для выгодных гипотез, хотя бы целью всего теоретизирования было не исследование действительности, но возвеличивание тех или иных идей. Этой цели и служит методологическая новинка М. Фридмена.

От научной теории нужно требовать не только удовлетворительного объяснения явлений, но и отсутствия в ней опровергнутых гипотез. Последнее соображение М. Фридмен старательно не замечал, абсолютизировал формальный анализ данных. Главное — способность модели объяснять измнение экономических показателей, а не соответствие действительности всех гипотез, лежащих в ее основе, - убеждал Фридмен.[8] Его доводы о необходимости ограничения инструментария оценки научной теории предсказательной областью направлена лишь на ограничение неоклассики и монетаризма от научной критики. Заметим, что видный теоретик новой классической политэкономии К. Гувер указал на возможность существования внутренней логической ошибки в системе, прошедшей эмпирический тест.[9] Эмпирическая проверка основных, краеугольных положений буржуазной экономикс крайне затруднена в силу их обобщенного характера. Распространенный в экономикс формализм осложняет внутридисциплинарную оценку научного и общественного содержания ее теорий.

Исследователями отмечается, что в политэкономии западных стран прогрессируют формализм, бессодержательность, математические вариации на одни и те же темы, отход от потребностей практики и развития науки, что формалистские исследования поощряются материально.[10] Большое количество публикаций в ведущих экономических журналах западных стран, в отдельных случаях достигающее половины от общего числа публикаций, совершенно оторвано от экономической действительности, обходится без ссылок и упоминаний экономических фактов.[11] Обособленность научных сообществ снижает возможность коммуникации информации в экономических науках и осложняет эмпирическую проверку теорий и гипотез.[12] Догматический, эмпирически необоснованный «консенсус», установившийся в западной мейнстримовой экономике ведет, в том числе, к дискриминации тех исследователей, кто не следует принципам этого консенсуса, исследует не абстрактную экономику, а конкретные отношения.[13] Воцарившийся в профессиональном сообществе экономистов застой препятствует развитию экономики как науки, сводит значение профессии экономиста к вынужденному эпигонскому развитию чужой метафизики, препятствует развитию специфических технологий эмпирической проверки.[14]

Бытует мнение, что западные экономисты-математики, овладевшие приемами экономического моделирования, будут и дальше выдавать свои знания за полноправную экономическую науку, поскольку это знание их кормит, одевает и дает им высокий статус профессионалов.[15] Поэтому, теории «науки ради науки» будет нелегко преодолеть ненаучные представления в экономике. Сложность технического анализа в неоклассической экономике в

[8] Friedman, M. & Schwartz, A. J. A Monetary History of the United States, 1867-1960. 1971.
[9] Hoover, K. The New Classical Macroeconomics. 1990.
[10] Худокормов, А. Современная экономическая теория Запада (обзор основных тенденций). Вопросы экономики. 2008, с. 23-25.
[11] Указ. соч., с. 24. Цитируется Автономов, В. С. К вопросу о так называемои «кризисе» экономической науки.
[12] Либман, А. Теоретические и эмпирические исследования в современной экономике: проблемы коммуникации. Вопросы экономики. 2008, с. 4-5.
[13] Либман, А. Теоретические и эмпирические исследования в современной экономике: проблемы коммуникации. Вопросы экономики. 2008.
[14] Либман, А. Теоретические и эмпирические исследования в современной экономике: проблемы коммуникации. Вопросы экономики. 2008, с. 17.
[15] Моисеев, С. Формализация макроэкономики и ее последствия для денежно-кредитной политики. Вопросы экономики, 2007 (2), с. 46 — 58. С. 58.

большинстве случаев скрывает идейную бедность, неспособность к научному поиску.[16]

Подчеркнем, что эта работа не направлена на критику применения математических методов в экономической науке. Отвергается лишь использование математического аппарата для придания ореола научности псевдопроблемам, бесплодным абстракциям. В отрыве от объекта исследования с их помощью возможно лишь нагромождение заблуждений. В этом случает математическая строгость будет маскировкой неосновательности и бесполезности дисциплины.

Изучение методов, гипотез, выводов школ экономической науки важно как для развития теории, так и общественной практики. Ведь если та или иная теория не выдерживает экзамена, если критический взгляд обнаруживает ее несостоятельность, ученые и практики уберегаются от следования по ложному пути. Это также предотвращает учащихся от усвоения ошибочных положений и формирования мышления на их основе. Целью научной теории является не производство вымыслов, которые легко понять и в которые все должны верить, но получение верного, проверяемого, практически ценного знания.

Неоклассические и австрийские экономисты выдают свои теории за безусловно правильное знание. По их словам, эти теории схватывают суть и первобытной экономики, и экономики будущего. Но целью научной теории является не производство вымыслов, которые легко понять и в которые все должны верить, но получение верного, проверяемого, практически ценного знания. Критическое исследовние положений экономикс важно и для теоретического, и для хозяйственного прогресса. Если та или иная теория на поверку оказывается ложной, это уберегает многих людей от следования по ложному пути. Латинское выражение «верую, потому что абсурдно» - верую, потому что невозможно представить рациональное доказательство, очень метко характеризует стержень этих теорий. Вместо исследования экономик конкретных стран, вместо получения знаний столь ценными методами обобщения и сравнения, либералы, подобно богословам, выводят теорию из веры в особую миссию рыночной системы.

Л. Робинс и У. Джевонс публично, в своих книгах заявляют, что «неоклассические аксиомы», т. е. недоказанные, произвольно взятые мнения об экономических отношениях, - это непререкаемые силы, которым подчиняются все люди.[17] В «Теории политической экономии» У. Джевонс громогласно объявил верность этих «аксиом» псевдопроблемой, и исследование их верности — ненаучной деятельностью, тратой времени.[18] Ясно, что вопрос о соответствии могучих экономических сил их неоклассической интерпретации его не волнует. Если Л. Робинса, видимо, привыкшего отдавать приказания и понимающего политэкономию умом английского полковника, еще можно пожалеть, то теоретическая наглость его ученых коллег завоевала им звания сознательных обскурантов, гасителей науки и просвещения. Как точно подметил В. Асмус, для того, чтобы заниматься интуитивным «познанием», «не требуется ничего уметь, ничего знать... нужно только усилие воли»[19]. Умозрительное «познание» капитализма является сердцевиной метода как неоклассики, так и австрийской школы, и это холод из мрака Средневековья.

Итак, мейнстримовый экономический анализ всегда начинается с объявления готовых ответов на важнейшие вопросы хозяйства, мотивации, организации общества, никогда — с постановки вопросов или гипотез. Собственно исследование возможно лишь в пределах этих ответов, которые безосновательно называются «универсальными аксиомами». Таким же образом устанавливаются принципы экономического поведения общечеловека, на которых, в частности, строится теория полезности. Но эти ответы, обезличивающие и сбивающие

[16] Моисеев, С. Формализация макроэкономики и ее последствия для денежно-кредитной политики. Вопросы экономики, 2007 (2), с. 46 — 58. С. 50.
[17] Robins, L. Principles of Economics, 1923; Jevons, W. S. The Theory of Political Economy. 1871.
[18] См. выше.
[19] Асмус, В. Ф.; Богомолов А. С. Антиинтеллектуалистический интуитивизм Анри Бергсона / Совр. бурж. философия / под ред. А. С. Богомолова, Ю. К. Мельвиля, И. С. Нарского. 1972, с. 164.

теоретических людей в стадо, порабощающие их задачей воспроизводства капитала, берутся словно с потолка. Вернее, они воплощают заинтересованность господствующего класса в поддержании священности обычаев частной собственности на средства производства и наемного труда, а также социально-хищническую метафизику, восходящую своими корнями к «теориям» священного права короля на власть.

Неоклассика и австрийская экономикс главной хозяйственной проблемой общества считают экономический выбор некоего рационального существа. Это последнее представлено почти одинаково. Техническая разница состоит в том, что неоклассика описывает абстрактный акт выбора, тогда как австрийцы предлагают поведенческую метафизическую систему - праксеологию.[20] Но в научном исследовании капиталистических отношений имеет значение не выбор сам по себе, но возможности деятельности человека, в том числе в зависимости от его экономического положения.

В этой работе будет рассмотрена концепция экономического индивида, имеющая центральное значение в современной экономикс. Ортодоксальной экономической теории и в наши дни не удалось освободиться от догматики священных экономических законов, вытекающих якобы из предустановленной человеческой сущности.[21] Мы придерживаемся той точки зрения, что личность, индивидуальная работоспособность, производительность труда, возможности их развития не постоянны, но меняются под влиянием социальной среды. На первый план выходит исследование влияния социальной среды на экономическое поведение человека в зависимости от его класса, возраста, пола, склонностей. В противоположность, наводнение теоретической экономики примитивными, но высокомотивированными существами с нулевой способностью изменения своего поведения не считается продуктивным, научно обоснованным методом исследования. Либеральная концептуализация трудящихся как объекта эксплуатации, как средства добычи прибыли собственниками будет исследована с точки зрения ее научной обоснованности.

Другая познавательная проблема конвенциональной экономикс - это проблема экзогенности. Все экономические факторы, которые выходят за рыночную проблематику, объявляются внешними, не зависящими от жизнедеятельности капиталистической системы. Население, его образовательный уровень, продолжительность жизни, инфраструктура, источники энергии, природные ископаемые, - все это в буржуазной теории экономики объявлено экзогенным. Трудовые способности населения, уровень общественной культуры и производительности труда также принято считать экзогенными. Все это, по мнению буржуазных экономистов, должно быть подчинено императиву накопления капитала, де факто — росту богатств работодателей. Низведение большого числа естественных и экономических фактов к внешним по отношению к капитализму не способствует выявлению влияния капиталистической системы на природную и социальную среду. Между тем, оценка полных издержек функционирования капиталистической экономики без этого невозможна.

Известно, что неоклассические и австрийские экономисты защищают режим наибольшего благоприятствования для капиталистов, выступают за освобождение эгоистического интереса людей из-под стеснительного общественного контроля. Доказывать необходимость «либерализации» народного хозяйства — их главная практическая задача. Уверения либералов в том, что нужно доверять капиталистической стихии перекликаются с религиозными проповедями, призывающими строго следовать назиданиям догматов, отказаться от гордыни ума, положиться на божий промысел. Но проповедь либерализации предполагает не создание условий для роста возможностей всех хозяйственных субъектов, но лишь обеспечение режима наибольшего благоприятствования для капиталистов. Такие политэкономы и не пытаются эмпирически доказывать, что буржуазная либерализация, т. е.

[20] См.: Mises, L. Human Action: A Treatise in Economics. 1949.
[21] Маркс, К. и Энгельс, Ф. Соч. Т. 14. Анти-Дюринг : Переворот в науке, произведенный г. Евгением Дюрингом / Ф. Энгельс. 1931, с. 92.

преобразование экономики в интересах предпринимателей и рантье улучшает экономическое положение населения в целом. Либерализация советской экономики предоставила наглядное опровержение буржуазной идиллии.

В России неоклассическая дисциплина преподносится широчайшим слоям населения в качестве науки. Она преподается в большинстве школ и вузов. В 90-е гг. ее авторитет не подвергался сомнению. В наши дни неоклассическая интерпретация по-прежнему находит широкую поддержку в органах власти, преподавательских кругах, в коммерческих и либерально-политических организациях. В этой работе делается попытка выявить роль буржуазно-либеральной идеологии в проведении мероприятий по разрушению советской промышленности, влияние либеральных доктрин на нынешнюю экономическую политику в России. Будут вскрыты социальные последствия такого влияния: высокая структурная безработица, низкие темпы промышленного развития, преобладание простейших форм деятельности в российской экономике: торговли и добычи природных ресурсов.

В современной экономикс оценка научных работ осуществляется с позиций их соответствия стандартам самой дисциплины; соответствие гипотез действительности второстепенно. Главное — соответствие гипотез аксиомам. Методы, применяемые в естественных науках, в частности методы проверки и отсеивания конкурентных гипотез, подкрепления гипотез буржуазно-либеральным экономистам не нужны.

На наш взгляд, следующие гипотезы заслуживают тщательного изучения: что потребительский выбор осуществляется не для максимизации удовольствия, а с целью подражания, следования за стереотипами должного поведения; что стереотипы должного, правильного разрабатываются высшими классами; что потребительские стереотипы распространяются посредством культурной индустрии, народного образования, официозных и других средств массовой информации, государственных учреждений и частных организаций. Ведь даже в экономикс критерии правильного, научного исследования заданы представителями высшей страты. Гипотезу,, субкультур, также нельзя игнорировать. В противоположность неоклассической гипотезе, что именно рыночная система, основанная на асоциальном, хищническом императиве, является главным фактором общественного благополучия, небезынтересно будет развить научные гипотезы о неподконтрольной обществу рыночной системе как причине снижения удовлетворенности жизнью в массах, роста социальных конфликтов и преступности, упадка фундаментальной науки и культуры на постсоветском пространстве.

В этой работе доказывается, что буржуазная политэкономия современности продолжает традицию фантазирования, заложенную алхимиками социальной мысли: деятелями вульгарной политэкономии гармонии, евгеники, кабинетным доктринером конкуренции Г. Спенсером. Неугомонные попытки либералов путем синтеза идеи ожесточенной конкуренции и идеи экономической гармонии создать науку — апологию капитализма приводят к возникновению все новых заблуждений. Потребность высших классов в теоретических оправданиях капиталистического строя привела к созданию неоклассической и австрийской экономикс. На этих двух направлениях буржуазно-абстрактной мысли, во многом перекликающихся между собой и позволяющих судить о всей буржуазно-рыночной политэкономии, мы сфокусируем историческую и материалистическую критику.

Раздел первый. О методе неоклассических и австрийских экономистов

Методология неоклассической экономикс

«Наука до сих пор умела только отворачиваться от всего страшного в жизни, будто бы оно совсем не существовало, и противопоставлять ему идеалы, как будто бы идеалы и есть настоящая реальность»[22].

Б. Даглас выделяет из экономической теории неоклассическую парадигму, основанную на равновесном ценообразовании, рациональных ожиданиях индивидов и атомизации общества.[23] Неоклассическая парадигма поддерживается Дж. Хиксом, П. Самуэльсоном, М. Фридманом, Р. Лукасом и Р. Солоу.[24] Неоклассическая традиция предписывает исследовать экономическую действительность сугубо абстрактно, при помощи принятия на веру нескольких принципов и построения на их основе логико-математических спекулятивных систем.

Неоклассический анализ содержит донаучно сформулированные свойства каждого «правильного» экономического решения. Он не ограничивается описанием того, что выдается за должное, естественное, идеально-рациональное поведение всех людей. Неоклассический анализ подобным же образом, т. е. без всякого доказательства практической ценности и, следовательно, научной уместности, многосторонне характеризует идеального и рационального человека, вырабатывает понятие некоего идеального субъекта рыночной жизни. В числе тех свойств, которыми неоклассические экономисты наделяют абстрактного человека, следует назвать ненасытнй гедонизм, экономическую свободу, изолированность и абсолютную осведомленность о настоящей и будущей экономической жизни. Эти свойства, совершенно бездоказательно приписываемые всем людям, не являются рабочими гипотезами. Если бы они являлись рабочими гипотезами, то, столкнувшись с доказательствами их очевидной ложности, они были бы давно отвергнуты. Напротив, эти свойства бездоказательно, теологически приписываются каждому экономическому решению и каждому индивиду, участвующему в экономической жизни, но не с целью их экспериментальной проверки, а только для выведения на их основе апологии капиталистического способа производства. Так, абстрактный человек неоклассиков служит не получению научного знания о действительности, а укреплению научного оправдания режима эксплуатации человека человеком. Каждое из его свойств является умозрительно полученным догматом, а их совокупность, включающую в себя также развертывание и развитие системы этих постулатов, следует считать не научным, а догматическим учением, опирающийся на донаучный, схоластический, сугубо умозрительный метод построения систем спекулятивной метафизики.

Ф. Энгельс указывал, что метафизик воспринимает объекты действительности и описывающие их понятия как «отдельные, неизменные, застывшие, раз навсегда данные предметы, подлежащие исследованию один после другого и один независимо от другого. Метафизик мыслит законченными, непосредственными противоположениями; речь его состоит из «да—да, нет—нет; что сверх того, то от лукавого...»[25] По мнению Ф. Энгельса, главная черта идеологического или априорного метода состоит в том, что «свойства какого-нибудь предмета познаются не из самого предмета, но дедуцируются из понятия предмета.

[22] Шестов, Л. Апофеоз беспочвенности. 2000, с. 448.

[23] Douglass, B. Economic Methodology and Nobel Laureates: Confirmation of a Methodological Paradigm Shift. 2012.

[24] Douglass, B, 2012, p. 1209.

[25] Маркс, К. и Энгельс, Ф. Соч. Т. 14. Анти-Дюринг : Переворот в науке, произведенный г. Евгением Дюрингом / Ф. Энгельс. 1931, с. 14.

Сперва из предмета составляют себе понятие предмета; затем ставят отношение вверх ногами и измеряют предмет по его отображению — по понятию. [В идеологическом конструировании] Не понятие должно сообразоваться с предметом, а предмет должен сообразоваться с понятием.»[26]

Научная дисциплина не может строиться на голословных утверждениях. Для научного описания того или иного сегмента действительности недостаточно заявить о зависимости между одними явлениями и о независимости, изолированности других явлений. К примеру, нельзя признать научной ту общую теорию экономики, которая постулирует наличие и отсутствие зависимостей между явлениями лишь на основании убежденности ее создателей и предрассудков ее лоббистов. Независимость темпов долгосрочного экономического развития от капитальных вложений и от уровня безработицы вытекает из принципов неоклассической экономикс, но этой логической связи совершенно недостаточно для того, чтобы признать независимость этих явлений соответствующей действительности, истинной.

Научное понимание некоторых явлений, процессов, отношений невозможно без доказательной базы, без проверки и перепроверки догадок, без отбрасывания одних догадок и совершенствования других. В неоклассической политэкономии этого нет. Все ключевые догадки незыблемы, священны. Объявлениям о связи и изолированности явлений лишь в виде исключения сопутствуют эмпирические исследования. Когда какое-нибудь явление постулируется в неоклассической политэкономии фактором другого, например, предпочтения — как фактором безработицы, этого достаточно для того, чтобы считать основу теоретической части завершенной, для перехода к формулированию следствий и практических рекомендаций. А вот опровержением гипотезы обратного влияния, доказательством отсутствия взаимообусловленности явлений, отсутствия их общей зависимости от какой-либо другой переменной, неоклассические экономисты заниматься не удосуживаются. Не исключено, что имманентная, методологическая враждебность таким исследованиям есть для неоклассических экономистов одно из главных средств самозащиты. В противоположность неоклассическому методу выстраивания спекуляций, научное исследование гипотез позволило бы опровергать неверные предположения одно за другим и, вероятно, не только обрушило бы метафизическую политэкономию гармонии, но камня на камне не оставило бы от ее аналитических конструкций.

К примеру, неоклассическая догадка-постулат о том, что вкусы потребителей существенным образом влияют на спрос и, следовательно, на экономическую ситуацию, является лишь действием по устранению этого важного фактора экономических отношений из экономического анализа. Потребительские предпочтения объявляются данными извне, предустановленными, «экзогенными». Но молчаливое следствие этого действия состоит в отрицании зависимости потребительских предпочтений и тех экономических явлений, которые неоклассические экономисты исследуют, в изоляции потребительских предпочтений от экономических отношений при капитализме. Этот способ тенденциозного экономического анализа зарекомендовал себя очень удобным, поскольку позволяет легко расправляться с лишними, неудобными гипотезами, например, с догадкой о влиянии мероприятий по росту рентабельности и богатства капиталистических производств на вкусы и предпочтения населения. Этот способ теоретической расправы весьма дешев. Социально значимые гипотезы отвергаются в неоклассической политэкономии сугубо по умолчанию, метафизически. Но вместе с ними ускользают и возможности научного представления экономической действительности.

В неоклассической экономикс дедукция из произвольных положения сочетается с пренебрежением наблюдением и опытным исследованием. Данный методологический принцип не только парализует проверку, отсеивание, исправление и совершенствование

[26] Маркс, К. и Энгельс, Ф. Соч. Т. 14. Анти-Дюринг : Переворот в науке, произведенный г. Евгением Дюрингом / Ф. Энгельс. 1931, с. 58.

догадок и отдельных объяснений в экономической науке, но позволяет осмеивать и мгновенно отвергать даже мысль о неверности той или иной «первоосновы». Между тем, абсолютное большинство начальных посылок неоклассической и австрийской политэкономии неверны, не отражают никаких действительно существующих общих закономерностей экономических отношений. Но этому вопросу посвящена вторая глава данной работы. Отметим, что без коррекции догадок и эмпирически подкрепленного совершенствования теорий, без эмпирической проверки наиболее существенных положений невозможно прийти к постижению общеэкономических законов. Вместо исследования экономической действительности и поиска на основе такого исследования закономерностей в экономических отношениях, неоклассическая и австрийская экономикс заранее формулируют универсальные экономические законы и затем, в кривом ракурсе этих скудных и безосновательных предустановлений, описывают должные, единственно правильные, идеальные, совершенно свободные и наиболее эффективные экономические отношения.

Основываясь на методах априоризма и дедукции, неоклассическая политэкономия пренебрегает историческим и эмпирическим анализом экономических отношений. Ее исходным пунктом и неизменной перспективой неоклассического анализа является комплекс «аксиом». Согласно В. Эшли, неоклассические представления об экономической жизни основаны на спекуляциях социальной философии.[27]

С методологической точки зрения неоклассическая политэкономия представляет собой математизированную метафизику, т. е. обогащенную математическими методами совокупность возведенных в абсолют предрассудков. Логико-математические конструкции неоклассической политэкономии являются не средствами для выражения экономической действительности, а строгими, неминуемыми преобразованиями ее умозрительного костяка. Логический и математический аппарат в неоклассическом учении используется не для познания экономической действительности, а как средство ограждения экономической теории от экономической действительности, помогающее облечь в научные одежды донаучное знание: ходячие представления, кабинетные фантазии экономистов и философские догмы XVIII и XIX века. Разумеется, такое использование математики в качестве щита отживающей догматики не имеет ничего общего с ее общепризнанным использованием в качестве мощного орудия совершенствования научного знания. Разумеется, такое использование математического аппарата не может привести к росту научного содержания неоклассических догматов.

Знаменитый деятель англиканской церкви Т. Мальтус поучал, что растущее население не может удовлетворительно обеспечить себя пропитанием в силу естественного закона понижения предельной производительности земли, что расшифровывается как необходимость возделывать, по мере роста населения, все менее плодородные земли.[28] Но это объяснение, все еще принимаемое в политэкономии неоклассиками, в частности, Дж. Кларком, убедительно дискредитировано одновременным ростом населения и производительности труда в XIX и XX столетиях. Это объяснение нищеты и неурядиц высокой рождаемостью, постулатом о легкомысленном поведении малообеспеченного населения является ярчайшим образчиком абсурда, к которому приводит догматическое понимание человека. Зингер. Отметим, что Мальтусова доктрина еще и в том сходна с неоклассической, что использует постулаты о внешней заданности и неизменности производительности труда, об изолированности темпов роста населения от экономического положения, т. е. о невозможности приспособления темпов роста населения к экономическим отношениям. Ложность последней предпосылки очевидна и доказывается статистикой. Коррекция населения, приспособление рабочей силы к капиталистическим условиям производства, во-первых, не имеет ничего общего с совокупным, общественным дефицитом

[27] Ashley, W. J. The Tariff Problem. 1904, p. 2-3.
[28] Ely, R.T., Adams, T. S., Lorenz, M. O. & Young, A. A. Outlines of Economics, 1919, p. 419-420.

ресурсов, производственных мощностей и продуктов, а во-вторых, осуществляется постепенно и незаметно, проявляется в виде массового голода, а как снижение продолжительности жизни трудящихся и показателей деторождения. Ясно, что Т. Мальтус серьезно недооценил внутреннюю способность народный масс к демографическому контролю в капиталистическом обществе. Как указывал Г. Лиагурас, социл-дарвинистское понимание общества не приносит пользу в прогнозировании изменений экономической жизни, недооценивает адаптивные качества участников экономической деятельности.[29] Ненаучная Мальтусова теория голода и нищеты как факторов ограничения человеческой популяции является недвусмысленной издевкой как над научным познанием, так и над творческими способностями человека. Впрочем, в этих двух аспектах она чрезвычайно сходна со своей более наукообразной преемницей, - неоклассической политэкономией.

В конце XIX века, видимо, вследствие необходимости адаптироваться к напору экономических фактов, буржуазная политэкономия рассталась с догматом фиксированного фонда заработной платы и перешла к теории независимых факторов производства. Перед тем, как установить безусловность гармонии труда и капитала при капитализме, т. е. полную оправданность тех доходов, причем совершенно независимо от их конкретного соотношения, которыми капиталистическая система наделяет продавцов труда и капитала, неоклассические экономисты применяют к исследованию соответствующих доходов, заработной платы и процента, одинаковый метод. Этот метод состоит в преобразовании абстрактных экономических категорий. Он базируется на предпосылке о раздельности, отдельном и независимом существовании факторов производства, т. е. что существуют независимые от человеческого труда и общественных отношений факторы производства и что экономический вклад может легко и мгновенно рассчитать любой хозяйственный субъект каждый раз, когда он сталкивается с рыночными оптимизационными задачами.

Единственным вытекающим из неоклассического учения, но в то же время универсальным объяснением бедности является экономическая неэффективность труда бедных, но эта последняя не является конечным экономическим явлением, не относится к последствиям умышленных действий бедных, к их решению оставаться бедными. Равно оно не относится к перенаселению, т. к. в условиях действительного перенаселения жизненно важных ресурсов не хватало бы всем. В современном капитализме, напротив, неслыханная роскошь соседствует с вековой задавленностью и беспросветностью положения значительной части трудящихся.

М. Дж. Риэй утверждает, что экономическая неоклассика выведена из ядра несложных предпосылок, включая веру в рыночную эффективность.[30] Дж. Ходжсон считает, что применимость теорий в исследовании и улучшении экономических отношений является приоритетом по отношению к формальным методам. Отсутствие стремления понять мир, внутренней критики в научном сообществе мейнстрима, связи формальных моделей и их контекста, а также увлеченность логическими играми характерны, по мнению Дж. Ходжсона для неоклассической экономикс.[31]

Неоклассическая трактовка человека не выдерживает малейшего прикосновения критики; она явно противоречит действительности и насколько несовместима с тщательными эмпирическими исследованиями в антропологии и психологии[32], что ее эмпирическое подтверждение означало бы крах всего научного знания о человеке, всех общественных наук современности. Причина данной несовместимости не только методологическая — нынешняя антропология и психология построены на исследовании обширного эмпирического

[29] Liagouras, G. Lost in Translation: Why Generalized Darwinism is a Misleading Strategy for Studying Socioeconomic Evolution. American Journal of Economics & Sociology, 2013, 72 (5), p. 1255-1286, 32p.
[30] Reay, M. J. The Flexible Unity of Economics. American Journal of Sociology, 2012, p. 58, 61.
[31] Ходжсон, Дж. О проблеме формализма в экономической теории. Вопросы экономики, 2006.
[32] Малиновский, Б. Избранное. Динамика культуры / Б. Малиновский. 2004.

материала. В то время, как исследователи этих двух дисциплин еще в XIX глубоко интересовались сбором и обобщением данных о действительности и предъявляли высокие требования к научным работам, неоклассические и ранние австрийские экономисты не утруждали себя подобным занятиям и вместо догадок и научной работы, одними лишь воображением и самоуверенностью пришли к своей концепции индивида. Эта теория, считающая первопричиной поведения человека эгоизм и бесконечное стремление извлекать полезность из внешней среды, т. е. бесконечный моральный аппетит, бесконечную хищность, аналогичным образом находится в разительном противоречии с естественнонаучным знанием, в частности, исследованиями человеческого мозга.

Не большей основательностью, чем рассматриваемое в этом разделе неоклассическое учение о человеке-аутоматоне располагает неоклассическая доктрина государства — рыночного полицейского. Н. Г. Чернышевский считал редуцирование государственных учреждений к роли жандарма буржуазно-конкурентных отношений крайне неэффективным. Превращение государства в жандарма капитализма лишает его средств предупреждения покушений на собственность и возможностей борьбы с причинами социальной напряженности.[33] Теория экономической гармонии молчаливо предполагает, что всегда имеется возможность защитить полную свободу экономических решений отдельного лица.[34] Это допущение уже потому неверно, что владение массы средств производства небольшой группой лиц ухудшает и стесняет экономическое положение остальных людей, создает экономические предпосылки для навязывания им кабальных условий труда.[35] Действительная защита государством рыночных прав каждого в условиях навязываемой капиталистической экономики хищнической морали обернулась бы не бесплатным делом, а очень дорогим. Охрана свободы экономической деятельности является очень трудной задачей для государства, не говоря уже об охране абсолютно свободной конкуренции.[36]

Неоклассическая предпосылка о свободной передаче информации в рыночной системе также не способствует научному пониманию капиталистических отношений и буржуазной торговли в частности. Р. Фадель и И. Сегал указывают, что передача информации в среде, состоящей из эгоистичных участников, является затруднительной и дорогостоящей.[37] Следовательно, распространение информации в эгоистической среде сопровождается затратами полезных ресурсов. В этой связи необходимо подчеркнуть противоречие между двумя неоклассическими постулатами: об эгоизме и полной информированности индивидов. При абсолютизации силы этих постулатов противоречие во взаимную исключаемость. Неоклассика предполагает крайне недалекое, узкое видение рациональности.

Неоклассические экономисты не разъясняют конкретные эффекты невидимой руки торгового дела, но характеризуют их как очень благоприятные. «Либеральная» доктрина полной компенсации устанавливает, что наемные рабочие при капитализме в состоянии равновесия получают компенсацию, полностью соответствующую их вкладу в процесс общественного производства. Верить неоклассическим экономистам на слово не приходится: современный подход к науке не таков, да и слишком неправдивым предстает этот довод о благотворности рыночной борьбы между эгоистами. Совершенно непонятно, какое благоприятствование оказывают эти эффекты на миллиарды трудящихся, прозябающих в настоящее время в безысходности и нищете в рыночных, капиталистических экономиках Индии, Греции, Португалии, Боснии, Пакистана, стран Африки. Совсем никаких выгод населению не приносила свободная торговля опиумом в Китае. Выходит, что тезис неоклассическим экономистов о безусловном превосходстве капиталистической организации

[33] Чернышевский, Н. Г. Избр. экономические произв. Т. 2. 1948, с. 137-141.
[34] Чернышевский, Н. Г. Избр. экономические произв. Т. 2. 1948, с. 136.
[35] Чернышевский, Н. Г. Избр. экономические произв. Т. 2. 1948, с. 136-137.
[36] Чернышевский, Н. Г. Избр. экономические произв. Т. 2. 1948, с. 132-133.
[37] Fadel, R., Segal, I. The Communication Cost of Selfishness. Journal of Economic Theory, 2009, 144 (5), p. 1895-1920, 26p.

с ее корыстным, индивидуалистическим мотивом над социалистической организацией является не аксиомой, не безусловной истиной, предрасположением исследователя. Целесообразность возведения этого предрасположения в универсальный абсолют не может быть доказана научно.

Й. Шумпетер заявляет, что гипотеза об эффективности свободной конкуренции противоречит факту установления монополистического раздела рынков в начале XX столетия.[38] Ведь свободная конкуренция в таком случае имеет тенденцию переходить к своей противоположности — монополии, которая подчиняет участников экономической деятельности собственным интересам посредством организации экономической диктатуры. Неоклассические экономисты, напротив, подчеркивают сугубо положительную роль абстрактной конкуренции, а реальные процессы, состоящие в разорении и увольнении других и монополизации производства другими, оставляют без внимания. Экономисты мейнстрима уже в основе своей теории не оставляют места для изучения взаимодействия рыночных институтов и конкуренции, их интересуют лишь идеальные ситуации.[39]

М. Кливленд полагает, что неоклассическая теория факторов производства построена на безосновательном агрегировании и не способна научно доказать гармонии интересов имущих и класса наемных рабочих.[40] М. Кливленд считает, что при выходе за пределы отдельной торговой системы (рынка), неоклассическая политэкономия становится бесполезной в вопросах производительности и установления цен на факторы производства.[41]

По мнению неоклассических экономистов, конкурентные рынки в некоем общественно значимом смысле прогрессивны, что они «преподносят инновацию, рост производительности труда и выгоды - потребителям»[42]. Но существуют экономически и социально ценные структуры вне буржуазных рынков рынков. Не следует забывать, что производство благ, использование производительного человеческого труда осуществляется вне торговой системы и отнюдь не в интересах торговой системы как таковой или ее собственников.

В неоклассической модели рыночного ценообразования потребители и производители взаимодействуют друг с другом сугубо механистически. Эта модель не позволяет представлять важнейшие явления, происходящие в сфере капиталистического обмена и оказывающие значительное влияние на производство, ценообразование и занятость. Ее агрегаты - рыночный спрос и предложение, строятся путем суммирования спроса и предложения индивидов, участников рынка, что не позволяет отражать возможность взаимодействия агентов, в частности, возникновения «эпидемии спроса» на основе тенденции к подражанию. Эпидемия моды, представлений о престижности потребления того или иного товара в либеральной теории не признается за объект, заслуживающий исследования. Но кривая спроса индивида на самом деле не показывает его предпочтения отдельно от общественных норм, навязанных стереотипов и представлений. В потреблении отдельных категорий товаров и услуг именно насаждаемые, излишние потребности преобладают над индивидуальными нуждами. Владельцы капиталистической системы заинтересованы в ее расширении и как минимум сохранении и, следовательно, в постоянном росте потребностей трудящихся. Рабочая сила для капитализма — это кислород, а потребности людей — своего рода кровяные тельца.

Утверждение, что выбор человека есть проявление его свободной воли, вера в

[38] Schumpeter, J. A. Capitalism, Socialism, and Democracy / J. Schumpeter. 1942, p. 81.
[39] Boettke, P. J., Fink, A., Smith, D. J. The Impact of Nobel Prize Winners in Economics: Mainline vs. Mainstream The Impact of Nobel Prize Winners in Economics: Mainline vs. Mainstream. American Journal of Economics & Sociology, 2012, 71 (5), p. 1120-1121.
[40] Cleveland, M. The Economics of Henry George: A Review Essay. American Journal of Economics & Sociology, 2012, 71 (2), p. 501, 502.
[41] Там же.
[42] Davis, P., Fletcher, A. Contribution to Competition Economics: Introduction. 2013, page F493. “deliver innovation, productivity growth and benefits for consumers...”

суверенность экономического выбора человека в наши дни абсурдна. Она игнорирует не только влияние социальной среды на экономическую деятельность человека, но и ключевую характеристику человека - его общественную природу.

К тому же, либеральные метафизики не удосуживаются показать, каким образом их собственная, отвлеченная капиталистическая торговая система приходит к состоянию равновесия. Даже их собственные сценарии дестабилизации и устойчивого неравновесия конкурентного рынка, например, паутинообразная модель, показывают, что теоретический рынок может находиться в состоянии неравновесия. Не менее важно, что ситуация равновесия на не означает достижения ситуации, в которой участники экономической деятельности используют открывающиеся перед ними возможности наилучшим образом.

Точку пересечения спроса и предложения ошибочно принимать за состояние всеобщего благополучия или за гарантию высоких темпов развития, за билет в царство экономической гармонии. Неоклассические экономисты не отвечают на вопросы о том, ведет ли достижение равновесия какой-либо отдельной торговой системой к повышению темпов роста благосостояния ее участников и общества в целом. Ими не рассматривается возможность замещения товаров, - в случае, если рынок не равновесен, избыток или дефицит переносится на другие сферы производства и таким образом может являться фактором развития иных производств. Неоклассикой не рассматривается межотраслевая конкуренция, устремление капитала в выгодные сферы производства, услуг. Между тем, именно в результате межотраслевой конкуренции выравнивается норма прибыли по отраслям.[43]

Капиталистическая прибыль создается в процессе производства, а не в результате сбыта товара на рынке.[44] Особенно выгодный сбыт товара для продавца всегда является потерей для покупателя, и поэтому представляет собой нечто жульническое, единичное, не связанное с систематическим обогащением капиталиста. Напротив, обогащение товара чужим трудом при условии оплаты этого труда ниже его вклада в произовдственный процесс, является систематическим источником роста богатства капиталиста, в чей собственности находятся условия производства и его продукты. Изучение экономического выбора предпринимателя составляет компетенцию прикладной дисциплины. Экономическая наука изучает экономические отношения в целом, не ограничивается экономическим видением имущих классов.

В условиях, изображаемых неоклассическими экономистами как конкурентный баланс интересов продавцов и покупателей, как равновесие вполне может затрудняться экономическая деятельность одних лиц и облегчаться деятельность других лиц. Формалистическое представление рынка как совокупности абстрактных параметров не позволяет отразить многие из коренных свойств капиталистической системы, в частности, большую роль размера частного капитала в формировании конкурентоспособности его владельца, возможность оказывать влияние и сковывать экономическую деятельность других лиц уже самим обладанием лучшими производственными мощностями и большим капиталом.

Накопление капитала всегда означает накопление экономических возможностей и позволяет диктовать условия труда и найма рабочей силы. Это соображение буржуазными экономистами с большим усердием замалчивается.

На первых страницах «Стоимости и капитала» знаменитый неоклассический экономист XX века Дж. Хикс выясняет, что центральной проблемой экономической науки является взаимоотношение рынков.[45] В этой книге последовательно проводится тезис, что экономические отношения полностью исчерпываются рыночной проблематикой, а задача

[43] Политическая экономия капитализма : Науч.-метод. пособие преподавателю по пробл. чтению лекций / Н. С. Бабинцева и др. 1990, с. 134.
[44] Политическая экономия капитализма : Науч.-метод. пособие преподавателю по пробл. чтению лекций / Н. С. Бабинцева и др. 1990, с. 132.
[45] Hicks, J. R. Value and Capital, 1946, p. 2.

экономистов состоит в их исследовании посредством теоретического аппарата неоклассики.[46] Дж. Хикс убежден, что главная задача экономистов состоит в разработке методов, позволяющих анализировать взаимоотношение рынков в экономике.[47] Сущность неоклассического подхода к экономике была выяснена в первой главе данной работы. Обратим внимание, что в «Стоимости и капитале» Дж. Хикс под взаимоотношением рынков подразумевает взаимоотношение идеальных, абстрактных рынков и, таким образом, подменяет экономическое исследование рыночным анализом, а этот последний — метафизическими спекуляциями.[48] Но какие научные основания имеет Дж. Хикс для утверждения того, что экономическая наука должна вращаться вокруг проблематики взаимодействия выдуманных рынков, выяснить непросто. В «Стоимости и капитале» не приведено никаких доказательств в пользу игнорирования экономического положения и отношений экономических агентов, т. е. напрямую. Одного убеждения в том, что учреждения обмена играют первоочередную роль в экономике недостаточно для формирования научной и практически ценной теории экономики, а Дж. Хикс ограничивается громкими постулатами и их логическим развертыванием. Ведь учреждения обмена возникают не сами по себе, но с целью координации и обслуживания реальных субъектов, имеющих определенные интересы, потребности и производственные возможности. Ведь учреждения обмена способствуют перераспределению уже существующих ресурсов, а создание новых ценностей происходит на предприятиях.[49] Но данные вопросы в «Стоимости и капитале» упорно не замечаются, не признаются заслуживающими места в экономической науке. Не утруждая себя объяснениями, завзятый приверженец неоклассического учения Дж. Хикс своим априорным вытеснением всех нерыночных экономических явлений на периферию экономической науки подтверждает, что центральное место в ортодоксальной экономикс по-прежнему принадлежит умозрению, априоризму, т. е. донаучному познанию.

В «Стоимости и капитале» Дж. Хикс указывает, что «метод» общего равновесия Л. Вальраса и В. Парето предоставляет исследователям общую картину экономических отношений.[50] Здесь существенно, что Дж. Хикс пишет о доктрине общего равновесия именно как о ценном познавательном методе, т. е. смешивает экономические идеи и способ их производства. Спекулятивная доктрина Л. Вальраса причисляется им к методу экономического исследования, видимо для того, чтобы отвлечь от изучения действительного метода Л. Вальраса. Дж. Хикс навязывает научному сообществу в качестве бесспорного метода то, что является лишь следствием комбинации методов умозрения и дедукции. Этот сомнительный прием Дж. Хикса не повышает научной обоснованности вальрасианства и неоклассической экономикс, действительной основой которых является догматическое и уничижительное видение человека. Способом построения этих очень похожих экономических учений является слепая вера в рыночные первоначала, приписывание учреждениям обмена значения первопричины и двигателя экономических отношений.

Не следует забывать об общности теоретических истоков лозаннского и неоклассического направлений экономической мысли. Наиболее существенные положения заимствованы их представителями у той части буржуазной политэкономии, которая в XIX веке смогла абсолютизировать и оправдать слепую веру в капиталистические учреждения, в прогрессивность «волчьих» экономических отношений, и которую, в лице теорий Ф. Бастиа, Ж. Б. Сэя и Н. Сениора, К. Маркс справедливо называл вульгарной.[51] Их главной общей чертой является возведение предубеждений в абсолют, приоритет веры и грубая недооценка критического мышления. Понятно, что в таких условиях логико-математический аппарат,

[46] Hicks, J. R. Value and Capital, 1946.
[47] Там же.
[48] Hicks, J. R. Value and Capital, 1946.
[49] Маркс, К. Капитал : Критика полит. экономии. Т. 1. 1988
[50] Hicks, J. R. Value and Capital, 1946, p. 2.
[51] Маркс, К. Капитал : Критика полит. экономии. Т. 1. 1988

составляющий внешнюю сторону, обертку вальрасианства и неоклассики, не может быть использован с целью роста научных знаний. Таким образом, вопреки Дж. Хиксу, вальрасианская теория общего равновесия не только не является методом экономического познания, но, будучи построенной на песке, находится в такой же оппозиции к научному мышлению, в какой сейчас находятся френология, теория флогистона и неоклассическая экономикс.

Поскольку «Элементы чистой политэкономии» Л. Вальраса оказала такое большое влияние на неоклассическую экономикс и, в сущности, предопределили ее метод, обратимся к этой книге. Важно иметь в виду, что она содержит эссенцию всех «либеральных» принципов в их самом откровенном виде, а потому очень полезна для выяснения истинного содержания буржуазного либерализма.

Л. Вальрас учит различать «гуманитарные факты» от «естественных фактов», которые объективируют уже не проницательную волю, а взаимодействие «сил слепых и фатальных»[52]. Это разграничение гуманитарного и естественного ненаучно и не имеет никакого значения. В самом деле, нельзя объявить явлениями только гуманитарными или только естественными бедность, безработицу, экологический или экономический кризис, перепроизводство сельскохозяйственной продукции. Но для Л. Вальраса все это несущественно. Вальрасианство, как и неоклассика, не утруждает себя рассмотрением проблемы бедности, объявляет, что бедность есть всегда явление, обусловленное стихийными силами, с которыми экономистам-практикам справиться не под силу. Но для чего нужна экономическая теория, как не для прояснения и выдвижения решений проблем экономической практики? Доктрина веры в неопровержимые принципы и в «золотые правила».

Украшая свой политэкономический трактат глубокомысленной метафизикой, Л. Вальрас объявляет, что «...человеческая воля, напротив, обладает сознанием и может действовать по разному»[53]. Во-первых, не человеческая воля, а человек может действовать по-разному. Во-вторых, нельзя согласиться с мнением Л. Вальраса касательно подчиненности сознания воле. Возможно, для этого буржуазного экономиста воля и сознание как объекты исследования, как проблемы, совершенно несущественны, неинтересны. Но в таком случае зачем ссылаться на непроясненные элементы действительности при построении научной теории? Если Л. Вальрас считает возможным на вечные времена отдать человеческое сознание в собственность человеческой воле, то у него на это нет видимых научных оснований. Понимание воли и сознания, достигнутое трудами великих философов и многолетними исследованиями психологов, Л. Вальрас обесценивает быстро, наскоком, привычным для его политэкономии методом голословного постулирования.

Следует отметить понимание Л. Вальрасом экономического достояния человечества, общественного богатства. По его мнению, к общественному богатству следует причислять лишь относительно редкие вещи.[54] Этот подход идеален для роста капиталистической эксплуатации, для игнорирования внешних эффектов капиталистического производства: разграбления, эксплуатации творческих способностей человека, природных ресурсов, может служить оправданием для загрязнения окружающей среды. Л. Вальрас уверяет, что «чистая» политэкономия подобна классической механике и должна быть «физико-математической наукой»[55].

Занятно, что Л. Вальрас открывает в бытии некие «гуманитарные факты» и убеждает, что они «имеют своим источником проявление воли человека, что является силой проницательной и свободной»[56]. Здесь второстепенно, является ли, по мнению Вальраса, проницательной силой воля человека или ее проявление. Первостепенное значение имеет тот

[52] Вальрас, Л. Элементы чистой политической экономии. 2000, с. 13.
[53] Вальрас, Л. Элементы чистой политической экономии. 2000, с. 14.
[54] Вальрас, Л. Элементы чистой политической экономии. 2000, с. 17.
[55] Вальрас, Л. Элементы чистой политической экономии. 2000, с. 23.
[56] Вальрас, Л. Элементы чистой политической экономии. 2000, с. 13.

факт, что Л. Вальрас, как и другие буржуазно-либеральные экономисты, приписывает причинность «гуманитарных фактов», а таким образом и экономической деятельности, неким пронизывающим и самостоятельным сущностям, которые располагаются вне собственно экономической системы. То, что одушевляет такого рода теоретическую экономику, приводит ее в движение, заставляет изменяться, находится за ее пределами и не подвергается экономическому анализу. Ссылки либерально-буржуазных экономистов на некие внешнеэкономические силы следует рассматривать как попытки дискредитировать познавательную роль экономического анализа, и, свести орудие познания и изменения общества, производственных отношений к придатку прикладной математики.

Когда Л. Вальрас возвещает, что «истины чистой политической экономии дадут решение самых важных, самых спорных и наименее ясных проблем прикладной политической экономии и общественной экономии»[57], он забывает, что способностей воображения для познания реальности, экономических отношений недостаточно. Поэтому утверждение о возможности возложить на воображение и дедукцию ответственность за решение ключевых проблем экономической практики, является грубейшей ошибкой исследователя, свидетельством его метафизического, идеалистического, ненаучного образа мышления.

Подводя итоги скажем, что неоклассическая экономикс строится как отвлеченная дисциплина, не допускающая прямой эмпирической проверки своих положений и отличающаяся от науки открытой враждебностью к какому либо изменению своих приниципов и положений в зависимости от экономических реалий. Не выработка знаний, позволящих улучшать экономические отношения, а укрепление веры в невидимые и неразумные силы является подлинной задачей неоклассических экономистов.

Вместо научного подхода, заключающегося в выдвижении гипотезы и ее эмпирической проверки, неоклассическая политэкономия ограничивается дедукцией из произвольно выбранных первооснов. Путем логико-математического развития изначальных принципов, которые, однако, не подвергаются эмпирической проверке, выстраиваются абстрактные построения. Помимо деятельности по развитию и углублению абстракций, метод дедукции позволяет буржуазным теоретикам на основе вздорных предположений решительнейшим образом готовить и осуществлять преобразования, но уже не фантастического мира, заселенного вездесущим, всезнающим и ненасытным хищником-гедонистом, а реальных, очень сложных общественных отношений.

Д. Макклоски считает, что неоклассическая политэкономия производит избыток непотребного, общественно бесполезного товара, но в то же время лишает исследователей творческой свободы, характеризуется «умственным размахом от H до M»[58]. Дж. Кларк и др. (2012) утверждает, что для экономистов важно не быть концепцией «наука — для научного сообщества», что «вместо того, чтобы писать статьи, которые показывают академическую мощь и читаются единицами», экономистам необходимо стремиться быть полезными более широкой аудитории[59]. Неоклассические экономисты изучают не действительно существующие экономические отношения, но вырабатывают нормы правильного поведения, обучают хозяйственных субъектов так, как это выгодно буржуазии — собственникам средств производства. Р. Вирхов писал: «очень печально, что всегда тысячи должны гибнуть в нищете, чтобы нескольким сотням жилось хорошо, и что эти сотни, когда наступает очередь очередной тысячи, пишут лишь наставления».

[57] Вальрас, Л. Элементы чистой политической экономии. 2000, с. 24.

[58] McCloskey, D. Kelly Green Golf Shoes and the Intellectual Range from M to N. Eastern Economic Journal (1995: 411).

[59] Clark, J. R., Miller-Wilford, J., Stringham, E. P. Beyond Kelly Green Golf Shoes: Evaluating the Demand for Scholarship of Free-Market and Mainstream Economists, 2012, p. 1171-1172. "rather than producing articles that show academic prowess and are read by few".

Методология австрийской экономикс

Австрийская экономическая традиция является выражением экономических взглядов наиболее реакционной, наиболее заинтересованной в расцвете эксплуатации и неравенства в условиях капиталистического строя буржуазии и аристократии. Рассмотрим воззрения ее основных представителей: К. Менгера, Л. Мизеса, Ф. Хаека, а также основные моменты критики австрийской политэкономии в книге Н. Бухарина «Политическая экономия рантье». Поскольку отвлеченные и построенные на априоризме экономические теории вступают в противоречие с научным познанием экономических отношений[60], а австрийская экономикс вся построена на абстракциях и априоризме, это наше рассмотрение не будет изобиловать ни чувством благодарности, ни готовностью принять все на веру.

Целью книги «Принципы экономикс» К. Менгер объявляет изучение роста общественного богатства, вскрытие законов экономического развития общества.[61] В корне этого исследования лежит не только безосновательное сведение экономических отношений к рыночным путем отражения первых в категориях последних, но и смешение науки и воображения. Неверно полагать, будто австрийская политэкономия последовательна в использовании приниципа индивидуализма - социального атомизма. В «Принципах...» К. Менгер прямо указывает, что его спекулятивная теория экономики предназначена «служить общественным [sic] интересам наивысшего значения»[62]. Менгер утверждает необходимость «редуцировать комплексные феномены экономической деятельности человека к простейшим элементам, доступным для точного наблюдения»[63]. Ключ в том, что простейшие элементы Менгера никакому наблюдению не поддаются. Согласно Менгеру, явления экономической жизни «организуются в точном соответствии (strictly) с конкретными законами»[64].

По Менгеру, экономическая деятельность состоит из решений «экономизирующих индивидов»[65], т. е. раздельно от влияний окружающей среды, роботоподобных и совершенно однородных, одинаково мыслящих и действующих на протяжении всей жизни. Такая теория не может не прийти к заключению о конкурентном характере экономической деятельности, поскольку существование одинаковых и бесконечно хищных созданий вкупе с органиченными ресурсами не может не привести их к состоянию ожесточенной конкуренции. Неоклассические экономисты постулировали, что их экономические индивиды уважают закон и конкурирует только экономически. Тем разрушительнее для внешней среды должно представляться рыночное противостояние этих созданий. Однако, это понимание хозяйства и его прогресса отнюдь не является научным.

Менгер уверен, что удовлетворение экономизирующего индивида определяет ценность товара.[66] Очевидно, что в этом случае нет никакой зависимоти между экономизирующим и неэкономизирующим поведением личности.Та польза, которую приносит потребление товара, независимо от того, является ли индивид экономизирующим или нет, будет влиять на ценность товара. Удивительно, что «экономизирующий индивид» появляется уже в экономике собирателей, согласно К. Менгеру.[67] Откуда в примитивной экономике, состоящей из неграмотных, зачастую не умеющих считать людей, мог появиться и распространиться рациональный индивид, неизвестно. То же касается «изолированного домашнего

[60] Политическая экономия капитализма : Науч.-метод. пособие преподавателю по пробл. чтению лекций / Н. С. Бабинцева и др. 1990, с. 3.

[61] Menger, C. Principles of Economics. 2007, p. 71.

[62] Menger, C. Principles of Economics. 2007, p. 46. “to serve a public interest of the highest importance”.

[63] Menger, C. Principles of Economics. 2007, p. 46. “to reduce the complex phenomena of human economic activity to the simplest elements that can be subjected to accurate observation”.

[64] Menger, C. Principles of Economics. 2007, p. 48. “are ordered strictly in accordance with definite laws”.

[65] Menger, C. Principles of Economics. 2007, pp. 59, 75, 120, 146. “economizing individuals”.

[66] Menger, C. Principles of Economics. 2007, p. 146.

[67] Menger, C. Principles of Economics. 2007, p. 73.

хозяйства».[68]

Менгер убежден в существовании отдельного класса товаров: «семейных связей, дружбы, любви, религиозных и научных обществ»[69]. Непонятно, как эти товары производятся, потребляются, отличается ли качественно, например, в политэкономии Менгера, религиозное объединение от пиждака или туфель. Ведь невежество в том и состоит, что разнородные элементы объединяются. Какое основание у Менгера было выдавать человеческие чувства за товар, неясно. Никакого научного доказательства своих идей Менгер не приводит.

Концепция уменьшающейся предельной полезности плохо совместима с постулатом неоклассики о безграничности потребностей. Ведь в определенный период времени потребление каждого товара так или иначе является ограниченным, уже в силу той уменьшающейся пользы, которую приносит потребление все новых единиц товара. Но и товарный ассортимент в любой действительной экономики не может быть неограниченным. Следовательно, необходимо говорить о неопределенности желаний, о бесконечности (причем не только в количественном, но и в качественном отношении) возможных, потенциальных потребностей, а не о бесконечности действительных потребностей личности. Таким образом, этот вопрос, надлежаще рассмотренный, позволяет заключить во-первых, о расплывчатости человеческих желаний, о невозможности точно предустановить в настоящее время новые потребности человека в будущем, а во-вторых, но только при условии верности теории предельной полезности, - об ограниченности потребностей любого индивида в настоящем. Или потребности человека в любом взятом промежутке времени конечны, или теория предельной полезности неверна. Интересно, что К. Менгер не считает потребности индивида бесконечными[70], а полагает, что потребности в товарах зависят от конкретной экономической ситуации, не являются заранее определенными[71]. В этом пункте с К. Менгером нужно согласиться.

Но при условии, что концепция предельной полезности верна, дополнительное потребление капиталиста не может приносить ему больше полезности, чем дополнительное потребление трудящегося. Капиталист, если он является рациональным в неоклассическом смысле, т. е. если черпает мотивацию к своей экономической активности из стремления извлекать полезность от потребления, теоретически должна уменьшаться по мере роста его состояния, стремиться к нулю. Другой результат получается, если игнорировать теорию предельной полезности и пользоваться постулатом о неограниченных потребностях, о неограниченного стремления к наживе, что и делают неоклассики. Однако, в этом случае речь уже не идет об экономической деятельности с целью потребления, но уже об экономической деятельности с целью максимального разграбления внешней среды, хотя бы это вовсе не приводило к росту общей полезности, извлекаемой из потребления неоклассическим homo economicus.

С другой стороны, интересы бедных, низкооплачиваемых трудящихся будут нарушены неоклассической системой распределения «по предельному продукту», так как в обмен на тяжелый и неблагодарный труд они могут неопределенно долго получать мизерную плату, погрязнут в состоянии хронической неудовлетворенности основных потребностей, т. е., используя либеральную терминологию, недополучат большое количество полезности. Призводимый в капиталистической экономике продукт частично экспроприируется. Поскольку в этой экономике большинство лишены средств производства и возможностей их приобретения, она эффективна в воспроизводстве эксплуататорских отношений и

[68] Menger, C. Principles of Economics. 2007, p. 75.

[69] Menger, C. Principles of Economics. 2007, p. 54. “family connections, friendship, love, religious and scientific fellowships”.

[70] Menger, C. Principles of Economics. 2007, p. 83.

[71] Menger, C. Principles of Economics. 2007, p. 89.

неравенства.

Менгер заявляет, что труд, вложенный в создание товара, никак не влияет на стоимость товара[72]. Эта последняя предполагается функцией способности товара удовлетворять нужды (needs)[73]. Но когда Менгер начинает доказывать, что формирование цены товара происходит в колебаниях между ценой спроса и ценой предложения[74], он вступает в противоречие сам с собой, со своим предыдущим постулатом об отсутствии влияния на ценность товара со стороны объема использованного в его производстве труда[75]. Менгер не дает никакого удовлетворительного объяснения цены спроса и цены предложения. Чтобы разъяснить экономическую сущность цены спроса, совершенно недостаточно указать на предпочтения как на ее первооснову. Менгера следует понимать так, что цена товара определяется колебаниями между сугубо экзогенными величинами, о которых экономист-теоретик ничего не знает и ничего знать не обязан.

Согласно К. Менгеру, ситуация, в которой собственник земли получает больше доходов, чем тот, кто пашет «не аморален»[76], а закономерен, поскольку в этой ситуации «удовлетворение важных человеческих нужд больше зависит от сервисов... участка земли, чем от сервисов трудящегося»[77]. Несмотря на то, что Менгер выступает за самоустранение экономистов из области этики, за четкое разделение этики и экономической науки, себя он считает вправе заявлять об этической природе рассматриваемых им экономических явлений, чем доказывает свою непоследовательность, готовность предоставлять решения этических вопросов сразу, наскоком, без всякого изучения. Этот развязный априоризм проходит красной нитью сквозь всю австрийскую школу политэкономии.

Карл Менгер в своем «Исследовании метода общественных наук и экономикс в отдельности»[78], посвященном во многом полемике с немецкой исторической школой, утверждал, что расширение «индивидуальных точных наук» до теорий, описывающих «определенные области реальных явлений», недопустимо и означает, что исследователь «неправильно понимает самые элементарные принципы теории науки»[79]. Здесь Карл Менгер намеревается критиковать исследователей. Но какие именно принципы Менгер относит к наиболее элементарным в теории науки, он не разъясняет. Остается невыясненным само понимание теории науки К. Менгера, как и оправданность отнесения экономики к «индивидуальной точной науке», что Менгер подразумевает как нечто само собой разумеющееся не утруждается привести доводы в пользу этого решения.

К. Менгер заявляет, что его исследование направлено на «сведение человеческих феноменов к выражениям самых естественных и самых общих свойств и имульсов человеческой природы»[80]. Менгер походя уравнивает наиболее естественные и общие «свойства и импульсы» человеческого поведения со «свободной игрой индивидуального базового свойства человеческой природы»[81]. Соображения, которые заставляют Менгера предполагать неименность свойств личности и отсутствие влияния на эти последние со стороны экономики, неясны. Почему взаимодействие людей в обществе предполагается

[72] Menger, C. Principles of Economics. 2007, pp. 146-150.

[73] Menger, C. Principles of Economics. 2007, pp. 168-169.

[74] Menger, C. Principles of Economics. 2007, pp. 274-275.

[75] Menger, C. Principles of Economics. 2007, pp. 146-150.

[76] Menger, C. Principles of Economics. 2007, p. 174. “not immoral”.

[77] Menger, C. Principles of Economics. 2007, p. 174. “the satisfaction of important human needs depends more upon the services of the given amount of capital or piece of land than upon the services of the laborer”.

[78] Menger, C. Investigations into the Method of the Social Sciences with Special Reference to Economics, 1985.

[79] Menger, C. 1985. p. 78. “individual exact sciences”; “definite realms of real phenomena”; “misunderstands the most elementary principles of the theory of science”.

[80] Menger, C. 1985. p. 86. “reducing human phenomena to the expressions of the most original and the most general forces and impulses of human nature.”

[81] Menger, C. 1985, p. 86. “free play of each individual basic propensity of human nature”.

следствием индивидуальных стремлений, а влияние сложившихся отношений на людское сознание и стремления отвергается, остается неясным. Менгер учит, что «обвинение в «атомизме» коренится в неумении распознать верную природу строгой ориентации теоретического исследования»[82], что «обвинение в атомизме... предъявляется каждому, кто заинтересован в подлинных проблемах теоретической экономикс»[83].

«*Строгая теория политической экономии* [sic] учит нас следовать и понимать точным образом [sic] проявления корыстного интереса человека в усилиях экономических людей»[84]. Действительно, Менгер учит строго! Но чем он учит? Измерению корыстного интереса и выдает свой метод за общеэкономический. Далее Менгер поясняет, что важнейшим объектом для экономической науки являются не общественные отношения людей в экономической области, а именно менгерская точная оценка корыстной деятельности[85].

Менгер полагает, что «явления «национальной экономики» ни в коем случае не являются прямыми отражениями жизни нации»[86]. Менгер поэтому вводит постулат личного эгоизма и узкоэкономической рациональности, которыми он обосновывает экономические решения отдельных лиц и их общественные поледствия. Основание менгерского подхода к политэкономическому исследованию лежит в области этики и, говорит Менгер «состоит в том факте, что мы сводим человеческие явления к их наиболее естественным и простейшим структурным факторам»[87].

Другой очень известный представитель австрийской школы экономикс, разработчик «праксеологии» - умозрительной, кабинетной доктрины человеческого поведения, Л. Мизес выступает за преднамеренный отрыв представлений об экономике — экономической теории, от экономической действительности. В 1949 году он предлагал изучать воображаемую социалистическую систему производства, заявлял, что ее изучение возможно якобы лишь посредством методологии собственной каталлактики. Вера в собственное, личное умозрение и пренебрежение к фактам. «Это определенно одна из задач экономикс — анализировать работу воображаемой (?!) социалистической системы производства. Но доступ к такому исследованию также [sic] можно получить только посредством изучения каталлактики, освещения системы, в которой существуют денежные цены и экономическая калькуляция»[88]. Почему только системы производства? А как насчет потребностей при социализме и при капитализме, сравнения влияния потребителя в этих двух системах? Как претенцизно — социалистическую систему уразумейте-ка Л. Мизес требует вначале измышлять, а затем изучать. Виден отход от научности к законченному метафизическому зданию, построенному по своим собственным законам, не считающейся с действительной экономикой, но дающей безапелляционные рекомендации на ее счет.

Мизес утверждает, что «воображаемая конструкция» (imaginary construction) является «логически бесспорной процедурой, единственной, [sic] которая подходит для решения

[82] Menger, C. 1985, p. 90. “the charge of "atomism" has its roots in the failure to recognize the true nature of the exact orientation of theoretical research”.

[83] Menger, C. 1985, p. 90. “...the charge of atomism.. [is pressed] against everybody who is concerned with the true problems of theoretical economics”.

[84] Menger, C. 1985, p. 87. “*The exact theory of political economy* teaches us to follow and understand in an exact way the manifestations of human self-interest in the efforts of economic humans”.

[85] Там же.

[86] Menger, C. 1985, p. 93. “the phenomena of "national economy" are by no means direct expressions of the life of a nation”.

[87] Menger, C. 1985, p. 62. “consists in the fact that we reduce humanphenomena to their most original and simplest constitutive factors”.

[88] Mises, L. F. (1949). “The Scope and Method of Catallactics”. p. 5. (pp. 3-27) in Austrian Economics, vol. 3. “It is certainly one of the tasks of economics to analyze the working of an imaginary socialist system of production. But access to this study too [sic] is possible only through the study of catallactics, the elucidation of a system in which there are money prices and economic calculation.”

проблем исследования»[89]. Как претенциозно. Мизес не уточняет, решение каких именно проблем должно полностью исчерпываться преподносимым им методом воображаемой конструкции. А в следующем параграфе Мизес говорит, что «цели, которые большинство людей, практически даже все люди стремятся достигнуть... [лучше всего достигаются] такой экономической политикой... при которой свободная рыночная система не тормозится декретами правительств»[90].

«Но это не заранее готовое суждение... - утверждает Мизес, - это, наоборот,, результат осмотрительного, непредвзятого исследования всех аспектов [sic] интервенционизма»[91]. Во-первых, общественная политика им не изучалась — только воображаемая, с воображаемым влиянием на экономику в воображении. Можно ли познавать действительность из воображения? Не обладает ли воображение недостатками, которые перекинутся на теорию, построенную при помощи воображения? Выходит, что Мизес пристрастно подошел к вопросу о государственном регулировании. Не сталкиваясь со всеми сторонами «рыночной системы» в действительности, он судит о ее превосходстве только исходя из собственного аристократического мировоззрения. Не только целенаправленное вмешательство демократических институтов в рыночные отношения с общественно значимыми целями, но и существующая экономика, во многом сложившаяся вследствие этого вмешательства в прошлом игнорируются Мизесом. Удобное словечко — интервенционизм, за которым скрыть все политико-экономические интересы населения, всю его политическую активность, всю деятельность демократических институтов власти для наилучшей организации общественного хозяйства. По мнению Л. Мизеса, только «воображенные конктрукции» подлежат изучению экономистов, а экономика должна превратиться в умозрение, прежде чем стать наукой.

Интеллектуальная изоляция представителей австрийской школы от общества, в особенности от трудящегося населения является фактом. Согласно Э. Штрайсслеру, «допуск к школе был социально ограниченным. Около половины членов были представителями низшей аристократии»[92]. Более того, «доступ к профессии экономикс фактически открывался приглашением в частную библиотеку Менгера»[93]. Эти свидетельства социальной дискриминации при доступе к экономической профессии поддерживают тезис о том, что австрийская традиция основана не на непредвзятом исследовании экономических отношений, а на аристократических предрассудках, на экономическом воображении господствующих социальных слоев.

Ф. Хаек утверждает, что «роль экономиста в интеллектуальной жизни нашего времени не похожа на таковую практиков (practitioners) любой другой области знаний. Вопросы, по отношению к которым его специальные знания (special knowledge) актуальны, вероятно встречаются более часто, нежели вопросы относящиеся к любой другой науке»[94]. Это перл!

[89] Mises, L. F. (1949). “The Scope and Method of Catallactics”. p. 9. (pp. 3-27) in Austrian Economics, vol. 3. “logically incontestable procedure, the only one [sic] that is fitted to solve the problems involved”.

[90] Mises, L. F. (1949). “The Scope and Method of Catallactics”. p. 9. (pp. 3-27) in Austrian Economics, vol. 3. “the goals which most people, practically even all people [sic], are intent on attaining...[are best attained] by economic policy... where the free market system is not impeded by government decrees.”

[91] Mises, L. F. (1949). “The Scope and Method of Catallactics”. p. 9. (pp. 3-27) in Austrian Economics, vol. 3. “But this is not a preconceived judgement... It is, on the contrary, the result of careful, unbiased scrutiny of all aspects [sic] of interventionism.”

[92] Streissler, E. “The Intellectual and Political Impact of the Austrian School of Economics”. p. 31. (pp. 24-37) in Austrian Economics, vol. 1. “...admission to the school was socially restrictive. About half the members came from the lower aristocracy.”

[93] Там же, с. 30. “entrance to the economics profession was, in fact, gained by invitation to Menger's private library.”

[94] Hayek, F. A. “The Trend of Economic Thinking”. p. 121. (pp. 121-137) in Austrian Economics, vol. 1. “The position of the economist in the intellectual life of unlike that of the practitioners of any other branch of knowledge. Questions for whose solution his special knowledge is relevant are probably more frequently encountered than questions relating to any other science. ”

Эссенция вульгарности. Что Хаек понимает под пресловутым «специальные знания»? Почему в своей статье авторитет австрийской экономической традии Хаек не приводит никаких доказательств этого столь широкого и претенциозного утверждения?

При этом Хаек утверждает, что «атаки на экономикс исходят из неприязни к применению научных методов к исследованию социальных проблем»[95]. Это остроумно - исключить действительное общество из рассмотрения, а затем утверждать, что экономикс научно исследует социальные проблемы. Представители австрийской школы экономикс необоснованно отрицают возможность решения социальных проблем нерыночными механизмами, отрицают влияние социальной среды на личность, не видят в общественной среде, влияющей на выбор и формирующей самих индивидов объекта, достойного научного изучения.

Понимание денег в австрийской политэкономии существенно различается — от идей Хаека по организации конкурирующих частных валют до предложений некоего Ротбарда (Rothbard) о стопроцентном обеспечении современных денег золотыми резервами правительств[96].

Хаек утверждает о частных валютах, что «если бы капиталисты могли производить для себя деньги [имя в виду именно частные валюты, currencies], какие им только нужны, конкурентная система уже давно преодолела бы существенные колебания в экономической активности и длительные периоды депрессий»[97]. Однако, почему частные валюты должны были привести к преодолению экономических циклов и кризисов не уточняется Хаеком. Не предоставляет Хаек в своей статье о пути к свободной монетарной системе никаких доказательств этого утверждения, доказательства заменены бесцеремонными постулатами, назиданиями. О какой научной ценности может идти речь в этом случае? Ценность таких исследований сугубо метафизическая, так как они дают ориентиры для более дотошных экономистов масштаба помельче дедуктивно обосновывать идеи, пришедшие на ум руководящим экономистам. Все это является подходом ненаучным, схоластическим.

Ф. Хаек является проводником идей либерального фашизма. Выступает за создание социального и экономического режима максимального благоприятствования к существующим собственникам средств производства, к либерализации их практик, уничтождению всякого общественного контроля, том числе, надо это понимать, в хлеботорговле, в торговле другими продуктами питания и найме рабочей силы. Это ведет к режиму наименьшего благоприятствования, к абсолютной социальной беззащитности тех, кто не имеет в собственности средств производства, большинства населения в любой стране. Интересы капиталистов становятся де-факто законом, а интересы всех, кто не является капиталистами, вовсе не признаются легитимными. Но неужели общественное хозяйство действительно должно принадлежать и беспощадно эксплуатироваться какой-либо одной социальной прослойкой?

В этом духе частных валют, развивая его и будучи верным принципам децентрализации и образования порядка из хаоса, неосознанно, можно защищать частные охранные структуры, доказывать уже при либерализации, что нужно не правовое государство, а конкурирующие между собой банды братков, т. е. «частное» обеспечение безопасности для тех, кто может платить. Этот дарвиновский эволюционизм австрийского политэконома Хаека, однако, есть проявление невежества, поскольку отрицает прогресс, достигнутый человечеством, образование порядка и общественных отношений из хаоса, дикости, произвола и варварства в прошлом, которому с умственным развитием человека остается все

[95] Hayek, F. A. “The Trend of Economic Thinking”. p. 124. (pp. 121-137) in Austrian Economics, vol. 1. “The attack on economics sprang rather from a dislike of the application of scientific methods to the investigation of social problems.”
[96] Austrian Economics, vol. 2. 1990, p. xiii.
[97] Hayek, F. A. “Toward a Free Market Monetary System.” 1977. pp. 262 – 269 in Austrian Economics, vol. 2., p. 269. “...if the capitalists had been allowed to provide themselves with the money which they need, the competitive system would have long overcome the major fluctuations in economic activity and the prolonged periods of depression.”

меньше места, и который все более вытесняется механизмами правового государства всеобщего благосостояния. В этом нигилизме по отношению к прошлому, к построенной на жертвах, на ошибках человеческой цивилизации, в непонимании необходимости ограничивать ожесточенное противостояние людей, корысть и эгоизм, состоит крупнейший порок экономической метафизики Ф. Хаека.

Но разве для строительства здания необходимо обладать всеобъемлющим знанием относительно всех компонентов строительства, разве нельзя пользоваться разделеним труда: каменщики отвечают за укладку строительного материала, электромонтеры — за проводку, инженеры — за общее руководство? Разве этим аргументом о невозможности полного, абсолютного знания Хаеку удалось бы опровергуть необходимость строительства здания по плану, использование осознанного разделения труда? В таком случае, как и почему Хаек считает себя уполномоченным использовать этот аргумент для критики планового народного хозяйства? Почему он не ратует за случайную, невидимую координацию при строительстве жилищ, - потому что в результате такой координации получится не удобный и прочный многоэтажный дом, а множество лачуг и сараев? Но в экономике рецепт Хаека может привести к тем же последствиям, - вместо скоординированных усилий — взаимно противоречащие усилия, усобицы, всеобъемлющая корысть и обман, вместо процветающей экономики и мощного производства — конкурирующие челноки, финансовые пирамиды и преступные сообщества.

По мнению К. Менгера, экономическая деятельность координируется «спонтанными рыночными силами»[98]. Спонтанность здесь означает признание за экономистами роли наблюдателей, утверждение агностицизма относительно того, что предполагается процессом рыночной координации[99], самоустранение исследователя от изучения части явлений и отношений действительного мира.

Последователи Ф. Хаека и австрийской школы вообще постулируют, что экономический порядок рождается из хаоса, в результате «рыночного процесса» и «ценового сигнализирования»[100]. Эта деятельность не опирается на объективную действительность, не ставит целью ее изучение, а вместо экспериментальной или статистической проверки гипотезы ограничивается одним ее провозглашеним, постольку она не соответствует современным стандартам научности, имеет схоластический, псевдонаучный характер.

Хаек убежден в невозможности разума постигнуть экономические отношения при капитализме: «времена, обстоятельства и процессы... и детали не могут быть вявлены с какой-либо уверенностью в точности выявленного»[101]. Стремление к постижению экономических, а в частном случае — капиталистических отношений Хаек необоснованно связывает с популярным в западной культуре словосочетанием wishful thinking[102] и утверждает, что рыночная экономика не предполагает постижения человеческим разумом, что явления экономической реальности настолько сложны, что любые попытки их исследования заранее обречены на провал[103]. Здесь Ф. Хаека пересекается с богословской схоластикой, а не с методами общественных и естественных наук. Ф. Хаек весьма отстал от века. Несмотря на то, что Хаек наделяет себя самого правом постулировать, вырабатывать экономическое знание из своего воображения, он не верит в познавательные возможности человека и бездоказательно лишает, в своих писаниях, человечество права на познание общественной и капиталистической экономики. Таков парадокс методологии этого отсталого

[98] Hayek, F. A. Critical Assessments. Ed. By J. C. Wood & R. N.. Wood 1991, p. xiii. “spontaneous market forces”.
[99] Там же, см. p. xx-xxi.
[100] Hayek, F. A. Critical Assessments. Ed. By J. C. Wood & R. N. Wood. 1991, p. xx. “market process”, “price signalling”.
[101] Hayek, F. A. The Fatal Conceit: The Errors of Socialism. 1992, p. 38. “the times, circumstances, and processes... and details cannot be discerned with any confidence of accuracy”.
[102] англ., отождествление желаемого и действительного.
[103] Hayek, F. A. The Fatal Conceit: The Errors of Socialism. 1992, p. 21-23.

интуитивно-догматического направления буржуазной экономической мысли, скатившейся к поучениям малокультурных обсурантов средневековья и несовместимой с задачей роста научного знания об обществе.

Для прояснения того метода, посредством которого Ф. Хаек пытается развернуть и обосновать свою концепцию эволюционной этики[104], а также дискредитировать идеи целенаправленного общественного развития[105] и социальной справедливости[106], достаточно рассмотреть несколько примеров.

Поставив вопрос: «чем люди больше всего обязаны моральной практике капиталистов?» - Хаек тут же дает на него ответ: «самими их [sic] жизнями»[107]. Отметим мимоходом, что Хаек говорит «их (their) жизнями», а не «мы обязаны своими жизнями», т. е. исключает себя из того большинства людей, которые по его мнению обязаны капиталистам всем на свете. Главное, что следует подчеркнуть — это софистический метод, используемый Хаеком для достижения своих идеологических целей. Вышеприведенный диалог Хаека является характерным образцом аргументирования этого австрийского буржуазного мыслителя. Всего в одном предложении Хаек дает ответ на вопрос вселенского размаха и настолько принижает способности основной массы населения, что его плагиаторы едва ли смогут удержаться от самостоятельного шага, от громкого призыва к анархическому режиму полурабства, к состоянию капиталистической раздробленности. Между тем, сама постановка этого вопроса в экономической науке неуместна и смехотворна: ведь капиталисты тоже люди, и, выходит, они обязаны своими жизнями собственной моральной практике; кроме того, капиталисты существовали не всегда.

Аналогичной догматической риторикой, вроде «жизнь не имеет другой цели, кроме себя самой»[108] и «религиозные взгляд, - что мораль выработалась в процессах [sic!], недосягаемых для человеческого сознания... может быть правдивее [sic]... чем рационалистическое заблуждение [sic - “truer... than delusion!], что человек создал изобрел [sic] мораль посредством разума»[109], Хаек пытается убедить читателей в пагубности общественного регулирования производства и труда. После этого становится ясно, что не только неоклассической, но и австрийской политэкономии, вождем которой во второй половине 20 века оставался Ф. Хаек, безразлична личность как участник экономической деятельности, а равно и познание экономической действительности. Разница состоит в том, что неоклассические экономисты изолируют теорию от действительности «одним махом», воздвигая барьер из догматов, которые впоследствие преобразуются в соответствии со всеми правилами логики и математики, тогда как австрийские буржуазные экономисты пользуются догматическим методом на каждом шагу, открыто порывают с научным познанием.

О пренебрежении Ф. Хаеком достижений общественных наук говорить не приходится. В работах этого экономиста отчетливо видно пренебрежение к научной методологии, упорядоченному мышлению, здравому смыслу, наконец, к воздержанности в неясных вопросах. Но для профессионального обскуранта и софиста научные познания излишни. Они могли бы лишь сдерживать, а не усиливать ожесточенные нападки Хаека на наемных рабочих и экономическую науку. Именно поэтому Хаек освободил свою интутивную и произвольную доктрину экономики от какого-либо научного балласта. Его крайне самоуверенное и безусловное оправдание буржуазной эксплуатации поддерживается не менее грубыми и

[104] Hayek, F. A. The Fatal Conceit: The Errors of Socialism. 1992, p. 9.
[105] Hayek, F. A. The Fatal Conceit: The Errors of Socialism. 1992, p. 49.
[106] Hayek, F. A. The Fatal Conceit: The Errors of Socialism. 1992, p. 117.
[107] Hayek, F. A. The Fatal Conceit: The Errors of Socialism. 1992, p. 130. “If we ask what men most owe to the moral practices of... capitalists... the answer is: their [sic! their, not our!] very lives” (130).
[108] Hayek, F. A. The Fatal Conceit: The Errors of Socialism. 1992, p. 133. “life has no purpose but itself”.
[109] Hayek, F. A. The Fatal Conceit: The Errors of Socialism. 1992, p. 137. “In any case, the religious view that morals were determined by processes [sic!] incomprehensible... may be truer (?!)... than the rationalist delusion [sic] that man, by exercising his intelligence, invented [sic] morals...”

настойчивыми попытками дискредитировать научное познание общественных отношений. Мы видим, что Ф. Хаек является ярым приверженцем идеи тотальной эксплуатации человека человеком, осуществляющейся посредством режима неограниченной диктатуры капиталистов, посредством полного замещения общественной власти и учреждений властью капиталистов. Оправданию режима фашистствующего буржуазного либерализма, или «либерал-фашизма», и подчинен экономический иррационализм Ф. Хаека.

Н. Бухарину в «Политической экономии рантье» удалось выявить основные логические и социологические элементы австрийской школы политэкономии. «Учитывая, что определение ценности, даваемое австрийской политэкономии, принципиально основывается на субъективной оценке индивида и не выходит за пределы индивидуального, субъективного, случайного, это определение ценности не может рассчитывать на объективную ценность, ничего не дает науке и обществу».[110] Основным понятием австрийской школы политэкономии является полезность, что выводит развитие общественных явлений за пределы экономической дисциплины, позволяет объяснять экономическое развитие лишь постулатами и аксиомами, нисколько их не проверяя, полностью изолируя теоретические положения в этой области от действительности[111]. Согласно Бухарину, для рантье, для социальной группы живущей доходом с ценных бумаг, характерна психология потребителя и обостренный индивидуализм, а для трудящихся — психология производителя[112].

Н. Бухарин указывал, что рост значения разделения труда в товарном производстве ведет снижению влияния субъективного удовлетворения покупателя от потребления товара на его экономическое поведение.[113] В частности, Н. Бухарин отметил, что торговые предприятия при закупках товаров не могут руководствоваться субъективной предельной полезностью потребления товара.[114] Для австрийских экономистов очень характерно стремление не открыть экономические законы, а предписывать их, а заодно экономические нормы и вечные тайны, устанавливать границы познаваемого и непознаваемого. В своей работе Н. Бухарин подверг разносторонней критике метод изолирующей абстракции, использовавшийся ранними австрийскими обскурантами[115].

Н. Бухарин заключил, что социологическая роль разработок К. Менгера и Ю. Бем-Баверка состояла в безусловном оправдывании не только капиталистической системы производства в целом, но и любых ее эксцессов.[116] В своей работе Н. Бухарин показал, что конструкция абстрактной экономики, созданная ранними представителями австрийской полиэкономии, была построена лишь на воображении и классовом интересе буржуазии, а не на объективном исследовании действительно существующих отношений производства и распределения.[117]

В целом, австрийский догмат суверенного потребителя устанавливает, что потребительские предпочтения уже без учета платежеспособности являются конечной причиной, определяющей экономическую жизнь в рыночной экономике: «предпочтения потребителей управляют распределением потенциальных факторов производства»[118]. В действительности сами предпочтения человека есть следствие доступных способов поведения, следствие его социализации, приобщения к экономическим отношениям. Австрийские экономисты спекулируют о влиянии выбора отдельного человека на экономику,

[110] Бухарин, Н. И. Политическая экономия рантье : Теория ценности и прибыли австр. шк. С. 65.
[111] Бухарин, Н. И. Политическая экономия рантье : Теория ценности и прибыли австр. шк. С. 55.
[112] Бухарин, Н. И. Политическая экономия рантье : Теория ценности и прибыли австр. шк. С. 20, 21.
[113] Бухарин, Н. И. Политическая экономия рантье : Теория ценности и прибыли австр. шк. С. 69.
[114] Бухарин, Н. И. Политическая экономия рантье : Теория ценности и прибыли австр. шк. С. 69.
[115] Бухарин, Н. И. Политическая экономия рантье : Теория ценности и прибыли австр. шк. С. 55.
[116] Бухарин, Н. И. Политическая экономия рантье : Теория ценности и прибыли австр. школы. 1988.
[117] Бухарин, Н. И. Политическая экономия рантье : Теория ценности и прибыли австр. школы, 1988.
[118] Kirzner, I. M. (1999) ‘‘Mises and His Understanding of the Capitalist System.’’ p. 222. "the value scales of consumers come to govern the disposition of potential factors of production".

но крепко закрывают глаза перед влиянием сложившейся системы экономических отношений на желания, возможности, действия и экономическое положение представителей различных социальных классов. Объявляя неограниченную свободу выбора, многие забывают слова Н. Г. Чернышевского о том, что наемные трудящиеся при капитализме только в абстракциях и на словах свободны, а на деле - закабалены материальной нуждой.[119]

Общее в методе австрийской и неоклассической экономикс

Неоклассических и австрийских экономистов объединяет вера в возможность дедуцирования экономической теории из нескольких предпосылок. Нетрудно убедиться, что экономическое содержание их теорий находится уже в самих «аксиомах», т. е. предустановлено заранее и не зависит от экономических фактов, что есть вернейший признак ненаучного, догматического мышления. Принятая за конвенцию безапелляционность в познании всесторонне ограничивает экономический анализ, сводит его к тенденциозному истолкованию любых экономических фактов в свете рыночных категорий. Умозрительный анализ неоклассиков и австрийских теоретиков эффективен в качестве идеологического средства и показывает, как в кривом зеркале, содержание и значимость капиталистических правил и постулатов.

Важной чертой методологии обеих школ является отчужденность экономической мысли, в частности, экономических проблем, от социальной и экономической действительности и положения трудящегося населения. Если теория базируется на принципах, отражающих предпочтения ученых, их миросозерцание, то этим наносится ущерб ее научности. Теоретическое развитие в неоклассике, подобно таковому схоластики, группируется вокруг нескольких центров либерального мышления. Социальная изолированность экономикс дополняет ее теоретическую отвлеченность.

Другая общая черта - отрицание социальной природы человека. Экономическому поведению человека приписывается свойство постоянства, единожды заданный алгоритм. Вследствие этого человек изображается изолированным от социальной среды, невосприимчивым к ее изменениям, не способным быть подвергнутым негативным воздействиям со стороны собственников капитала. Но экономическое поведение действительно существующего человека, и в этом нет никакого сомнения, формируется, воспитывается его окружением. Таким образом, ни о какой постоянной рациональности говорить не приходится. С таким же основанием можно ввести в экономикс веру в невидимую организующую силу божества, которое несмотря на кризисы и страдания своей незримой рукой ведет всех в светлое будущее. Буржуазные экономисты вовсе и не приступали к доказательству того, что населению в его стремлении к свободе, радости, процветанию и безопасности нужно всегда опираться на эгоистическую систему конкуренции и экспроприации. Доказать это в соответствии с научными стандартами нашего времени будет отнюдь не легче, чем благотворность полагания на божество.

В противоположность неоклассическим экономистам, открывшим истины в последней инстанции, из которых осталось всего-то логически и математически вывести стройное здание экономической науки, выдающийся философ И. Лакатос считал важнейшими качествами научной дисциплины открытость ее методологии к опытной проверке, способность методологии к улучшению.[120] По И. Лакатосу, нет ничего более ошибочного и ненаучного, чем, приспосабливать факты к незыблемым стартовым посылкам.[121] Исследуя развитие математики, И. Лакатос выступает против отождествления математики и формализованной математики, которая характеризуется им как научно бесплодная и практически бесполезная, а стоящая за ней формалистическая философия математики — как

[119] Чернышевский, Н. Г. Соч. в двух томах. Т. 1. 1986, с. .
[120] Лакатос, И. Доказательства и опровержения. Как доказываются теоремы, 1967, с. 44.
[121] Там же.

ненаучная догматика.[122] Выходит, что сторонники того догматического положения, что все человеческое знание должно строиться не на основе изучения действительности, а путем дедуцирования из незыблемых первоначал присутствуют не только в экономической теории. Поэтому никак нельзя считать австрийский и неоклассический способ теоретизирования чем-то оригинальным, а тем более — прогрессивным.

К. Поппер также акцентирует внимание на необходимости разграничения метафизических и научных положений.[123] «Чувство уверенности, - говорит К. Поппер, - ни в коем случае не может оправдать научного высказывания... Можно ли оправдать какое-либо высказывание тем, что К. Р. П. бесповоротно уверен в его истинности? Единственным ответом является «нет», и любой другой ответ был бы несовместим с идеей научной объективности»[124]. Здесь К. Поппер указывает на вполне очевидное различие между научностью и субъективной уверенностью, между познанием и фантазированием. Это различие, однако, не существует для знаменитого австрийского экономиста Л. Мизеса, который ведующую роль в познании экономической действительности приписывает интроспекция, работе воображения, а полученный таким образом возводит в ранг «чистой» научной истины. Удивительно, что это чудовищное для ученого заявление Л. Мизеса поддерживается другими австрийскими буржуазными экономистами, и поэтому характеризует идеал научности всей школы австрийских политэкономов. Этот идеал является вполне средневековым, схоластическим. Путь к нему лежит через смешение науки и фантазии, знания и предрассудка, через тенденциозный обскурантизм. В противоположность этому, К. Поппер считал фундаментальной проблемой познания разработку критериев, позволяющих отличать научные теории от систем метафизических спекуляций и, таким образом, защищать науку от наукообразных суеверий.[125] Научная теория должна допускать возможность эмпирической проверки.[126] Исследование логической формы теории является способом ее проверки и определения отношения к научному мышлению.[127] Так, следует различать научные, опирающиеся на эмпирическую действительность, и тавтологичные теории.[128]

Согласно К. Попперу, научная ценность теории определяется не ее эстетическими качествами, такими как простота и симметрия, и не конвенциональным использованием этой теории, а результатами эмпирической проверки базисных высказываний этой теории.[129] В свою очередь, базисное высказывание описывает то явление, наступление которого в действительном мире теория при наличии определенных обстоятельств отвергает, так что если это явление наступает, то теория должна считаться опровергнутой.[130] К. Поппер утверждает, что росту научного знания сопутствует «переход к теориям, лучше поддающимся проверке... к теориям со все более богатым содержанием... более высокой степени точности»[131]. Здесь под точностью следует понимать соответствие теоретических выводов эмпирической действительности. Что касается всех тех положений неоклассической и австрийской политэкономии, которые затрагивают индивида и его экономические решения, то нет ничего легче, чем опровергнуть их эмпирически, ибо они предстают ложными при первых лучах научного исследования. С другой стороны, нет ничего более ненаучного и лицемерного, чем разработка опирающихся на эти ложные положения сложных экономико-

[122] Лакатос, И. Доказательства и опровержения. Как доказываются теоремы, 1967, с. 8-10
[123] Поппер, К. Р. Логика и рост научного знания. 1983, с. 60.
[124] Поппер, К. Р. Логика и рост научного знания. 1983, с. 79, 80.
[125] Поппер, К. Р. Логика и рост научного знания. 1983, с. 54, 55.
[126] Поппер, К. Р. Логика и рост научного знания. 1983, с. 63.
[127] Поппер, К. Р. Логика и рост научного знания. 1983, с. 53.
[128] Поппер, К. Р. Логика и рост научного знания. 1983, с. 53.
[129] Поппер, К. Р. Логика и рост научного знания. 1983, с. 145.
[130] Поппер, К. Р. Логика и рост научного знания. 1983, с. 117-118.
[131] Объективное знание: Эволюционный подход/ К. Р. Поппер. 2002, с. .

математических систем, которые являются лишь математизированной мифологизацией человека и общества, а выдаются за научное знание.

Понимае научной дисциплины как совокупности научных фактов, методов и теорий критиковалось Т. Куном.[132] Т. Кун считает, что научная деятельность основывается не столько на обычном накоплении теоретического материала, сколько на его критическом осмыслении.[133] Согласно Т. Куну, научная парадигма как принятый образец, модель исследования, не должна использоваться шаблонно, нектитически, вслепую, поскольку сама по себе «представляет собой... объект для дальнейшей разработки и конкретизации в товых или более трудных условиях»[134].

Итак, общепризнанные «открытия» философии науки XX века, частично впитавшие в себя результаты учения Маркса-Энгельса, показывают несостоятельность попыток буржуазных экономистов провести грань между «теоретической» и «практической» политэкономией. Их разграничение преследует антинаучную цель, заключающуюся в сохранении метафизики, в защите слепой веры в те или иные тенденциозные постулаты. Только для изолирования, разграничения теории и практики, система умозрительных догматов именуется буржуазными экономистами «чистой», «теоретической» политической экономией. Но то, что знание является частью научной теории не ислючает, а требует его эмпирического подтверждения и некоторой практической пользы.

Буржуазная экономическая мысль известна своей приверженностью «закону» выживания наиболее приспособленных экономических агентов, оправданием конкуренции и капитализма как необходимых условий для его действия, которое всегда считается общественно полезным. Здесь очевидно внутреннее противоречие в австрийской политэкономии, которая то заявляет о приверженности методологическому индивидуализму[135], то постулирует относительно развития общества в целом. Фантазирование и производство пустых догматов заменяет и в австрийской, и в неоклассической политэкономии исследование того, что делает человека приспособленным к экономическим вызовам современности, заменяет исследование действительного положения отдельно взятой личности в капиталистической системе. Отвлеченный, устанавливающий вековечные догматы, назидательный социальный атомизм не оставляет места в этих учениях для конкретного индивидуализма. Ведь тогда пришлось бы говорить о значении тех или иных факторов, обладание которыми поощряется или не поощряется настоящим экономическим порядком, о выборочной селекции, о преимуществах одних и дискриминации других. Но неоклассические экономисты совсем не заинтересованы в конкретном анализе экономической действительности, в исследовании противоречий. Напротив, цель состоит в макскировке противоречий и списании всех экономических явлений на нечто экзогенное, твердое и неизменное. А для этого требуется внутренне обездвижить как экономическую систему, так и ее составляющие, приписать им механистический и единообразный характер. Именно поэтому буржуазные экономические практики всегда говорят о некоей приспособленности к экономическим реалиям, умалчивая о действительных, не вымышленных факторах экономического и общественного благополучия человека.

Ф. Хаек причисляет неоклассику к «количественному» направлению экономического анализа, а австрийскую школу — к «качественному».[136] Хаека не интересует главное сходство обоих школ, которое состоит в слепой вере в благотворность невидимой руки рынка и отрицает силе разума в возможности познания собственно рыночного процесса координации. В сущности, различие состоит лишь в различном методе доказательства абсолютного превосходства и экономической эффективности рыночно-капиталистического режима.

[132] Кун, Т. Структура научных революций. 2003, с. 23.
[133] Кун, Т. Структура научных революций. 2003, с. 24.
[134] Кун, Т. Структура научных революций. 2003, с. 49.
[135] Hayek, F. A. Prices and Production. 1967, p. 4.
[136] Hayek, F. A. Prices and Production. 1967, p. 3.

Ф. Хаек жалуется, что буржуазными экономистами сделано недостаточно для прояснения связи между денежной массой и ценами: «у нынешней монетарной теории едва-ли имеются идеи, которые не были известны писателям [sic] того периода [первой половины XIX века]»[137]. Хаек объясняет эту странную ситуацию неверно избранной методологией экономической науки, безосновательным замещением «качественных» методов исследования «количественными».[138] Нельзя согласиться с тем, что Хаек приписывает неоклассической школе «количественный» метод исследования, поскольку метод этой школы в действительности является не количественным, а умозрительным, т. е. метафизической спекуляцией, обогащенной математикой, а потому не может считаться методом исследования экономической действительности. Еще один австрийский экономист И. Кирцнер полагает, что позднее вальрасианское понимание общего равновесия в действительной экономике является логическим развитием понимания общего равновесия в «чистой», абстрактной экономике.[139] Кирцнер находит, что теории равновесия Мизе и Вальраса очень близки.[140] Спрос и предложение в модели Мизе находятся постоянно в состоянии равновесия, а когда экономические участники совершили все необходимые сделки в мизезианской теоретической экономии наступает «простое состояние покоя» (the plain state of rest).[141] Теория равновесия Маршалла предполагает самостоятельное вычисление равновесной цены экономическими агентами.[142]

Отметим, наконец, что приверженцы обеих школ сознательно упускают исследование частной собственности, а феномен частной собственности составляет важнейшую область исследования в политической экономии. Теории неоклассиков и австрийцев не содержат научного обоснования якобы всеобщей полезности частной собственности на средства производства. Исследование его воздействия на экономическое положение и развитие не признаются неоклассическими и австрийскими экономистами за предмет экономической науки. Австрийские экономисты декларируют необходимость или вредность той или иной формы общественной организации в зависимости от личной интуиции.

В обоих учениях имеет место абсолитизация рыночного начала - «панмаркетизм» и, наряду с ним, эгоистическое понимание общественных отношений - «панэгоизм». Эти два элемента, безусловно, выражают догматический характер методов этих учений. Государство вводится в неоклассическую политэкономию только для воплощения в жизнь отвлеченных прицепов, идеалов и «золотых правил». В австрийской политэкономии государство является принципиальным злом, помехой для капиталистов в их стремлении осуществлять финансовую диктатуру и наиболее размашисто увеличивать свой капитал и власть над простыми гражданами.

Таким образом, от «строгой» буржуазной теории экономики требуется полное согласие с предустановленными идеями, а изучение конкретных явлений и проблем приносится в жертву математическому разбору практически бесплодных ситуаций. Такой разбор можно сравнить с математическим исследованием перемещения ангелов по кончику иглы; приняв за аксиому, что на кончике иглы может сидеть десять ангелов, исследование будет посвящено математической разработке этой аксиомы, заниматься построением всевозможных схем и решением систем уравнений. Понятно, что такое расходование умственных сил людей в исторической перспективе себя не оправдывает. Вместо отвлеченных предметов и абстрактных существ куда полезнее исследовать свойства реальных объектов.

[137] Hayek, F. A. Prices and Production. 1967, p. 2. "...there is hardly any idea in contemporary monetary theory which was not known to one or more writers of that period [first half of the XIXth century]".
[138] Hayek, F. A. Prices and Production. 1967, p. 3.
[139] Kirzner, I. M. (1999) "Mises and His Understanding of the Capitalist System." p. 222.
[140] Kirzner, I. M. (1999) "Mises and His Understanding of the Capitalist System." p. 216.
[141] Kirzner, I. M. (1999) "Mises and His Understanding of the Capitalist System." p. 217.
[142] Kirzner, I. M. (1999) "Mises and His Understanding of the Capitalist System." p. 217.

Спекулятивный фундамент современной буржуазной политэкономии

Неоклассические экономисты заявляют, что их учение имеет принципиальное сходство с ньютоновской механикой. Познавательные методы этих двух дисциплин на первый взгляд кажутся неразличимыми. Обе широко используют идеализацию и моделирование, математический анализ моделей. Если в ньютоновской механике есть понятия силы, вакуума, то и в экономикс могут быть абстракции рационального индивида, отдельного фактора производства, полезности. Профессора экономикс доказывают, что абстрактное мышление — ключевая способность экономиста-теоретика. Абстрактное мышление помогает составить простую и четкую картину экономических проблем, увидеть суть экономических явлений. Но сходство неоклассической экономикс с классической механикой — придуманная буржуазными апологетами химера.

Так, ньютоновская механика опирается на наблюдение и эксперимент, а экономикс - на воображение. За более чем сто лет своего существования, неоклассика не нашла эмпирического подтверждения ни в целом, ни для своих важнейших концепций и принципов. Сопоставление положений неоклассики с действительностью выявляет либо их ложность, либо метафизический характер, нефальсифицируемость - невозможность подтверждения или опровержения путем сопоставления с фактами. В противоположность, законы механики выдержали огромное число проверок в экспериментальных условиях и в человеческой практике.

Знание механики позволило человеку научиться управлять многими процессами физического мира, поставить их себе на службу, создать промышленность, в разы увеличить производительность труда. Реализация неоклассической доктрины приносила населению либерализуемых экономик резкую имущественную дифференциацию, рост блеска и могущества высших классов, высокие темпы инфляции, хроническую безработицу, а после стабилизации - застой уровня жизни трудящихся и коррумпированную экономику. Одним словом, очень мало достоверной пользы. Главная концепция неоклассики — сверхразумная, суперэффективная «невидимая рука рынка» все еще далека от научной гипотезы, которую можно однозначно понять и проверить.

Неоклассика априорно отвергает всякую возможность конфликта интересов между собственниками и пролетариями, - обе стороны названы рациональными агентами, а их сотрудничество — добровольным и взаимовыгодным. Какие бы цифры не стояли за таким сотрудничеством, в неоклассической экономикс оно будет считаться взаимовыгодным. Неоклассика расхваливает хищников-капиталистов, экономическое хищничество вообще. В общественно-полезном смысле она годна разве что на составление задач, развивающих логическое мышление. Но продукты воображения кабинетных буржуа и всеобщие экономические законы — это явления разного порядка.

Неоклассическая модель выбора упускает влияние на выбор человека его социального окружения. Ложное восприятие проблемы приводит к ложным заключениям и практическим шагам. Везде, где есть рынок, неоклассики предсказывают информированные, рациональные, свободные решения субъекта, которые будут для него самыми выгодными. Но влияние социального окружения на человека существует, а его интеллектуальные способности неверно принимать за бесконечные. В реальности мы часто имеем дело с навязыванием плохо информированным массам условий труда, убеждений и верований, вкусов, сомнительных товаров и услуг.

Очевидно, что абстракции бывают разные. Абстрагирование неоклассиков позволяет выхолостить самое существенное в экономических отношениях, подменить научное исследование педантичным детализированием вымышленных ситуаций и проблем. Теории абстрактного выбора, фантастические кривые и карты безразличия в одинаковой степени бесполезны и научно несостоятельны. Неоклассические понятия изолированного и

гедонистического субъекта, самостоятельного фактора производства, полной информированности, лишены научного значения. Попытки задекларировать принципиальное сходство неоклассики с ньютоновской механикой и таким образом утвердить ее научный авторитет не выдерживают критики.

Популярность и легкодоступность какой-либо теории не служат гарантией ее научности или предметной истинности. Экономические воззрения неправильно принимать на веру без предшествующих критических исследований, тем более что видные экономисты неоклассической и австрийской школ политэкономии отдают предпочтение постулированию научных положений и пренебрегают доказательностью. К экономической теории справедливо предъявить следующие требования: соответствия наблюдениям, выражения наиболее существенного в объекте исследования, некоторой практической ценности, соответствия критериям проверяемости, современному научному мышлению, максимальной свободы от субъективных предпочтений, личных интересов, эмоций и предрассудков исследователя, религиозности и метафизики. Задача научной теории состоит в предоставлении знания о некоторой части действительного мира. В противоположность этому, сугубо метафизическая и спекулятивная система способна раскрывать лишь воображение и предрассудки ее создателей, описывать мир с точки зрения субъективных интересов.

Умозрительные, диванные спекуляции неоклассических и австрийских экономистов имеют для экономической науки то же значение, что учение о флогистоне — для химии. Необходимо показать принципальную связь неоклассических постулатов о рациональности автономного существа, о независимости потребностей и предпочтений этого существа от экономических отношений, методов познания неоклассической и австрийской политэкономии в целом именно с метафизическим, невежественным объяснением мира. Даже В. Зомбарт утверждал, что интерпретация общественных отношений посредством только аналогов законов механики, равно как поиск истоков общественный отношений в элементарных, простейших фактах психической жизни отдельных индивидуумов, не ведет к реализации научных возможностей.[143]

Неоклассики доказывают, что с помощью универсальных моделей можно выработать чистое, научное знание. Если неоклассики правы, то нужно объяснить, почему из всех общественных и естественных наук лишь в современной экономикс моделирование является центральным элементом, что мешает постижению универсальных явлений химии или физиологии посредством кодирования умозрительного знания в алгебраические функции? Теория систем органов в физиологии не предполагает отображения физиологических процессов в виде алгебраических уравнений или приписывания некоторым формулировкам, полученным сугубо умозрительным путем, всеобъемлющего действия, но не является оттого менее научной.

Метод дедукции из догматизированных, введенных в научный оборот предрассудков охватывает не только концепции Л. Вальраса, но методологию всей неоклассической экономикс.Постараемся оценить познавательную состоятельность данного метода.

Еще Л. Вальрас разделял экономическое знание на «чистое» и эмпирическое. Специалистов абстрактно-дедуктивной экономики он наделил правом разрешать важнейшие и сложнейшие проблемы эмпирической, «прикладной» экономики. Таким образом, чистая экономика берет шефство над эмпирической, получает возможность определять развитие экономической науки в целом. По мнению Вальраса и неоклассиков, положения чистой политэкономии заслуживают признания их руководящей роли в развитии теории и практики, особого статуса научного знания, к которому излишне относиться критически, которое, при его полной бездоказательности, нужно принимать на веру.

Рассмотрим последствия применения вальрасианского метода «чистой науки» за

[143] Зомбарт, В. Социология / В. Зомбарт; Пер. с нем. И. Д. Маркусона. 2003, с. 8-10.

пределами политэкономии. Что представлял бы материал, добытый теоретической астрономией — добытый в изоляции от данных о движении планет, от наблюдений, на основании дедуктивного развития взятых с потолка фундаментальных принципов некоей чистой астрономии? Выстраивая теорию из невежественных положений, теоретическая астрономия могла бы выстраивать астрономико-математические модели на догматах о вращении Солнца вокруг Земли, свободном движении планет в зависимости от их предпочтений, даже о рациональности, полной самостоятельности планет, и настойчиво твердить о собственной научности. Разве стал бы данный материал истиной, сутью астрономических явлений в последней инстанции уже на том основании, что он объявлен таковым создателями трудов по абстрактной астрономии и принят за руководство к действию их популяризаторами? С целью доказательства научности своей дисциплины, «чистые» экономисты указывают на дедуцированность, логическую строгость, с которой осуществляется выведение моделей, формул, рекомендаций, выводов экономикс из первооснов. Само применение метода дедукции не служит подтверждением научности неоклассической экономикс уже потому, что не позволяет выяснить истинность материала, из которого производится дедукция.

Близким родственником неоклассической теории с ее верой в разумность рыночно-капиталистической системы является учение о флогистоне - едином горючем веществе. Получив широкое распространение среди европейских химиков XVIII века, это учение объясняло горение абстрактно, утверждало веру в существование единого горючего вещества. Только после того, как ученые в этой области расстались с спекулятивным методом, стало возможным доказать ложноть учения о флогистоне, тратить силы не на логическое развертывание метафизики, а на полезные исследования. В противоположность буржуазной экономикс, современная химия не основана на вере в измышленные принципы, и потому быстро развивается.

Попытка неоклассиков развивать экономическую науку умозрительно-дедуктивным, спекулятивным способом заслуживает такой же оценки научного сообщества экономистов, какую современные биологи дали бы попытке всю научную, теоретическую биологию вывести из нескольких, числом не более десяти, априорно заданных принципов жизнедеятельности выдуманной универсальной клетки. С аналогичным результатом можно было бы дедуцировать из нескольких высших постулатов, характеризующих якобы в конечном счете химические реакции некоего универсального вещества, некоего рационального вещества, логически правильной молекулы теорию органической химии. Какого успеха, каких практически важных открытий добилось бы научное сообщество в этих областях, если бы следовало методу построения «чистой науки», с таким упорством защищаемому неоклассиками? Химия и биология в этом случае не могли бы предоставлять эффективных инструментов для познания действительно существующих феноменов, закономерностей, практически важных отношений, но оставались бы схоластическими дисциплинами, подчиненными оправданию и утверждению в жизни некоторых выдуманных принципов.

Принятие метода, идентичного неоклассическому, в естественных науках позволило бы перейти от построения этих дисциплин на основе изучения естественного мира, к дедуктивному выведению теорий «чистой биологии», «чистой фармакологии» из каких угодно аксиом. Стало бы возможным принять на веру в качестве абсолютной истины, должного, причем без каких-либо эмпирических проверок, и ввести в научное обращение, например, следующей аксиомы: жизнь людей определяется незримым промыслом божества, что, следовательно, в соответствущей деятельности нужно опираться не на эмпирически выработанные знания, а на неведомые силы природы и на метафизическую систему их восхваления.

Физиология или медицина laissez faire, основанные не на изучении биохимических

процессах, а на идеальных постулатах о том, как реальный физиологический процесс должен развиваться, абсурдны. «Чистая медицина» сможет лечить только несуществующие болезни и будет очень вредоносной, насколько она прикасается к действительным пациентам и реальным болезням, настолько же теоретизирование об экономических отношениях посредством математического анализа воображаемых конструкций, осуществляемое в неоклассической и австрийской школах экономической мысли, бесплодны в постижении и вредны в попытке улучшения положения людей, участников экономических отношений. Подобно совету магов и шаманов, совет неоклассических экономистов выгоден главным образом им самим, а населению может принести выгоду только случайно.

Безраздельно господствовавшая в XVII веке механическая философия упорно отвергала существование притяжения и электро-магнетизма, считая их ненаучными измышлениями.[144] Механистические философы были заняты «разработкой моделей, которые смогли бы объяснить любое происходящее в природе явление исключительно на основе размера, формы и движения частиц материи»[145]. Подобно неоклассике, механистические философы от естествознания не особенно стремились эмпирически проверять свои предположения и модели.

В абстрактном лесном хозяйстве не эмпирическое исследование древесных пород, а только универсальные модели и выработанные умозрением принципы, якобы определяющие состояние и развитие деревьев всех семейств от тундры до тропиков могли бы быть признаны конвенциональными, если бы это первое строилось по методу неоклассической экономикс. Но как много полезных знаний можно было бы получить с помощью этого догматического «исследования» деревьев? Очень мало или, вероятнее всего, ноль, причем ситуация бы осложнялась выработкой большого количества бесполезных, вводящих в заблуждение положений, т. е. иллюзий. В противоположность этому, широко использующее наблюдение и эксперимент лесоведение закономерно получает возможность приносить практическую пользу обществу, улучшать продуктивность использования лесных ресурсов и давать эффективные рекомендации лесному хозяйству.

Сможет ли развиваться какая-либо наука при господстве в ней вальрасианско-неоклассического метода и людей, желающих заниматься теорией ради теории? Нет, не сможет. Она будет препятствовать научному познанию, будет подменять знание химерами, проблемы — псевдопроблемами.

Под руководством метода некритического априоризма, использовавшегося Вальрасом и являющегося фундаментом нынешней экономикс, любая наука, сколько-нибудь связанная с познанием действительного мира, сталкивается с подавлением, изживанием научного мышления претенциозной схоластикой, а научного знания — догмами. В современной экономикс данный подход узаконен и признан конвенциональным. Это позволяет буржуазным экономистам из-под ученого колпака объявлять, что центром экономической деятельности общества является рынок, что в рыночной экономике субъекты полностью свободны в своей экономической деятельности, что субъекты имеют свободную волю и экзогенные предпочтения, а рыночные отношения ведут общество к процветанию.

Наиболее мощным спекулятивным элементом в современной политэкономии выступает неоклассическая экономикс. Взаимодействие неизменных, однотипных и изолированных существ, есть основа этой системы политэкономической схоластики, сочетающей обожествление слепой силы капитала, нивелировку человеческой личности, антиисторический и антиэмпирический метод с математическим аппаратом, призванным формализировать эту систему предрассудков и придать ей наукообразный вид.

[144] Callahan, G., Leeson, P. T..Chicken Soup for the Out-of-Step Scholar's Soul Chicken Soup for the Out-of-Step Scholar's Soul. American Journal of Economics & Sociology, 2012, 71 (5), p. 1158.

[145] Там же, p. 1160. "...developing models that could account for any phenomenon observed in nature purely on the basis of the size, shape, and motion of particles of matter".

Раздел 2. Воззрения неоклассических и австрийских экономистов

Воззрения неоклассических экономистов: Дж. Кларк

Ключевые идеи неоклассической экономикс ясно и подробно изложены Джоном Б. Кларком в работах «Основы экономической теории» и «Распределение богатства». Приступим к их изучению.

В предисловии к «Распределению богатства» Дж. Кларк повествует о существовании всеобщего экономического закона гармонии. Современные критерии научности требуют обстоятельного изучения предмета, в ходе которого проверяются, совершенствуются и выдвигаются гипотезы; научные законы отражают наиболее часто встречающиеся, наиболее наиболее подтвержденные закономерности. Напротив, Дж. Кларк, задавая тон всей неоклассической школе, открывает экономический закон без того, чтобы утруждать себя какими бы то ни было доказательствами. Дж. Кларк учит: «распределение дохода в [капиталистическом?] обществе контролируется [sic!] естественным законом», который, при условиях защиты государством рыночных отношений и государственного невмешательства в сделки, «предоставит каждому участнику производства ту часть богатства, которую этот участник создает»[146]. Создается впечатление, что здесь речь идет об открытии Дж. Кларком нового экономического закона. Дж. Кларк нигде не сообщает, что этот «закон» заимствован им у какого-либо другого экономиста. Важными здесь являются два обстоятельства. Во-первых, данный гармонический закон, являясь сердевиной вульгарной политэкономии Бастиа, Сэя, Сениора, существовал и до Дж. Кларка. Во-вторых, ни упомянутые политэкономы, ни сам Дж. Кларк, ни его неоклассические последователи не соизволили отнестись к данному закону по-научному, критически, подвергнуть его полномасштабной эмпирической проверке. Напротив, этот гармонический «закон», объявленный в предисловии к «Распределению богатства» естественным (natural law), Дж. Кларк на протяжении всего труда молчаливо предполагает истиной в последней инстанции, и притом всеобъемлющей, освещающей самые разные области капиталистического хозяйства. Ибо, по убеждению Дж. Кларка, за «маской» экономических явлений капитализма неизбежно присутствует «естественный закон», т. е. за всеми неурядицами почти всегда кроется невидимое справедливое распределение доходов между собственниками рабочей силы, земли и капитала, - во всех случаях, когда метафизическая рыночная идиллия не извращается вмешательством общественных учреждений.

Поскольку Дж. Кларк ни в «Распределении богатства», ни в «Основах экономической теории» не удосужился доказать, что распределение общественного продукта в капиталистическом обществе имеет тенденцию осуществляться заявленным им способом, т. е. гармонически, у нас не может быть другого материала для опровержения, кроме самого закона. С этой целью перейдем к рассмотрению его предпосылок и следствий.

В «Распределении богатства» Кларк утверждает, что заработная плата может быть крайне низкой «вследствие присутствия маргинальных людей»[147]. Это равносильно утверждению, что рыночная система распределения всегда работает идеально, что проблему бедности следует искать не в систематической эксплуатации трудящихся, а в их чрезмерном количестве. Здесь Дж. Кларк, безусловно перекликается с М. Фридманом, что свидетельствует о качественном сходстве неоклассического и монетаристского понимания

[146] Clark, J. B. The Distribution of Wealth: A Theory of Wages, Interest and Profits. 1908, p. v. “the distribution of the income of society is controlled [sic!] by a natural law”; “it [the natural law] would give to every agent of production the amount of wealth which that agent creates.”

[147] Clark, J. B. The Distribution of Wealth: A Theory of Wages, Interest and Profits. "...in the consequence of the presence of the marginal men" (1908, p. 95).

бедности.[148] В соответствии с гармоническим и естественным законом распределения, Дж. Кларк обязан считать естественной и заслуженной не только нищету, высокую смертность и голодание миллионов людей, а любые действия демократических институтов власти, направленные на улучшение положения трудящихся, должен считать несправедливыми и вредными. Таково истинное содержание представляемой им неоклассической метафизики. Но на каком основании общественное вмешательство для облегчения бедности считается Кларком вредоносным, если не на основании слепой веры в рынок? Экономические труды Дж. Кларка и его последователей не содержат научных разработок, способных служить подкреплению этого логического следствия неоклассической доктрины. Государственная политика отвергается лишь основании предрассудка о том, что рыночное распределение отражает некую высшую гуманность, высшую эффективность, на которую только и способно капиталистическое общество с его миллионами «лишних», ненужных людей. Итак, неоклассическое понимание естественности своеобразно. Все то в общественной политике, что опирается на веру в рыночные учреждения и, сверх того, согласуется с неоклассической доктриной, естественно, а все остальное — должно быть исключено из экономической науки, потому что, уразумейте-ка, отбрасывает ее назад.

Отметим, что гармонический закон неоклассиков не объясняет, почему доход того или иного участника экономических отношений именно таков, каков он есть. Какими бы ни были результаты конкурентно-капиталистического распределения, они объявляются естественными и справедливыми. Но можно ли научным путем прийти к такому заключению? Понятно, что в данном случае речь идет о вытеснении эмпирического исследования и научного, критического мышления донаучной верой в первоосновы экономического мира. Другая черта, указывающая на метафизичность и догматизм состоит в том, что следствия гармонического закона бесполезны и даже враждебны экономической политике общества, не позволяют улучшить экономическое положение сознательными усилиями общественных учреждений. Напротив, любое конкурентное равновесие объявляется наилучшим состоянием экономики, т. е. всем, на что в данный момент можно рассчитывать. Разительное неравенство в уровне жизни, возможностях работы и творческой деятельности неизменно представляется временным и общественно необходимым состоянием. Обоснованием необходимости бедности как условия экономического прогресса неоклассические экономисты, конечно, пренебрегают. Не получают обоснования и претензии на безусловную эффективность рыночно-капиталистического способа распределения. В частности, в трудах неоклассических экономистов не содержится доказательства того, что рыночная система предоставляет каждому ее участнику гарантию создать большее количество богатства, которое он мог бы создать в других обстоятельствах, при ином способе хозяйственной организации. Итак, разделяемый неоклассической школой экономистов гармонический закон является лишь видимостью экономического закона, фикцией.

Дж. Б. Кларк утверждает, что «закон конечной (final) производительности применим к любой отдельно взятой мельнице, магазину или шахте... применим ко всем мельницам...»[149], ко всему народному хозяйству. Его анализ труда, капитала и производительности удивляет не только своей универсальностью, но и отсутствием опоры на факты, т. е. метафизичностью, выдуманностью. При этом, кларковское понимание отношений труда и капитала чрезвычайно просто. «Труд», - утверждает Дж. Кларк, - «создает область ABDE», а область BCD — «отчетливый (sic) продукт капитала».[150]

Человеку, не просвещенному неоклассической экономикс, совершенно непонятно,

[148] Friedman, M. Price Theory. 1976, p. 284-285.

[149] Clark, J. B. Essentials of Economic Theory as Applied to Modern Problems of Industry and Public Policy. 1907, p. 142. “The law of final productivity applies to every mill, shop, or mine separately considered... applies to all the mills, shops, mines, etc..."

[150] Clark, J. B. Essentials of Economic Theory... 1907, p. 143. “...labor creates the amount ABDE...” “...the quantity BCD which is distinctly the product of capital". (см. рис. 1)

почему внутренняя область фигуры BCD есть «отчетливый» продукт капитала, а прямоугольник ABDF отражает вклад труда. В «Основах экономической теории» Кларк никак не доказывает это свое положение; он ограничивается его введением в теорию как истины a priori.

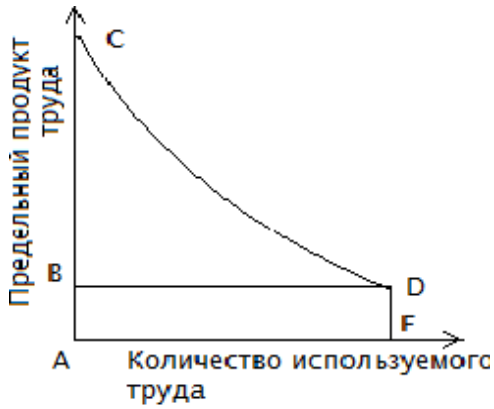

Рис. 1.

Интересно также, что Дж. Б. Кларк утверждает, что заработная плата изменяется благодаря свободным торгам, осуществляющимися между «индивидуальными людьми» (individual men)[151]. Но что понимает Дж. Б. Кларк под свободно заключенными сделками, например, можно ли считать свободным труд голодающего человека, который «обменивает» день своего труда на плохую еду, или неэффективный труд необразованного человека, обменивающий годы своего труда на условия, часто недостаточные даже для выживания. Сущность экономической свободы, содержание понятия «свободной экономической сделки», границы, составляющие, непременные условия свободного выбора Дж. Кларк самоуверенно обходит стороной.

Но свобода экономического действия не существует сама по себе, независимо от экономического положения субъекта в экономике, от необходимости удовлетворять собственные потребности, в том числе, в пропитании и крыше над головой. Экономическое положение нанимателя и трудящихся в капиталистической экономике в большинстве случаев является различным — на одном полюсе находится накопленное богатство, а на другом — лишь способность к труду, жесткая конкуренция и необходимость удовлетворять жизненно важные потребности. Можно ли сравнить потери капиталиста в случае, когда один из наемных рабочих в период экономического роста отказывается продолжать работу, и потери трудящегося, которого в период экономического кризиса увольняет капиталист?

Прежде всего оговоримся, что Дж. Б. Кларк не проводит четкой грани между трудом и рабочей силой, употребляет эти термины в одном и том же значении: «Для иллюстрации закона конечной (final) производительности труда (labor) мы» - говорит Дж. Б. Кларк - «выстраиваем рабочую силу (working force) [sic] элемент за элементом, оставляя объем капитала неизменным»[152]. Т.е., условия труда и используемый капитал остаются неизменными.

Дж. Б. Кларк только объявляет, что его модель описывает действительный рынок всеобщей конкуренции. Кларком не представлено доказательств того, что его модель описывает реально существующие конкурентные отношения, дает им всестороннее и обобщенное выражение.

Многие апологеты капитализма склонны опираться на философские измышления

[151] Clark, J. B. The Distribution of Wealth: A Theory of Wages, Interest and Profits. 1908, p. v.
[152] Clark, J. B. The Distribution of Wealth: A Theory of Wages, Interest and Profits. 1908, p. xix. “To illustrate the law of final productivity of labor, we build up a working force unit by unit, leaving the amount of capital unchanged".

Бастиа, его идею общественной гармонии.[153] Закон гармонического распределения общественного продукта неоклассиков не является исключением. Согласно построенной на его основе неоклассической теории, доход владельца каждого фактора производства определяется предельной производительностью данного фактора. Доход, который приносит фактор производства в неоклассике постулируется равным продукту, создаваемому данным фактором. Отсюда следует, что факторы производства рассматриваются как самостоятельные производительные сущности, независимые от человеческого труда и общественных отношений. Итак, по Дж. Кларку, доход каждой единицы фактора производства в конкурентной экономике должен быть равен продукту, производимому последней единицей фактора производства, используемой в производственном процессе.

Вышеприведенный закон предельного продукта, который по праву связывается с именем Дж. Кларка, не может быть принят в качестве истины в последней инстанции в экономической науке по следующим основаниям. Во-первых, поскольку факторы производства берутся сугубо абстрактно, изолированно от своей действительной производственной роли, в действительности рассчитать стоимость фактора производства или его предельную производительность в обществе в целом на основе неоклассической модели невозможно. Этот вопрос сведения всего капитала и всей рабочей силы к стандартным единицам факторов находится за практическими пределами современной науки. Тем менее понятно стремление неоклассических экономистов теоретизировать там, где для этого нет фактических оснований. Заметим, что данное обстоятельство само по себе лишает неоклассический закон распределения по предельному продукту всякой практической значимости. Если против этого обстоятельства будет выдвинуто возражение о возможности исчислить предельную проивзодительность фактора на конкретном предприятии, его можно отвести, вспомнив неоклассическую предпосылку о свободном и быстром переливе ресурсов между различными отраслями и предприятиями экономики. Поэтому, если на конкретном предприятии предельная производительность какого-либо фактора будет выше, чем в среднем по экономике, но это, в соответствии с неоклассической доктриной, содействует притоку данного фактора на предприятие и снизит его предельную производительность. Но, как уже отмечалось, расчет предельного продукта фактора от его использования в экономике в целом в реальности невозможен, - как по причине абстрактности понятия «фактор производства» и несводимости к нему действительных ресурсов, так и ввиду постоянного наличия в любой экономике огромного количества различных возможностей для использования ресурсов.

Во-вторых, нетрудно показать, что максима неоклассических экономистов «каждому фактору проивзодства — по предельному продукту его» далеко не всегда означает справедливое распределение общественного дохода. Используя лишь неоклассическую модель, т. е. посредством одного только внутреннего анализа неоклассической теории покажем, что заработная плата, определяемая на основании принципа предельного продукта труда, далека от приписываемых качеств экономической эффективности и справедливости.

[153] Плеханов, Г. В. Избранные философские произведения. Т. 2. 1956, с. 590.

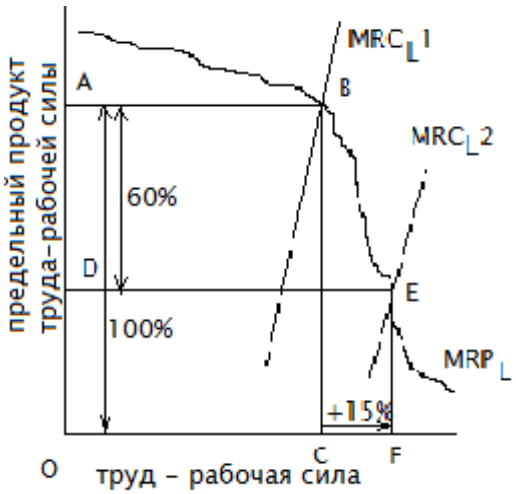

Рис. 2.

Для иллюстрации нерациональности неоклассического способа оптимизации труда и заработной платы, предположим, что в некоторой экономике установился баланс между трудом и капиталом, и этот баланс является характеристикой производственного процесса. Первоначальное равновесие образуется в точке B, где пересекаются кривая предельного дохода труда в денежном выражении (MRPL) и первоначальная кривая предельных расходов труда (MRCL1).

В такой экономике возможности для эффективного использования добавочного, дополнительного труда будут резко сокращаться. Предположим, что в силу некоторых «экзогенных» причин, предложение наемной рабочей силы увеличилось на 15%. (См. рис. 2). Есть ли это результат выхода на рынок «труда» поколения периода бума рождаемости, массовой иммиграции или пауперизации населения, - для нас второстепенно. Цель состоит в прояснении внутренних свойств неоклассической модели, допускающей изменение предложения «труда».

В результате этого в нашем примере, полностью соответствующего модели, представленной Дж. Б. Кларком[154], дополнительный продукт последнего из нанятых 15% рабочих будет равен лишь 40% от дополнительного продукта от найма последнего из первоначального количества рабочих. Это может быть вызвано технологическими характеристиками производственного процесса.

По Кларку, в этой ситуации заработная плата каждого трудящегося должна снизиться на 60%, дабы уравняться с резко сократившейся выработкой последнего нанятого трудящегося. Требуется обладание невероятным педантизмом, чтобы верить в экономическую эффективность такого регулирования этого идеального рынка в системе Дж. Б. Кларка. Эффективность рыночного решения не исследуется этим экономистом, но постулируется им исходя из веры, что любое равновесное состояние, которого достигла экономика в результате цивилизованной борьбы всех против всех является мудрейшим, лучшим для участников производственных отношений в их совокупности. Таким образом, ясно, что эффективность этого решения основывается не на научном подходе к вопросу, а только на личной убежденности Дж. Б. Кларка и других буржуазных экономистов.

Ясно, что «отчетливые» продукты труда и капитала весьма подвижны, волатильны. По Кларку, если количество рабочей силы представлено отрезком OC, тогда «отчетливый» продукт, созданный трудом, является OABC (см. рис. 2). А если рабочая сила представлена величиной OF, то есть поддерживает прежний уровень производительности всех ранее вовлеченных единиц труда и, сверх того, предоставляет дополнительный вклад в

[154] Clark, J. B. Essentials of Economic Theory as Applied to Modern Problems of Industry and Public Policy. 1907, pp. 138-158.

производственный процесс, «отчетливый» продукт, создаваемый рабочей силой видите-ли понижается и становится ODEF. При этом «отчетливый» продукт капитала, объем которого не изменился ни на 1 доллар, почему-то драматически возрастает на огромную область ABED. Созданная Дж. Б. Кларком неоклассическая модель рынка труда представляет большие колебания того, что по мнению Кларка есть «явные», познаваемые с первого взгляда продукты труда, капитала в зависимости от малейшего изменения объема труда или капитала, причем этот режим выдается за какое-то изображение абсолютной истины, за выражение самой сути эффективности.

Дж. Кларк не приводит ни одного доказательства того, что ситуация, подобная той, которая была описана в нашем примере, а в более общем случае — все ситуации, которые могут произойти на абстрактном поле неоклассического рынка труда отражают какой-то всесильный, естестенный закон экономических явлений. Дж. Кларк постоянно твердит об этом естественном законе, о гармоничности распределения продуктов, произведенных в чисто капиталистических условиях, но нигде не удосуживается привести даже тень доказательства. Парадоксально, но метод повторения, вдалбливания какого-либо принципа играет в «строгой» неоклассической экономикс куда большую роль, чем доказательное научное мышление, для которого характерно стремление уйти от веры и опереться на факты.

В действительности, никакие разумные доводы не препятствуют иному пониманию вышеприведенного примера. Вместо того, чтобы понижать до нищенского уровня заработную плату и таким образом, останавливаясь на достигнутом, возвещать мудрость неоклассической экономики, практическим шагом является коллективное услие по изменению способа производства таким образом, чтобы и дополнительное количество рабочей силы использовалось с прежней производительностью. В неоклассической модели это будет выражено изменением наклона кривой предельной производительности труда на более пологий, на интересующем нас участке BE. Ясно, что изменение экономических условий является вызовом к действию, что приспособлением и верой в невидимую мудрость рынка нельзя достичь экономической эффективности. При этом экономическая эффективность должна отождествляться не с прибылью капиталистов, а с ростом благосостояния, с ростом возможностей всего общества трудящихся.

Концепция «естественного закона» Кларка, согласно которому всякий раз, когда рыночная экономика достигает равновесия, в ней совершается справедливое распределение общественного продукта, оттесняет на задний план важнейшие обстоятельства и характеристики экономических отношений в обществе. Причины развития технологии, роста производительности труда, творческие возможности людей организовать, улучшить производство, — от всего вышеперечисленного неоклассические экономисты абстрагировались.

Дж. Б. Кларк и другие неоклассики приписывают все лучшее в экономической системе рыночным учреждениям, неосязаемой мудрости конкурентной капиталистической системы. Творческие силы человека эти буржуазные экономисты отчуждают от личности, причем делают это без всяких оснований, априорно. Более того, в своих теориях они разрушают личность и тем, что типизируют человека и всецело подчиняют его эгоистическому накоплению и гедонизму. Что касается механизма реализации творческих возможностей такого утопического существа, то здесь, по мнению буржуазных экономистов, дело всецело ограничивается механизмами конкуренции в капиталистическом обществе. Априорное низведение человека до уровня гедонистического робота дает буржуазным экономистам возможность приписать весь экономический прогресс капиталистической конкуренции — институту экономической вражды. Понятно, что такой подход не выдерживает научной критики. Кооперация, эффект от разделения труда полностью игнорируется «общей» экономикс неоклассиков. Но цель абсолютизации конкуренции как единственного прогрессивного начала состоит не в предоставлении научного объяснения экономических

отношений, а представлении общественных отношений в выгодном свете, в идеологическом воздействии с целью защиты учреждений капиталистического общества.

Цель Кларка — показать, что рабочие, бедные в рыночной экономике, оттого бедны, что последний из них очень мало производит, что найм его уже совсем почти невыгоден капиталисту. Кларк опасается, что «если вскрылось бы, что они [наемные трудящиеся] проивзодят много, и получают лишь часть произведенного, многие их них стали бы революционерами»[155]. Неоклассическая система в лице Дж. Кларка объявляет, что заработная плата определяется в некоей «маргинальной зоне».[156] Вот какие социальные последствия вытекают из этого положения неоклассической системы: «Посредством общего меркантилистского правила [sic] все люди [sic] данного уровня способностей должны получить то, что получают маргинальные люди [sic] тех же способностей. Этот принцип фиксирует [sic] рыночную величину заработной платы»[157].

Некий «коммерческий принцип» делает предельные величины решающими для всего предложения, - говорит Кларк, как будто неустанное повторение и перефразирование выработанного им «естественного закона» повышает его научное значение.[158] Вообще, согласно неоклассикам, предпосылкой уменьшения предельного продукта труда является постоянный объем используемого капитала.[159]

Кларк доходит до явной крайности, утверждая, что помимо роизводительности «финального элемента» труда в рыночной экономике, «фактически, нет другого стандарта, которому [заработная] плата может следовать»[160]. Однако, никакого логического или эмпирического подтвреждения он не предоставляет. Предельная производительность труда, будучи неким китом, который поддерживает рыночную экономику Кларка, сама повисает в воздухе, поскольку Кларк изолировал производительность труда от его организации, уровня жизни трудящихся, их доступа к образованию и науке. Ведь производительность труда не приходит ниоткуда.

По Дж. Кларку, экономическая наука включает в себя экономические законы.[161]. Очевидно, этот представитель неоклассической доктрины здесь непрямо указывает на общее стремление всех экономистов своей школы не исследовать, но постановлять законы экономической действительности. Дж. Б. Кларк отваживается утверждать, что конкуренция — это результат свободы, которую имеют участники экономических отношений.[162] С тем же правом можно постулировать обратное, что жесткая конкуренция — это результат жестокой нужды, неэффективной организации общества.

«Все, что вмешивается в деятельность индивидуального предприятия пересекается с действием законов стоимости, заработной платы и процента, и изменяет саму структуру общества»[163]. Остается непонятным, почему структура общества, образованная исходя из вышеприведенных измышленных, эмпирически непроверяемых законов считается оптимальной. Ясно, что тоже по умолчанию, не допускающим критического отношения

[155] Clark, J. B. The Distribution of Wealth: A Theory of Wages, Interest and Profits. 1908, p. 4. "if it were to appear that they produce an ample amount and get only a part of it, many of them would become revolutionists..."

[156] Clark, J. B. The Distribution of Wealth: A Theory of Wages, Interest and Profits. 1908, p. 92. “marginal region”.

[157] Clark, J. B. The Distribution of Wealth: A Theory of Wages, Interest and Profits. 1908, p. 94. "By a common mercantile rule, all men of a given degree of ability must take what marginal men of that same ability get. This principle fixes the market rate of wages."

[158] Clark, J. B. The Distribution of Wealth: A Theory of Wages, Interest and Profits. 1908, p. 90; p. v.

[159] Clark, 1907, p. 133; 1908, p. 116.

[160] Clark, 1908, p. 168, 169. “The product created by a final unit of social labor sets the standard of wages.There is, in fact, no other standard to which pay can conform”.

[161] Clark, J. B. Essentials of Economic Theory as Applied to Modern Problems of Industry and Public Policy. 1907, p. 1.

[162] Clark, J. B. Essentials of Economic Theory as Applied to Modern Problems of Industry and Public Policy. 1907, p. 372.

[163] Clark, 1907, p. 377. “Whatever interferes with individual enterprise interferes with the action of the laws of value, wages, and interest, and distorts the very structure of society”.

постулатом a priori эта структура общества приравнивается к оптимальной, к наилучшему из возможного. Кларк не ограничивается постулированием законов на отдельно взятом рынке и утверждает о применимости своего «естественного закона» об определении заработной платы предельным продуктом труда к производственной деятельности в общем, в государственных масштабах.[164]

Дж. Б. Кларк полагает, что конкурентная борьба между производителями всегда была и остается гарантией технического прогресса.[165] Едва-ли можно усомниться в том, что конкуренция во многом подталкивает техническое развитие общества. Но тот технический прогресс, который действительно вызывается к жизни ожесточенной конкуренцией между капиталистами, едва-ли может быть в сколько-нибудь значительной своей части направлен на служение интересам непривилегированного человека. В пример сказанному можно привести разорительные торговые войны, которые заканчивались установлением монополии, наконец, вооруженные столкновения между группами капиталистов.

Ведь конкурентная борьба ведется не с целью держать цену на уровне предельных издержек, не с целью благоприятствования потребителю. Конкурентная борьба всегда ведется для победы над конкурентами, изгнания конкурентов и завладения контролем над производством, для усиления сбыта товаров или услуг на определенной территории, т. е. для завоевания рынков сбыта и производственных мощностей.

Другим обстоятельством, препятствующим абсолютизации роли рыночных институтов, в частности, конкуренции в техническом развитии общества, является состояние недавно либерализовавшихся экономик, а также состояние капиталистических экономик стран Латинской Америки. В первой категории государств, несмотря на глубокие прорыночные, пробуржуазные реформы во всех областях экономической, культурной и социальной жизни, наблюдавшиеся за последние 20 лет темпы технического прогресса были очень низкими. Во второй категории государств продолжительное существование, традиции рыночных институтов также не порождают технических прорывов или существенного поступательного развития техники. Наоборот, наблюдается именно приспособление к результатам технического прогресса, достигнутого за их пределами.

Ясно, что конкурентная борьба между капиталистами не может привести к техническому развитию, благоприятному для всего общества, уже в силу своей сущности, заключающейся в разорении конкурентов, в использовании склонностей и предрассудков покупателей в качестве средства победы, а также в усиленном использовании способности наемных рабочих к производительному труду. Хозяйственная и технологическая связанность отдельных производств неоклассическими экономистами игнорируется. Промышленное развитие бездоказательно приписывается этими экономистами благодатной, но невидимой руке капиталистической системы.

Кроме того, развитие естественных наук и начальные этапы индустриальной революции происходили в условиях, когда рыночные институты еще только начинали зарождаться. Можно сказать, что развитие науки и технологий было важнейшим фактором промышленного скачка, который в условиях того времени привел к развертыванию и укреплению рыночных, капиталистических отношений. Как показывает практика, решающие достижения в области техники связаны с крупномасштабными исследовательскими усилиями, а не с ухищрениями отдельных товаропроизводителей.

Когда Дж. Б. Кларк утверждает, что конкуренция между производителями «спасала нас от отвратительного зла»[166], заключавшегося в том, что рост населения во многих странах в отсутствие конкуренции якобы привел большую частью населения этих стран к

[164] Clark, J. B. Essentials of Economic Theory as Applied to Modern Problems of Industry and Public Policy. 1907, p. 141.

[165] Clark, J. B. Social Justice without Socialism. 1914, p. 6, “has always been the guarantee of technical progres”.

[166] Там же, “rescued us from an appalling evil”.

бедственному существованию «ниже уровня голодания»[167], он забывает о влиянии темпов роста благосостояния на темпы роста населения. Дж. Б. Кларк полагает, что в рыночной системе темп роста населения является экзогенной величиной. Как только дело заходит о воспроизводстве населения, Дж. Б. Кларк, еще недавно предписывавший личности полную, механически выверенную рациональность во всех экономических вопросах[168], отказывает личностям и в рациональных ожиданиях, и в элементарной разумности.

Дж. Б. Кларк утверждает, что в случае приостановления технического прогресса, главным фактором которого является рыночная система, цивилизованное состояние людей будет поставлено под угрозу: «бедность будет возрастать до тех пор, пока ее наиболее жестокие эффекты не реализуют себя, и достаточное количество жизней будет разрушено, чтобы дать возможность выжившим добывать себе пропитание»[169]. Уверенность Дж. Б. Кларка в неспособности людей обеспечить себе удовлетворение даже минимальных физиологических потребностей, избежать массового вымирания без рыночной системы, является центральным элементом мифологизации конкуренции между производителями. Недоверие к творческим способностям людей и приписывание всего технического развития рынку заставляет Кларка выдавать цивилизацию и человеческую культуру за рыночную систему.

В начале одной из своих книг Дж. Б. Кларк утверждает, что люди обязаны своим благополучием капиталистической системе[170], а уже через несколько страниц пишет, что капиталистическое развитие сопряжено с практикой злоупотреблений, в частности, с «разрушением жизни молодых детей (young children) тяжелым и продолжительным трудом»[171].

Дж. Б. Кларк, несмотря на свою теоретическую систему традиции laissez faire, убеждает в необходимости улучшения американской промышленной системы, подтверждает отсутствие социальной справедливости в американском капитализме. Выглядит странным, что рекомендации Дж. Б. Кларка по укреплению американского капитализма были сделаны на основе эмпирических наблюдений, замеченной социальной и экономической неэффективности, а не на основе математического анализа моделей рыночной гармонии: «Бесспорно, что в некоторых отраслях рабочее время может быть сокращено без снижения заработной платы, поскольку прибыли достаточно велики, чтобы выдержать некоторое снижение[172]. В противоположность неоклассической традиции, Дж. Б. Кларк рекомендует создание сильных профсоюзов в этих отраслях[173]. Но более всего интересно, то, что Дж. Б. Кларк отрицает практическую ценность ранее усердно развивавшегося им учения о рыночной гармонии: «радикальная политика laissez-faire, однажды доминировавшая в литературе и головах, теперь находит лишь очень немногих сторонников, достаточно прямых, чтобы пропагандировать ее или достаточно глупых, чтобы верить в нее»[174]. На этом рассмотрение экономических воззрений Дж. Б. Кларка заканчивается.

[167] Там же, “below starvation level”.

[168] См.: Clark, J. B. Essentials of Economic Theory as Applied to Modern Problems of Industry and Public Policy, 1907; The Distribution of Wealth: A Theory of Wages, Interest and Profits, 1908.

[169] Clark, J. B. Social Justice without Socialism. 1914, p. 7. “Poverty would increase till its crudest effects would be realized and lives enough would be crushed out to enable the survivors to get a living".

[170] Clark, J. B. Social Justice without Socialism. 1914, p. 6.

[171] Там же, p. 22. "crushing of the life of young children by hard and prolonged labor".

[172] “There are doubtless some industries in which hours might be reduced with no lessening of wages, because profits are large enough to bear some reduction." Там же, с. 16.

[173] Там же, p. 17.

[174] Там же, p. 4, 5. "the extreme laissez-faire policy once dominant in literature and thought, now finds few persons bold enough to advocate it or foolish enough to believe in it".

Вклад У. Джевонса в развитие неоклассической политэкономии; его заимствования у И. Бентама и Н. Сениора

В ряду основоположников неоклассической политэкономии следует назвать имя У. Джевонса. Этот экономист примечателен своими усилиями по утверждению в экономической науке господства рыночной проблематики и ее математического моделирования.

С первых страниц своей «Теории политической экономии» У. Джевонс наставляет, что общая наука об экономических отношениях непременно должна быть математической наукой.[175] Джевонс не счел нужным пояснить, что именно понимает под математической наукой. Лишь ознакомившись со всей его «Теорией политической экономии» можно уяснить, что здесь имеется в виду, что У. Джевонс настаивает не просто на использовании в экономике математического инструментария, но на сведении всего научного экономического анализа к математическому, т. е. что экономистам вместо изучения экономической действительности следует заниматься математическим анализом идеальных и умозрительных конструкций.

У. Джевонс убежден что за исключением формулирования принципов, экономическая наука должна во что бы то ни стало ограничиваться познавательными возможностями логики и математики. По его мнению, экономический анализ должен сводиться к использованию математических методов для развертывания неоклассических первооснов и построенных на их основе конструкций.[176] Напротив, если экономическая наука не будет сведена к экономико-математическим моделям, она перестанет перестанет быть наукой. Почему она перестанет быть наукой, в «Теории политической экономии» не сказано. Джевонс не пытается привести даже подобие доказательства своего определения сущности всей экономической теории. Одним бездоказательным декретом Джевонс хочет изгнать из экономической науки все, что не согласуется или не служит раскрытию неоклассических догматов о конкурентной гармонии.

Предлагаемый У. Джевонсом путь использования математики и логики как строительного материала для возведения здания неоклассических теории не только затрудняет, но делает ненужной и невозможной проверку истинности, а также совершествование первоначальных догадок. Неоклассическая экономика строится последовательно, блок за блоком, непрерывно показывая убежденность ее приверженцев в том, что строительство ведется на фундаменте некоего непогрешимого откровения. Методологическое наставление Джевонса крайне затрудняет критическое, научное отношение ко всем выдвигаемым догадкам и умозаключениям, а равно и к научному результату. Следует подчеркнуть, что весь процесс создания теории политической экономии У. Джевонса и неоклассики вообще лишен соприкосновения с фактами. Понятно, что логическое преобразование абстракций, на котором одним из первых настаивал У. Джевонс, может дать лишь конструкции, тождественные исходным положениям. В итоге мы получаем не научное исследование предмета — реально существующих экономических отношений, а разрастание и самоутверждение произвольно установленных догм.

У. Джевонс не приводит никаких доказательств возможности и целесообразности сведения всего экономического анализа к математизированной метафизике, но пишет, что верность этого шага ему «кажется совершенно ясно»[177]. Будучи не в состоянии проследовать за У. Джевонсом в мир кажущегося, ограничимся указанием на несоответствие избранного У. Джевонсом способа введения тезиса «Экономика... должна быть математической наукой»[178] в научный оборот современным критериям научности. Отметим также, что, вводя в экономическую науку этот принципиальный тезис, этот экономист опирается на софизм: либо политэкономия будет такой, какой ее желает видеть У. Джевонс, либо она вообще не

[175] Jevons, W. S. The Theory of Political Economy. 1871, p. 3.
[176] Jevons, W. S. The Theory of Political Economy. 1871.
[177] Там же. “seems perfectly clear”.
[178] Там же. “Economy...must be a mathematical science”.

будет наукой.[179] Понятно, что будущее и экономики, и научности находится вне рамок умозрения первых неоклассиков и У. Джевонса в частности.

Замысел У. Джевонса состоит в том, чтобы на неизвестно как полученной «механике человеческого интереса» возвести здание «полностью дедуктивной математической теории» экономики.[180] Удивительна смелость, с которой У. Джевонс ведет научное исследование: «в своих главных чертах, эта теория [его теория, теория У. Джевонса], независимо от того, является ли она полезной или бесполезной, должна быть [!] истинной»[181]. Если бы Джевонс занимался научной деятельностью, а не возведением в абсолют метафизических построений, он бы приводит доказательства верности своих построений, демонстрировал бы их практическую и научную ценность. Ему настолько нелегко разделять повествование своих мнений и пророчеств с научным анализом экономики, что он a priori, до какой-либо научной проверки заключает об истинности развиваемой им неоклассической теории. Понятно, что он рассчитывает или на легковерную и малообразованную публику, или на сознательных обманщиков, кровно заинтересованных в популяризации идиллического, безнадежно оторванного от социальных проблем понимания экономики. Первых У. Джевонс подкупает своей пророческой уверенностью, вторых — наукообразностью капиталистической апологетики, ее кажущимся строгим и математическим характером.

У. Джевонс наставляет, что внутри самой экономической науки его теория проверке не подлежит, но «должна проверяться и выгодно использоваться [?] совершенно индуктивной наукой Статистики [sic]»[182]. У. Джевонс явно путает, - ведь статистика не является полностью или даже преимущественно индуктивной наукой. Статистика в большей степени, чем другие дисциплины опирается на математический аппарат. Более того, задачей статистики является сбор и систематизация исторических фактов, а не проверка научности какой-либо теории. Но корифей неоклассической экономикс намеренно затуманивает вопрос о научной роли статистики, - дабы избавить свою теорию от всего эмпирического, реального, от опасной критики со стороны политэкономии. Заявление У. Джевонса равнозначно, например, требованию превратить всю химию в сугубо дедуктивную науку об идеальном веществе, а научную проверку теорий такой «чистой», начисто отвлеченной от реальности химии объявить задачей не химии, а статистики. Хитроумный неоклассик добивается здесь не решения, а изгнания научных проблем из политэкономии, лишения политэкономии методов исследования и проверки ее собственных теорий, изолирования политэкономии от собственного предмета, ее превращения в вотчину спекулятивных метафизиков.

У. Джевонс объявляет, что «объектом Экономики [sic] является максимизация счастья посредством покупки [sic!] удовольствия»[183]. С этим нельзя согласиться. Ведь даже на капиталистических рынках осуществляется торговля не удовольствиями, а товарами. Здравомыслящий человек покупает товар не ради самого акта покупки, а с целью потребления, т. е. использования полезных свойств товара. Помимо этого, в экономической деятельности куда закономернее и рациональнее оптимизировать общее экономическое положение, чем счастье. Введение столь абстрактной, столь психологической категории в объект экономической науки едва ли может способствовать росту научных знаний об экономической действительности. С нашей точки зрения, счастье субъекта, насколько оно связано с его экономической деятельностью, относится к целям этой деятельности так, как частное относится к общему, т. е. забота о своем веселье и хорошем настроении может быть лишь частью его экономических целей.

[179] Там же.

[180] Там же, p. 24. “a complete deductive mathematical theory”; “the mechanics of human interest”.

[181] Там же, p. 24. “...in its main features, this theory, whether useful or useless, must be [!] the true one”.

[182] Там же, p. 26. “The deductive science of Economy must be verified and rendered useful [?] by the purely inductive science of Statistics [sic]”.

[183] Там же, p. 27. “the object of Economy [sic] is to maximize happiness by purchasing [sic] pleasure”.

У. Джевонс использует понятия «счастье» и «удовольствие» в одинаковом и очень широком, раздутом смысле. Он приписывает удовольствию и «боли» (pain) роль «суверенных господ» (sovereign masters) всех людей.[184] По его словам, «все силы, которые воздействуют на разум человека, есть удовольствия и неудовольствия»[185]. Эти аргументы много раз повторяются, но нигде не доказываются в его «Теории политической экономии». Видимо, У. Джевонс полагает, что настойчивость в науке, подача одного и того же довода под разными соусами делает этот довод более знакомым публике и освобождает ученого от необходимости доказательства. У. Джевонс ошибается: повторение есть средство идеологической обработки, и нисколько не повышает истинность того или иного положения неоклассической экономикс.

Если У. Джевонс берет понятие «счастье» во всеобъемлющем смысле, это делает его понимание экономики еще менее содержательным. Ни данное понятие, ни построенное на нем понимание экономических отношений не поддаются содержательному и точному, научному объяснению. Заметим, что оперирование У. Джевонсом в поле психологии, превращение им термина «счастье» в одну из главных категорий экономического анализа, в императив экономического действия типичного индивида, не обходится без отделения этого термина от его конвенциональных значений, без углубления разрыва между экономикой и психологией. При этом, экономико-психологическое теоретизирование У. Джевонса опирается лишь на авторитет английского спекулятивного философа Дж. Бентама и повторения самого Джевонса, а значит, характеризуется неудовлетворительной доказательностью. Может быть, У. Джевонс действительно считает «слова Бентама по этому поводу [счастья]... слишком значительными и слишком полными правды [sic], чтобы быть пропущенными»[186], но, поскольку сам автор «Теории политической экономии» обошелся без экономического исследования спекуляций Дж. Бентама, у нас нет оснований указывать на иные дефекты доктрины счастья этого философа, кроме ее полной измышленности и догматического характера.

Тот факт, что удовольствие и его антипод (pleasure and pain) есть сами категории, которые создаются человеком для систематизации его деятельности, У. Джевонса не смущает. Для этого вульгарного экономиста важно подчинить личность какому-нибудь принципу, чтобы вместо изучения экономической деятельности людей заниматься дедукцией из первооснов, а полученную систему выдавать за экономическую науку. Чувство удовольствия является лишь отражением действительности в психике человека, а поэтому не может быть первоосновой его экономической активности. Но У. Джевонс говорит об удовольствии и неудовольствии как о владыках человеческой психики, забывая, что они есть лишь выражения эмоционального состояния человека, и поэтому не являются ни суверенными по отношению к человеку, ни по отношению друг к другу. Таким образом, основывать экономическую теорию на данных рассуждениях, олицетворяющих донаучное мышление, означает ведение анти-научной деятельности, призванной подменить знание спекулятивной метафизикой, познание — логико-математическим развитием нелепых, антиобщественных догм.

Наконец, объект экономики не может исчерпываться отношениями продажи и покупки экономических благ. Наряду с отношениями и учреждениями обмена, в любой реальной экономике существуют отношения производства. Приверженцы историко-материалистического понимания общества отдают именно производственной сфере роль двигателя и стержня народного хозяйства.[187]

[184] Jevons, W. S. The Theory of Political Economy. 1871, p. 28.

[185] Jevons, W. S. The Theory of Political Economy. 1871, p. 31. "...all forces influencing the mind of man are pleasures and pains".

[186] Jevons, W. S. The Theory of Political Economy. 1871, p. 28. "...the words of Bentham on this subject... are too grand and too full of truth [sic] to be omitted".

[187] Бухарин, Н. И. Избр. произв., 1990; Маркс, К. Капитал: Критика полит. экономии, 1988; Маркс, К. Капитал : Критика полит. экономии. Т. 1. 1988.

Итак, фундаментом политэкономии У. Джевонса является догмат о влиянии на рыночное поведение всех людей двух абсолютов. Экономические отношения сводятся У. Джевонсом к отношениями рыночного обмена; покупка товаров и услуг подменяется им покупкой удовольствия. Согласно этой теории, все экономические решения каждого человека, все экономическое развитие общества вплоть до самого малозначительного экономического факта являются не только предустановленными, но и абсолютно независимыми, оторванными от воли, намерений, творческой деятельности людей. Такое понимание экономической деятельности человека как раба первоначал до неузнаваемости извращает человеческую психику и поведение, а потому является ненаучным.

Отметим, что У. Джевонс значительной частью своих взглядов обязан вульгарному экономисту Н. Сениору. В «Теории политической экономии» он многократно указывает на выдающийся вклад Н. Сениора в развитие политэкономии, в частности, в развитие теории капитала и теории гармонического распределения.[188] Влияние идей Н. Сениора современную неоклассику и даже на австрийскую политэкономию трудно переоценить. Бем-Баверк утверждает, что Н. Сениор основал теорию воздержания, которая является в целом верной.[189] Но содержание этой теории сводится к вздорному уравниванию общественной природы труда и капитала, к постулированию, что процент есть вознаграждение капиталиста за воздержание и, вместе с тем, заработная плата, которую законно и естественно получает капитал.[190]

Экономический либерализм Н. Сениора неспроста возвеличивается представителями доктрин рыночной гармонии. Заметим, что Н. Сениор был незаурядным экономическим практиком и получил широкую известность благодаря своей защите свободы сделок на рынке труда, которую, в более умелой форме, проводят и неолиберальные экономисты. Н. Сениор убеждал: «...ни одна фабрика, на которой работают лица моложе 18 лет, не может работать более 11.5 часов в день, т. е. по 12 часов [sic!] в первые 5 дней недели и 9 часов в субботу. Следующий анализ показывает, что вся чистая прибыль происходит от последнего часа»[191]. К. Маркс вскрыл несостоятельность этого аргумента, указав, что уменьшение продолжительности рабочего дня понижает расходы нанимателя, в частности, объем используемых материалов, а следовательно, снижает прибыль нанимателя сравнительно небольшой степени.[192] Сугубо хозяйственная несостоятельность этого довода дополняется небезупречностью с точки зрения здравого смысла: вначале Н. Сениор говорит, что ни одна фабрика не может работать дольше 11.5 часов в сутки, а затем, - что фабрика и несовершеннолетние трудящиеся должны работать по 12 часов в сутки с понедельника по пятницу. Более того, этот защитник свободы на рынке труда априорно игнорирует возможность даже круглосуточного использования фабричного оборудования, - например, путем задействования труда совершеннолетних в ночную смену. Ясно, что подход Н. Сениора к отношениям найма трудящегося является крайне предвзятым и отвлеченным от действительных проблем производства, способствует не получению научных знаний, а росту и укоренению предрассудков. Тем более показательна высокая оценка этого доктринера со стороны неоклассических экономистов и, в частности, У. Джевонса.

Продолжим критический разбор «Теории политической экономии» У. Джевонса, оказавшей большое влияние на развитие неоклассической экономикс. Согласно этому теоретику, «трудности политической экономии есть главным образом трудности ясного и полного понимания особенностей полезности»[193], а фундаментом политэкономии является

[188] Jevons, W. S. The Theory of Political Economy. 1871, pp. 48, 156
[189] Bohm-Bawerk, E. Capital and Interest: A Critical History of Economic Theory. 1890, p. 269.
[190] Bohm-Bawerk, E. Capital and Interest: A Critical History of Economic Theory. 1890, p. 270.
[191] Сениор, Н. Цит.: Капитал: Критика полит. экономии, 1988, с. 236.
[192] Маркс, К. Капитал: Критика полит. экономии, 1988, с. 236-239.
[193] Там же, p. 72. “The difficulties of Political Economy are mainly the difficulties of conceiving clearly and fully the conditions of utility".

«полное и точное исследование проблематики полезности»[194]. По его мнению, от полезности благ всецело зависит их ценность.[195] Но этого, конечно, недостаточно для научного объяснения ценности. Как видно, У. Джевонс отказывается от экономического объяснения полезности, воспринимает полезность китом, на котором держится свободный рынок. Отсюда видно, что он не в состоянии развить и экономическую теорию ценности. Поставив полезность за пределы экономических отношений, он неизменно подразумевает полезность и, следовательно, ценность экзогенно заданными, неэкономическими феноменами.[196] В третьей главе данной работы влияние общественных отношений производства и распределения на субъективную сторону спроса будет исследовано подробнее. Здесь отметим, что представление этого основателя неоклассической доктрины о полезности как о ките и первопричине спроса образует ту зыбкую почву, критическое давление на которую ведет к обрушению большей части его полиэкономии.

Самоуверенно защищая права метафизики в науке, У. Джевонс уверяет, что политическая экономия может быть возведена только на законах потребления богатства.[197] Понятно, что такой подход, предполагающий, конечно, измышление законов потребления богатства, выбрасывает за пределы науки производственные и распределительные отношения в обществе, делает их марионетками первопричин. Данный подход служит орудием отвлечения от неудобных особенностей хозяйственных систем. Очевидно, что созданию научной экономической теории У. Джевонс предпочитает исследование своего весьма ограниченного воображения, и априорно предполагает, что этот вид деятельности является экономическим анализом. Итак, учение этого выдающегося конструктора ортодоксальной экономикс строится на субъективных, психологических началах, причем последние не столько берутся из действительности, сколько выдумываются. Фантазия выдается за всеобщую психологию, а личностные начала поведения подменяются искусно созданным мифом. Эта особенность теоретизирования У. Джевонса была в полной мере перенята его последователями и является коренной чертой современной неоклассической политэкономии.

Экономические воззрения неоклассика Дж. Хикса

По мнению Дж. Хикса, «экономическая система частного предприятия» должна изучаться в полной изоляции от эмпирической действительности.[198] Производственные отношения подлежат, по его словам, исключительно логическому исследованию, на основе принципов буржуахно-либеральной политэкономии.[199] В полном согласии с ортодоксальной экономикс, Дж. Хикс допускает в методологию экономической науки лишь формальную логику и догматическое умозрение.

Реанимируя идеи вульгарной буржуазной политэкономии XIX века, Дж. Хикс утверждает необходимость раздельно изучать капиталистическую экономику и капиталистические учреждения. В частности, он безосновательно объявляет, что изучение всех экономических учреждений относится к компетенции историков, а не экономистов.[200] В действительности, у экономистов нет не только научных оснований, но и научных возможностей для исследования капиталистического способа производства и распределения отдельно от реально существующих учреждений (institutions) наемного труда и частной собственности на средства производства. Аналогично, в сельском хозяйстве нельзя изучать и повышать урожайность полевых культур абстрагированно от почвы и климата, от распространенных сорняков и вредителей. В садоводстве нельзя повысить урожайность

[194] Там же, p. 46. “full and accurate investigation of the conditions of utility” .
[195] Jevons, W. S. The Theory of Political Economy. 1871, p. 2. “value depends entirely upon utility".
[196] Jevons, W. S. The Theory of Political Economy. 1871.
[197] Jevons, W. S. The Theory of Political Economy. 1871, p. 46-48.
[198] Hicks, J. R. Value and Capital, 1946, p. 7.
[199] Hicks, J. R. Value and Capital, 1946.
[200] Hicks, J. R. Value and Capital, 1946, p. 7.

яблони лишь веруя в благотворность ее естественных сил, в выживание сильнейшего вида.

Кривая безразличия В. Парето, является, как верно указывает Хикс, геометрическим средством[201]. Но это средство иллюстрирует неоклассические положения, а не экономическое поведение человека. Оно отображает предубеждения, фантазии и точно так же относится к действительности, как астрологические карты и руководства по хиромантии. Совокупность метафизических предпосылок, лежащих в основе анализа В. Парето, с математической необходимостью низвергает его экономический анализ с научного уровня на метафизический. Его плодами являются непроверяемые и практически бесполезные представления. Данная метафизическая модель способствует выработке лишь очень искаженного понимания человеческого выбора.

Созданная В. Парето теория рационального выбора основана на постулатах убывающей предельной полезности и полной информированности относительно вариантов выбора; первый постулат иллюстрируется вогнутой кривой безразличия, из второго выводится осмысленность кривой безразличия как инструмента экономического анализа. Но помимо достаточной информированности теория рационального выбора В. Парето приписывает людям обладание универсальным, неизменным и одинаковым алгоритмом выбора. Поэтому она описывает проблему выбора не как проблему собственно человеческого поведения и не как экономическую проблему, как заданную и исключительно техническую проблему, с решением которой под силу справиться ЭВМ. Уместность данного способа моделирования определяется близостью модели и оригинала, способностью модели быть проверяемой. В случае с теорией В. Парето эти условия не выполняются.

Экономическое исследование решений человека, требует систематического анализа решений реально существующих участников экономической деятельности, вскрытия решающих и второстепенных факторов. В противоположность, Дж. Хикс и В. Парето, следуя неоклассической традиции, навязывают априорный и единственно правильный алгоритм выбора. Вместо исследования экономической действительности, они занимаются апологией веры в механистические предрассудки. В частности, Дж. Хикс постулирует выбор центральным элементом экономической деятельности и тут же низводит его до технической проблемы. При исследовании экономических решений нельзя закрывать глаза на возникновение возможностей для этих решений, на создание условий, при которых возможен тот или иной акт выбора. Отвлеченные экономисты неоклассического направления не понимают, что располагаемые отдельным человеком возможности экономического поведения зависят не только от его предыдущих решений, но и от сложившихся экономических и, в особенности, производственных отношений. Научное объяснение экономических решений человека невозможно без вскрытия зависимостей между внешними условиями и мотивацией, без учета влияния общественных отношений и производственных возможностей на поведение отдельного человека.

Индивидуальная погоня за полезностью возведена рыночными метафизиками в ранг экономического закона и позиционируется как всеобщая первопричина экономического поведения.

Оптимизация выбора реальным субъектом с использованием кривых безразличия или правила об одинаковом соотношении предельных полезностей и цен товаров требует от него немалого объема информации и вычислений. При выборе между несколькими товарами требуется знание всех предельных полезностей. Как в этом случае определить требуемую для модели информацию? Ведь кривые безразличия на практике использовать или вовсе невозможно, в силу большого ассортимента товаров и невозможности даже приблизительно определить предельную полезность, или бессмысленно, например, когда требуется целая партия какого-либо товара, или крайне затруднительно. Явно, что неоклассическое объяснение гедонистически-рационального выбора не может найти сколько-нибудь

[201] Hicks, J. R. Value and Capital, 1946, p. 13.

масштабного применения для прояснения реальных явлений, сопутствующих экономическим решениям. Одной из ее основ является своеобразное понимание человека, которое в данной работе проанализировано отдельно. А цель данной теории выбора может состоять только в затушевывании реальных экономических процессов, в популяризации неоклассических догм, в частности, о бесконечных потребностях каждого и о жесткой ограниченности экономических возможностей в краткосрочном периоде. Не вызывает удивления, что применение данной теории ограничивается самой неоклассической парадигмой, ее укреплением, иллюстрированием и вымышленными задачами, в которых универсальное неоклассическое существо максимизирует общую полезность от потребления. Теория гедонистического выбора является лишь логическим и графическим развитием метафизической доктрины неоклассиков.

По мнениею Дж. Хикса, открытие кривых безразличия позволило научно исследовать взаимоотношение между ценами и предельными полезностями.[202] Рассмотрим обоснованность этого заявления. Дж. Хикс убежает: «мы можем считывать объемы, которые он [покупатель] купит непосредственно с его кривой безразличия, без какой-либо информации о количестве полезности, которое он извлекает из товаров [sic]"[203]. Но откуда взять данные для построения кривой безразличия? Является ли установление этих данных легким делом? Очевидно, что не является, требует информации, которую большинство субъектов не осознает. Поэтому кривая безразличия не имеет практической ценности для исследования выбора типичного потребителя. Будучи не способной пройти эмпирическую проверку и принести практическую пользу, она кривая берзразличия является графическим представлением метафизической проблемы, потому что действительные экономические субъекты формулируют проблему выбора иначе.

Вопреки Хиксу, на основе теории гедонистически-рационального выбора нельзя построить «полную теорию» спроса.[204] Можно лишь графически представить неплатежеспособные нужды отдельного, изолированного человека. Выбор потребителя Хикса не является типичным, поскольку выбор типичного участника не может не изменять экономической диспозиции, в частности, изменяет общий объем платежеспособной потребности и цены товаров. Но вслед за изменением цен изменяются и те обстоятельства, которые у Хикса обозначены термином «бюджетное ограничение». Если бы Хикс изучал не выбор бесконечно малого относительного значения в данный момент времени, т. е., в бесконечно малый промежуток времени, он бы не смог выдавать леса за кочку, тех проблем выбора, с которыми сталкиваются люди к компьютерной проблеме выбора, с собранной необходимой информацией и отсутствием связи с действительностью. Таким образом, кривая безразличия, вопреки Хиксу, мало что способна принести для понимания потребительского выбора экономического субъекта и, в общем случае, для понимания экономических отношений.

Законам рыночного поведения, которые пытается дедуцировать Хаек из принципа уменьшающейся нормы предельного замещения, он приписывает способность «относиться (deal with) к реакции потребителя на изменение рыночных условий»[205]. Хикс пишет: «То, что начинается как анализм потребительского выбора между потребительскими товарами [sic], заканчивается как теория общего экономического выбора. Мы [теперь] недалеко от выяснения унифицирующего принципа всей экономикс», что «основание [общего экономического выбора] в точности подобно [sic]» выбору отдельного субъекта с нулевым экономическим весом.[206] Далее, «рыночный спрос имеет почти те же качества, что и

[202] Hicks, J. R. Value and Capital, 1946, p. 16, 17.
[203] Hicks, J. R. Value and Capital, 1946, p. 16. "we can read off the amounts that he will buy directly from his indifference map, without any information about the amounts of utility he derives from the goods" [sic].
[204] Hicks, J. R. Value and Capital, 1946, p. 18.
[205] Hicks, J. R. Value and Capital, 1946, p. 23. "deal with the reaction of the consumer to changes in market conditions".
[206] Hicks, J. R. Value and Capital, 1946, p. 24. "What begins as an analysis of the consumer's choice among

индивидуальный спрос»[207]. Но если это действительно так, то и общий экономический выбор должен не иметь экономических последствий, должен оставлять без малейшего изменения цены, количества произведенных товаров, склонности производителей к созданию тех или иных товаров. Если так, что значение общего экономического выбора, объясняемое Хиксом, равно нулю, ибо нуль умноженный даже на очень большое число экономических агентов, дает в результате нуль как экономический вес хозяйства в целом.

Пусть Хикс объяснит, почему выбор отдельного экономического субъекта ни на что не влияет, а тот же самый выбор, как его теоретики уверяют, перенесенный на совокупность экономических субъектов, становится определяющим все экономические явления? Каким образом это происходит, откуда привносится в рыночную среду, как ее понимают неоклассики, экономическая сила, совершенно неизвестно. Видимо, для понимания неоклассики недостаточно рассудка и требуется вера в неведомую силу рынка.

А поскольку, по Хиксу, экономический выбор на стороне спроса, который «в точности подобен» на уровне индивидуального субъекта и на уровне всей экономики, не может не иметь нулевого веса, если только строго следовать логике дедукции, то и хиксовы «унифицирующие принципы» экономической науки не могут обладать большим влиянием на экономическую жизни. Хикс не поднимается выше компьютерного моделирования выбора отдельно взятого покупателя, т. е. задач, решаемых, хотя и в другой форме, техническим персоналом бизнеса, плохо приспособленных для отражения всей полноты экономических явлений, а потому являющихся лишь частью экономического анализа, а не его основой.

Дж. Хикс поучает, что потребитель «находится в полном рановесии [sic] только в том случае, когда предельная норма субституции между любыми двумя товарами равна отношению их цен»[208]. Но это состояние полного равновесия в потреблении мало что способно принести покупателю, не является самоцелью его поведения. Реальный индвивид потребляет не для самого потребления, а для удовлетворения определенных нужд, и оптимизацию своего потребления осуществляет не механистически, не так, как это ему подсказывают неоклассики, а под влиянием различных факторов: примера, подаваемого его близкими, культурой, основных,значимых для выживания, поддержания физического и психического здоровья, и факультативных потребностей, причем последние изменяются под влиянием внешней среды более существенно по сравнению с первыми.

По Хиксу, размеры капиталистического предприятия ограничиваются убывающей предельной отдачей факторов производства. В «Стоимости и капитале» он наставляет, что «предельные издержки должны [sic] расти по мере расширения фирмы, дабы обеспечивать (ensure) ограничение ее экспансии»[209]. Странно, что в рыночной модели экономики Дж. Хикса рост фирмы сдерживается не размером рынка, не способностью и желанием населения приобретать ее товары, но ростом предельных издержек. Не менее странно, что Дж.Хикс приписывает законы убывающей предельной отдачи фактора производства миссионерскую роль сдержиания роста производства в отдельной фирме. Данное положение уже не соответствует современной неоклассической политэкономии; следовательно, с позиций этой последней Дж. Хикс ошибался. В самом деле, капиталистическое предприятие, в соответствии с современной неоклассикой, может одновременно увеличить все используемые факторы производства и этим избежать снижения предельной производительности какого-либо фактора. В этом случае рост производства конкурентной

consumption goods [sic] ends as a theory of economic choice in general. We are in sight of a unifying principle for the whole of economics"; "whose foundation is exactly similar [sic]".

[207] Hicks, J. R. Value and Capital, 1946, p. 35. "Market demand has almost exactly the same properties as individual demand."

[208] Hicks, J. R. Value and Capital, 1946, p. 24. "The consumer is only in full equilibrium [sic] if the marginal rate of substitution between any two goods equals their price-ratio".

[209] Hicks, J. R. Value and Capital, 1946, p. 83. "Marginal costs must [sic] rise as the firm expands, in order to [sic] ensure that its expansion stops somewhere".

фирмы будет сдерживаться только субъективной оценкой нужности товара населением и его покупательной способностью.

В аргументации Дж. Хикса имеется и более существенный недостаток, перешедший в современную неоклассику и угрожающий внутренней целостности, непротиворечивости неоклассического объяснения экономики фирмы. Неоклассическая модель конкурентной фирмы содержит интересный парадокс: ведь средние издержки фирмы вполне могут превышать ее предельные издержки в точке пересечения кривой предельных издержек с предельным доходом. В этом случае неоклассическая рекомендация о выпуске, при котором предельные издержки соответствуют предельному доходу, является непродуктивной, обрекает фирму на убытки. Следовательно, неоклассический способ оптимизации экономического поведения на основе анализа предельных величин не является универсальным и единственно верным.

Малейшее добавление в неоклассические отвлеченности жизненного фактора, а именно, необходимости безубыточности производства, ведет к появлению противоречий. Здесь явствует противоречие между «строго научным» правилом наиболее эффективного выпуска фирмы и той частью экономических реалий, от которой неоклассики не смогли отвлечься. Хикс отмечает, что восходящий характер кривой предельных издержек является недостаточным условием для достижения состояния равновесия, что та ситуация, в которой средние издержки фирмы выше предельных «должна встречаться жертвованием предпосылки (?) свободной конкуренции»[210]. Отсюда следует, что Дж. Хикс, а вместе с ним и неоклассические экономисты отнюдь не безоговорочно поддерживают экономическую конкуренцию. Неоклассические экономисты отвергают всю ту конкуренцию, которая не согласуется с их идеализациями и которую они не могут описать в своих жестких, но отвлеченных, а потому и бессодержательных категориях рыночной метафизики.

Но Хикс не прав и в этом. Если средние издержки одной или нескольких фирм, действующих на рынке свободной конкуренции, выше предельных, в то время как средние издержки большинства фирм выше или равны предельным, то, допустив на минуту верность системы Хикса и следуя ее внутренней логики, нетрудно сделать вывод о том, что первая группа фирм будет вытеснена второй группой, что никакой угрозы для совершенной конкуренции это обстоятельство не представляет.

Дело принимает другой оборот только в случае, когда речь идет о типичной фирме, о фирме-образце, а следовательно, о всех и решающем большинстве фирм, присутствующих на рынке. В этом случае порок произвольного и редукционистского рассмотрения экономической деятельности Хиксом становится настолько очевидным, что его нельзя скрыть указанием на необходимость «жертвовать» (sacrifice) понятием, а следовательно, и наличием свободной конкуренции в отдельных случаях. «Только постулат несовершенной конкуренции «способен спасти что-либо от этого крушения и нужно запомнить, что эта угроза крушения касается основной части теории общего равновесия», - пишет Хикс[211]. Учитывая, что далее Хикс пишет о том, что законы экономической системы в условиях значительной монополизированности примерно те же, что и при совершенной конкуренции, решительно непонятно, какую роль в теории общего равновесия Хикса играет конкуренция.[212] В этой связи уместным является предположение, что под фасадом заботы о наивысшей экономической эффективности и конкурентном распределении ресурсов, Хикс привносит в неоклассическую теорию оправдание монопольного капитала в экономике,

[210] Hicks, J. R. Value and Capital, 1946, p. 83.“This situation has to be met by sacrificing the assumption of perfect competition".

[211] Hicks, J. R. Value and Capital, 1946, p. 84. “It is [the assumption of imperfect competition], I believe, only possible to save anything from this wreck and it must be remembered that the threatened wreckage is that of the greater part of general equilibrium theory”.

[212] Там же, с. 84. “the laws of an economic system working under perfect competition will not be appreciably varied in a system which contains widespread elements of monopoly".

монополизированности рынков.

Нелепость приведенной ситуации показывает, к какому противоречию способен привести умозрительный подход: все фирмы в условиях совершенной конкуренции могут быть нерентабельными только оттого, что предельные издержки меньше средних, и поэтому, свободную конкуренцию нужно отбросить как неэффективную. Если принять во внимание этот странный метод Хикса рьяно защищать неоклассические предположения в общем случае, а при малейшей логической трудности отказываться от них, становится очевидной не только практическая, но и теоретическая несостоятельность его системы воззрений.

Перейдем к взглядам Дж. Хикса на экономическое поведение отдельного типичного человека. Прежде всего, бросается в глаза его концепция «частного индивида» (private individual)[213]. Совершенно непонятно, зачем для исследования экономической деятельности, которая базируется на взаимодействии людей, противопоставлять частного индивида «нечастному», видимо, общественному индивиду. Больше вопросов, чем ответов вызывает утверждение Хикса, что «частные индивиды» становятся предпринимателями в зависимости от обладания ими «предпринимательскими ресурсами» (entrepreneural resources)[214]. Это утверждение явно заимствовано Хиксом из обыденных, повседневных представлений о буржуазном обществе. Следуя за Хиксом, невозможно понять, не только почему у одних из его типических частных индивидов имеется достаточный первоначальный капитал для занятия капиталистической деятельностью, а у других такового не имеется. Нельзя понять, что определяет величину стартового капитала в его системе теоретической экономии. Если Хикс, как мы видели выше, постулировал схожесть рыночных законов в совершенно конкурентых условиях и на частично монополизированном рынке[215], эта схожесть уже не может затрагивать размеры необходимого первоначального накопления капиталиста, о чем Хикс благоразумно умалчивает.

Хикс утверждает, что даже несмотря на существование избытка или дефицита товаров в реальной экономической системе, она находится в равновесии, в ограниченном понимании этого термина.[216] Хикс пользуется именно этим ограниченным пониманием, постановляя, что «сегодняшние [только ли сегодняшние?] предложения и спросы всегда уравниваются в конкурентных условиях», поскольку существование товарного избытка якобы в любом случае объясняется волей продавцов реализовать этот избыток позже[217]. Поскольку у Хикса рыночная система является идеалом a priori, она не подлежит изучению с точки зрения эффективности. Ее фактическая неспособность уравнять даже платежеспособные потребности и выпуск капиталистических предприятий, не говоря уже о потребностях и возможностях человеческого общества, объявляется Хиксом лишь кажущимся провалом, на деле свидетельствующем о высокой мудрости участников рыночного обмена и системы в целом. Хикс объясняет товарный избыток сознательными актами продавцов, их желанием отсрочить продажу товара, ожиданиями продавцов. Было бы необоснованным ожидать от Хикса или других экономистов его направления сколько-нибудь содержательного исследования, эмпирического или логического, этого объявления рыночного дисбаланса гармонией на том лишь основании, что такова воля экономических агентов, которые вольны покупать товары, продавать или придерживать их на будущее. С непреодолимыми трудностями столкнулись бы экономисты неолиберализма, попытайся они истолковать неоднократное уничтожение готовых товаров, в том числе сельскохозяйственных в рамках учения о перманентной гармонии при конкуренции. Именно учение о всеобщей гармонии является основой взглядов Хикса на экономические отношения.

[213] Там же, с. 100.
[214] Там же, с. 100.
[215] Там же, с. 84.
[216] Hicks, J. R. Value and Capital, 1946, p. 131.
[217] Hicks, J. R. Value and Capital, 1946, p. 131. “current supplies and current demands are always equated in competitive conditions” .

Дж. Хикс признает одну лишь возможность оторванности положений неоклассической экономикс от действительности.[218] Сам факт глубокой отчужденности ортодоксальной политэкономии от действительности, ее антагонистичность научному прогрессу он, конечно, никогда не подчеркивал. Напротив, признание возможности оторванности гармонической теории от действительности придает анализу Дж. Хикса еще одну черточку научности, лишь усугубляет затушевываение важнейших элементов экономической действительности в этой теории. Более того, это полупризнание Дж. Хикса нисколько не сдерживает либеральных политиков и доктринеров рыночной свободы в их осуществлении всесторонней либерализации, приватизаций, в реализации экономической модели государства, экономящего на социальных расходах. Оно не сдерживает и самих гармонических теоретиков в их пропаганде исторической необходимости и благотворности общества рыночных свобод, не ухудшает их защиту экономических преобразований в интересах капитала. Это признание возможности отдельных несоответствий между гармонической теорией и капиталистической действительностью является совершенно неосновательным. Оно служит средством затуманить коренную противоположность метафизичного, основанного на вере мышления и современной общественной науки, экономики.

Неоклассический анализ отвлеченностей затушевывает экономическую роль трудящихся и социальных учреждений. Первые в трудах отвлеченных экономистов выступают лишь продавцами труда. Их экономическая жизнь сводится к роли рациональных и высоко мотивированных на потребление существ. Нельзя пропустить эту ошибку неоклассических экономистов.

Метафизика рыночной стихии не оставляет места для постановки важнейших экономических вопросов: о разделении общества на классы; о факторах и препятствиях роста производительности труда, о хронической бедности. Для гармонической и отвлеченной политэкономии, которая ставит в центр максимизацию прибылей и технические стороны рыночного равновесия, эти вопросы разрешаются априорно, побочно. От этого они, конечно, не становятся менее важными для экономической науки.

Воззрения неоклассических экономистов: Р. Солоу

На неоклассическом фундаменте строится модель экономического роста Р. Солоу.[219] Основные черты модели Солоу, которые позволяют причислить ее к неоклассической экономикс, следующие: экономический рост изучается сугубо количественно и суммированно, посредством чрезвычайно упрощенной экономической модели; данная модель не поддается фальсификации, поскольку путем все нового и нового подстраивания второстепенных параметров (констант) можно неограниченно долго защищать ее сердцевину; модель основывается на догадке о гармоническом распределении общественного продукта между владельцами факторов производства; модель использует заведомо ложный постулат о независимости темпов технического прогресса от экономической организации общества, от хозяйственных мероприятий; модель уравнивает человеческие способности, творчество, научную деятельность с пользой, приносимой неодушевленными предметами труда и хозяйственными животными; модель низводит трудящихся к объекту экономических отношений, а труд - к совершенно бесправному предмету эгоистической эксплуатации.

Модель Р. Солоу показывает, что долгосрочный рост производительности труда зависит исключительно от технического прогресса.[220] Этот последний постулируется величиной, совершенно не зависящей от экономической, хозяйственной организации общества, от

[218] Hicks, J. R. Value and Capital, 1946, p. 7.
[219] Solow, Robert M. A Contribution to the Theory of Economic Growth. Quarterly Journal of Economics. 1956. 70 (1): 65–94.
[220] Там же.

инвестиций в частности. Инвестиции, по Солоу, есть фактор накопления капитала, но не фактор технического прогресса. Согласно модели, финансирование улучшений и расширений производственной, исследовательской и просветительской работы нисколько не влияет на долгосрочный экономический рост. Напротив, темпы роста производительности труда и уровня жизни в долгосрочном периоде полностью совпадают с темпом технического прогресса, который является экзогенной величиной. Но это означает, что темп роста благосостояния на душу населения также является экзогенной величиной и ни в малейшей степени не может быть объяснен анализом Р. Солоу. Экономические факторы технического прогресса остаются для Р. Солоу тайной. Чем обусловлен технический прогресс? Существуют ли экономические предпосылки чередования периодов научных и технических революций и периодов застоя? В своем «Вкладе в теорию экономического роста» Р. Солоу не нашел нужным освещать данные вопросы.

Темп экономического роста в модели Солоу исчисляется путем обычного суммирования двух величин: экзогенно заданного показателя технологического прогресса и столь же экзогенного, не имеющего отношения к данной теории показателя роста населения. Следовательно, сам темп экономического роста в модели рассматривается как величина изолированная от экономических отношений и экономической политики. Данное видение экономического роста является априорным, т. е. утверждается еще до исследования и неизменно поддерживается. Это крайне характерное для неоклассических экономистов позволяет причислить модель экономического роста Солоу к неоклассической теории. Ясно, что автономность долгосрочного экономического роста по отношению к инвестициям могла быть выведена Р. Солоу только из постулатов собственной модели. Но и рост населения сам по себе не является гарантией экономического роста. Во-первых, речь должна идти о росте трудоспособного населения, а, во-вторых, рост этого последнего должен сопровождаться соответствующим ростом производственных мощностей. Итак, Р. Солоу утверждает необходимость понимания экономического роста как величины внешней, не зависящей от экономических отношений без всякого эмпирического исследования, с помощью лишь нескольких алгебраических преобразований. Экономический рост, по Солоу, автономен от экономики. Таков вклад этой неоклассической модели в теорию собственно экономического роста. Закономерности и факторы развития народного хозяйства не находят отражения в этой модели. Характеризуясь грубым технологическим детерминизмом и обесцениванием экономических и социальных факторов экономического роста, модель Солоу остается в неоклассической традиции примером для подражания.

Практический вывод модели Солоу состоит в формулировании «золотого правила» накопления, согласно которому экономический рост в долгосрочном периоде не зависит ни от сбережений, ни от какого-либо другого элемента экономических отношений. Наилучший баланс между потреблением в настоящем и будущем достигается, когда норма сбережения (“s”) равна степени фактора производства капитала («альфа») в функции Кобба-Дугласа, при условии что эта последняя характеризуется постоянной отдачей от масштаба. Рекомендации о «золотой» норме сбережения, сформулированные на основе математической обработки непроверенных и неочевидных предпосылок модели Солоу, стоят и падают вместе с верностью этой модели, ее предпосылок и логики. Обратное утверждение - что постулаты могут быть неверны, а выведенное из них математическим путем соображение верно, не заслуживает подробного рассмотрения. Ведь при безошибочном математическом походе вывести из неверного соотношения верное невозможно. А при неполном или ошибочном математическом методе верное отношение можно установить лишь попав пальцем в небо.

Как видно, модель Р. Солоу не направлена на развитие представлений о природе экономического развития. Ее инструментарий используется для логического укрепления неоклассической парадигмы. В общем случае, подобные объяснения экономического роста преследуют цель выработки наукообразных доказательств того, что экономическая политика

общества совершенно не затрагивает темпов роста уровня жизни населения в долгосрочном периоде, что экономический рост не нужно изучать в контексте экономических явлений. Напротив, из работ неоклассических экономистов следует, что экономический рост происходит в рыночной экономике автоматически, является ее непременным атрибутом. Но до тех пор, пока не представлено доказательств необходимости, практической ценности предпосылок модели Солоу, не осуществлена эмпирическая проверка ее выводов или, в виду крайней сложности таковой, ее предпосылок, рекомендации этой будут иметь научную ценность лишь как достойные научного исследования проявления буржуазно-либеральной мысли.

Теоретические положения неоклассической экономикс в целом

Изучение работ основоположников неоклассической политэкономии дает ключ к ее пониманию. Изложение неоклассической экономикс в западных и отечественных учебниках и пособиях лишено того содержательного и интереснейшего материала, который содержится в работах ее создателей, и нацелено скорее на массовое распространение неоклассических представлений, на их освящение схоластическим идеалом абстрактной научной истины, на их представление в качестве выдающегося достижения либеральной экономической науки, чем на их разностороннее научное освещение.

Отвергая навязываемые в этих книжках догматы о благотворной общественной роли рыночных капиталистических институтов, о необходимости нивелировки характера человека, об отсутствии экономических противоречий между бедными и богатыми и в некоторые другие нелепые назидания, отказываясь от веры в истинность метафизических спекуляций, рассмотрим критически наиболее несообразные идеи основоположников неоклассической политэкономии. Для выработки содержательного представления о неоклассической политэкономии необходимо также вскрыть положительные, сильные стороны этого учения, а равно исследовать его классовое значение.

В этой теории полезность для индивида равнозначна прибыли для фирмы. А если полезность индивида, стоящего во главе фирмы, насколько это касается деятельности фирмы, не совпадает с максимизацией полезности фирмы? Такой конфликт интересов между индивидуальной целью максимизации полезности и коммерческой целью максимизации прибыли в неоклассической экономикс не допускается. Подобно тому, как наемный рабочий на производстве, по мнению этих теоретиков, всецело должен быть подчинен цели максимизации прибыли предпринимателя, точно так же и предприниматель отдается в порабощение цели максимизации капитальной отдачи собственной организации.

Догмат о том, что все рабочие должны получать по предельному продукту наименее производительного наемного рабочего. Все тот, кто работает на самой непродуктивной мельнице или тот, сельскохозяйственный рабочий — по выработке того, кто работает на самой непроизводительной земле из всех, что еще не заняты, кто сеет на пляже как пишет Дж.Кларк. Догмат о том, что в идеальных условиях якобы невероятно прогрессивной и эффективной рыночной экономики, каждый рабочий должен получать по труду самого малопроизводительного рабочего. В чем социальная основа подобного чудовищного заявления?

По мнению К. Каутского, мальтузианство выстроено на догмате о неизменности «рабочего фонда», или величины переменного капитала.[221] Но этот догмат равнозначен положению, согласно которому рост численности трудящегося населения приводит к соответствующему снижению среднего уровня жизни отдельного трудящегося. Данное явление не может иметь место в современной экономике, поскольку рост трудящегося населения создает производственные возможности, тогда как Мальтусова логика требует допущения обратного: что численность трудящихся нисколько не влияет на

[221] Каутский, К. Экономическое учение Карла Маркса. 2003, с. 199, 200.

производительные силы, возможности для разделения и роста производительности труда. Н. Бухарин подчеркивал роль классической буржуазной политэкономии в научной защите режима свободной торговли, и связывал эту деятельность со служением классических политэкономов национальным интересам Англии и частным интересам английских фабрикантов.[222]

А. Смит, один из важнейших предшественников неоклассической политэкономии, учил, что совокупный годовой продукт общества «составляет доход трех различных классов народа: тех, кто живет на ренту, тех, кто живет на заработную плату, и тех, кто живет на прибыль на капитал. Это — три главных, основных и .первоначальных класса в каждом цивилизованном обществе»[223]. Необходимо отметить, что в совокупный годовой продукт необходимо входят расходы на поддержание основных фондов в надлежащем состоянии. Следовательно, на ренту, заработную плату и прибыль с капитала распадается чистый общественный продукт. Но более интересно то, что Смит не воспринимает землю как законный фактор производства и утверждает, что доход земельных собственников «не стоит им труда и усилий, а приходит к ним как бы сам собой»[224]. Это утверждение Смита противоречит постулату неоклассической школы экономистов о полноценном участии земельных собственников в создании экономических благ. Этот постулат важен не сам по себе, но поскольку он является неотъемлимой частью неоклассической теории распределения, не подкрепляемой ничем кроме теоретических рассуждений и авторитета некоторых знаменитых экономистов. Поэтому необходимо иметь в виду, что при внешней схожести воззрений Смита и неоклассических теоретиков на распределение общественного дохода, в их воззрениях имеются существенные разногласия.

Видя в так называемем волчьем законе орудие экономического и социального прогресса, неоклассические экономисты упускают, что постоянная, мотивированная бесконечным эгоизмом борьба индивида со всеми остальными индивидами в куда большей степени характеризует воображение известных социальных доктринеров, чем реальные социальные отношения представителей семейства волчьих. Во-вторых, осталые экономисты не приводят никаких доказательств того, что искусственное создание и защита условий, в который некий волчий закон становится руководящим принципом общественной жизни, есть условие или даже только средство экономического прогресса. Неолиберальные догматики умалчивают о том, что, в отличие от семейств волчьих, борьба в человеческом обществе ведется неравная, с использованием богатого арсенала материальных и нематериальных средств.

Буржуазные экономисты необоснованно полагают, что слаборазвитые капиталистические государства обязаны создавать благоприятные условия для привлечения инвесторов из высокоразвитых капиталистических стран. Это равнозначно утверждению о необходимости продажи части, и притом лучшей части производительных сил и производительных возможностей правительством слаборазвитого государства частным гражданам развитых капиталистических стран. Разумеется, распоряжение доходами от использования таких инвестиций является частным делом международного предпринимателя, и редко представляет собой деятельность, сколько-нибудь направленную на развитие рабочей силы слаборазвитого в капиталистическом отношении государства. А источником этого дохода является именно деятельность рабочей силы и производительных возможностей государства капиталистической периферии.

Перейдем к рассмотрению взглядов Р. Лукаса, одного из важнейших неоклассических протагонистов второй половины 20 века. Р. Лукас полагает, что влияние экономической политики государства на благосостояние людей очень велико, что «когда начинаешь думать о

[222] Бухарин, Н. И. Политическая экономия рантье : Теория ценности и прибыли австр. школы. 1988, с. 10.
[223] Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов. 1962, с. 194.
[224] Там же.

них [социальных последствиях экономической политики], трудно думать о чем-то еще»[225]. В своей статье «О механике экономического развития», получившей широкое признание и известность в кругах западных либеральных экономистов, Р. Лукас не показывает больших успехов в постижении экономического развития. Напротив, в рассуждениях Р. Лукаса присутствуют грубейшие ошибки.

Нельзя пройти мимо ошибочного отождествления Р. Лукасом, видимо, для целей обоснования своей теории преимущества рыночного экономического развития, жизненных стандартов населения и среднего дохода в денежном выражении на душу населения. Когда Р. Лукас указывает на 40-кратную разницу именно в уровне жизни между высокоразвитыми капиталистическими странами с одной стороны и Индией с другой, он делает это лишь на основании установленной Всемирным Банком (World Bank) 40-кратной различия в среднем доходе на душу населения в долл. США.[226] Но во-первых, это различие не отражает разницы в степени трудности учета подлинного номинального дохода в Индии по сравнению с США. Большая часть экономической активности обычных американцев находится в легальном поле и поддается учету с куда меньшими трудностями, по сравнению с Индией. Во-вторых, и это главное, цены на продукты питания и особенно на жилье в Индии и США со всей очевидностью многократно разнятся. В-третьих, эта дедукция Р. Лукаса от среднего дохода на душу населения к уровню жизни уязвима еще и потому, что абстрагируется от распределения дохода. При исследовании уровня жизни населения поправка на неравномерное распределение национального дохода необходима для перехода от дохода среднего, «бесклассового» жителя к действительному среднему доходу представителя народных масс. Итак, первая ошибка Лукаса состоит в неправомерном отождествлении уровня экономического развития и дохода на душу населения в долл. США.

Переходя от исследования статического экономического положения к исследованию экономического роста, Р. Лукас совершает вторую ошибку. Он пишет, что поскольку средний рост экономики Южной Кореи в период с начала 1960-х по 1980-е гг. составлял 7.0 процента, ее национальный доход будет удваиваться каждые 10 лет. Это рассуждение неверно, ибо не принимает во внимание причины экономического роста, происходившего в Южной Корее в начале 1960-х гг. и возможностей сохранения этих причин. Если Р. Лукас полагает, что цифры экономического роста имеют значение сами по себе и определяют цифры экономического роста в будущем, он заблуждается. Надо ли говорить, что главной причиной высоких показателей экономического роста в Южной Корее в то время было восстановление ее экономики после тяжелой гражданской войны, причем осуществлявшееся при значительной иностранной помощи. Известно, что преодолевая последствия трех крайне разрушительных войн, экономика СССР и без западных кредитов показывала высокие темпы роста в 1920-е, 1930-е и в 1950-е гг. В типичном случае, восстанавливающаяся экономика всегда показывает очень высокие темпы роста. Возможность широкого внедрения заимствованных технологий, большие возможности для повышения производительности труда, возможность следования во многих аспектах по проторенной дороге, - все эти факторы экономического роста, вопреки их замалчиванию Р. Лукасом, вопреки этой частной попытке Р. Лукаса связать рыночную систему и высокие показатели экономического роста, неуклонно обесцениваются по мере преодоления развивающейся экономикой последствий кризиса, а в более общем случае — отставания в развитии. Поэтому усилия Р. Лукаса отделить исследование экономического роста от исследования реальных основ экономического роста и распространить метафизическое, спекулятивное понимание экономики на экономический рост следует признать неоправданными и вредными с точки зрения интересов научного познания экономической действительности.

[225] Lucas, R. E. On the Mechanics of Economic Development. 1988, p. 5. “once one starts to think about them [the consequences of economic policy for human welfare], it is hard to think about anything else".

[226] Lucas, R. E. On the Mechanics of Economic Development. 1988, p. 3-4.

В той же работе Р. Лукас подвергает критике неоклассические модели экономического роста Р. Солоу и Э. Денисона (Denison), указывает на их неспособность сообразоваться с эмпирическими данными о росте экономики США[227].

Р Лукас утверждает, что «главные плюсы неоклассической системы... исходят из ее способности квантифицировать [sic] эффекты различных влияний [sic] на рост»[228] . Мы уже знаем, как Р. Лукас «квантифицировал» уровень жизни населения. Его вклад в развитие неоклассической математизированно системы экономической метафизики является несомненным, но представляет собой отрицательную величину с точки зрения современных критериев научности, так как способствует все большему отдалению экономического мышления от исследования действительно существующих экономических отношений и выработки средств для их улучшения.

Р. Лукас утверждает, что «успешная теория [sic!] экономического развития, очевидно, нуждается в первую очередь в механике, содержащей [предпосылки] поддерживающихся роста и различий в уровнях дохода»[229]. Возможно, под успешной теорией здесь понимается та, что может, извиваясь, подгоняя константы и числовые параметры моделей, приспосабливаться к любым фактам. А значит, экономистам нужно изучать статистику, но только для изменения второстепенных положений в своих концепциях, для того, чтобы теории, базирующиеся на либеральных принципах, лучше сообразовывалась с эмпирическими фактами и «доказывали», как об этом говорит Фридман, верность принципов либерально-буржуазной идеологии. Этот эмпирический поиск, направленный на придание экономическим моделям видимости соответствия действительности, не имеет ничего общего с научностью, ибо не оставляет места для проверки базовых положений теории, но принимает их как безусловно истинные, а изменяет лишь второстепенные положения и константы.

В другой статье, посвященной проблемам эконометрики, Р. Лукас утверждает, что последствия общественного регулирования экономики могут быть оценены лишь посредством в формате исследования конструкций, построенных на неоклассических «микроэкономических основах» (microeconomic foundations)[230]. Разумеется, речь идет лишь о психологической догматике, в частности, об индивидуализме и рациональности. Но ведь этот догматический подход позволяет отвергнуть любое вмешательство общества в рыночную ситуацию, будь то помощь голодающим или бездомным безработным, только на том основании, что эта политика противоречит исходной догматике, безосновательно выдвинутой экономистами неоклассической школы. В действительности, эти последние являются лишь постулатами неоклассических экономистов, например ненаучное утверждение, будто все люди рациональны, или что голодающие выбирают сознательно идут на голод, дабы меньше работать.

Вдобавок, Р. Лукас догматически, ненаучно принижает значение тех причин изменения экономической системы, которые находятся вне «воли» рациональных индивидов[231]. Так, по мнению Р. Лукаса, поведение экономической системы есть «такое, какое оно есть» уже потому, что на экономическую систему существенно влияет лишь рациональное поведение автономных акторов[232]. А разве это явление существует вне теорий либерально-буржуазных экономистов? Нет, его существование не только не подтверждается, но и прямо

[227] Lucas, R. E. On the Mechanics of Economic Development 1988, p. 6-7.
[228] Lucas, R. E. On the Mechanics of Economic Development. 1988, p. 13. “The main contributions of the neoclassical framework... stem from its ability to *quantify* [sic] the effects of various influences [sic] on growth".
[229] Lucas, R. E. On the Mechanics of Economic Development. 1988, p. 41. "A successful theory of economic development clearly needs, in the first place, mechanics that are consistent with sustained growth and with sustained diversity in income levels".
[230] Lucas, R. E. Econometric Policy Evaluation: A Critique. 1976, p. 22.
[231] Lucas, R. E. Econometric Policy Evaluation: A Critique. 1976, p. 22.
[232] Lucas, R. E. Econometric Policy Evaluation: A Critique. 1976, p. 22. "is whatever it is".

опровергается опытом. Но согласно Р. Лукасу, кривая Филипса уже потому вводит в заблуждение, что она противоречит неоклассическому догмату о рациональном аутоматоне, - так называемым неоклассическим основаниям экономики.[233] Таким образом, отклонение Р. Лукасом «альтернативных экономических мероприятий» и «интервенционизма», под которыми следует понимать вмешательство в экономику демократической власти, представителей всего общества[234], не только научно несостоятельно, но показывает завзятый догматизм этого представителя неоклассической политэкономии.

Г. Зиммель указывал на ограниченность применения неоклассической концепции спроса на отдельно взятый товар в экономической науке.[235] По мнению Г. Зиммеля, определение экономической ценности любого товара требует большей информации, чем кривая спроса на этот товар, а именно исследование готовности, склонности человека к обмену, с использованием как минимум двух товаров: «Только при существовании второго объекта, который я готов отдать в обмен на первый... каждый из них может иметь измеряемую экономическую ценность»[236]. Поэтому кривая спроса на отдельно взятый товар не может иллюстрировать его экономической, меновой ценности.

Влияние на экономическую ценность товара не ограничивается его редкостью и субъективным удовлетворением, которое приносит его потребление. Ведь товарная редкость не является раз и навсегда данной, посторонней для экономики величиной, неким китом, на котором держится капитализм, но зависит от количества и организации труда, направляемого на производство и рост доступности товаров.[237] С другой стороны, отождествление предельной полезности товара с готовностью платить за него совершенно затушевывает множество экономических явлений: действительной и ожидаемой доступности товара, возможностей потребителя отсрочивать потребление, создавать запасы. Таким образом, построение неоклассической концепции индивидуального спроса на отдельно взятый товар, заключающееся в субъективном преобразовании элементов неоклассического базиса, а также позиционирование этой концепции в экономических исследованиях в качестве могучего познавательного инструмента проблематичны.

Объективные условия, возникающие в результате рыночной конкуренции могут вести к возникновению веры св уществование силы, неподконтрольной отдельным экономическим агентам. Но приписывание ценообразования рыночным отношениям как таковым, как особой системе, ведет к необоснованному пессимизму в отношении планирования и экономической политики демократических институтов власти.

Объяснение экономической действительности с точки зрения гармонии интересов эгоистически настроенных участников не является в экономической науке единственным. Согласно экономической теории Г. Джорджа, экономический прогресс в капиталистическом обществе всегда приводит к росту ренты и, таким образом, к перераспределению доходов в пользу собственников земельных ресурсов.[238] Эта теория представляет куда более сообразующееся с действительностью объяснение ренты, по сравнению с неоклассической. Таким образом, та гипотеза, согласно которой рента зависит от предельной производительности земли, совершенно не в состоянии объяснить, от чего зависит предельная производительность земли, если только речь идет об анализе экономической действительности, а не о решении школьных задач, в которых предельная или общая производительность земли дана в условии.

Любопытно отметить, что видный разработчик другой, еще более либертарной в

[233] Lucas, R. E. Econometric Policy Evaluation: A Critique. 1976, p. 22.
[234] Lucas, R. E. Econometric Policy Evaluation: A Critique. 1976, p. 20. "alternative economic policies".
[235] Simmel, G. The Philosophy of Money, 2004, p. 89.
[236] Там же. “Only if there is a second object which I am willing to give away for the first... does each of them have a measurable economic value”.
[237] Simmel, G. The Philosophy of Money. 2004, p. 90.
[238] Batt, H. Development and Wealth: A Georgist Perspective. American Journal of Economics & Sociology, 2012.

отношениии эксплуатации человека человеком системы, Л. Мизес критикует и отвергает неоклассический подход к равновесию на отдельном рынке. «Если бы предприниматели могли точно предсказывать рыночную динамику, то не существовало бы ни прибылей, ни убытков. Цены всех факторов производства уже сегодня были бы приспособлены к завтрашним ценам товаров», - справедливо отмечает Мизес[239]. Не следует ли это понимать таким образом, что предположение неоклассической экономикс о рациональных ожиданиях находится в противоречии с предположением о ценообразовании на отдельном рынке? Ведь при существовании действительно рациональных ожиданий и возможности перелива ресурсов из одной области в другую, кривые спроса и предложения превращаются в неадекватные инструменты анализа.

Кажущийся стройным и монолитным замок неоклассических абстракций обрушивается не только при сопоставлении с действительной экономикой, например, с исследованием неолиберальных преобразований на капиталистической периферии, их экономических и социальных последствий, но и при более тщательном теоретическом рассмотрении. Только материалистический и исторический подход к общественной практике способен внести решающий вклад в рассеивание метафизического тумана в теории и в уничтожение классового общества на деле.

Воззрения приверженцев австрийской школы политэкономии

Рассмотрим некоторые экономические взгляды, в частности, на общественную роль рыночных учреждений, Ф. Хаека, Б. Бем-Баверка, И. Кирцнера, раннего и позднего Шумпетера. Экономические идеи Ф. Хаека, - современного лидера австрийской политэкономии, - конечно, уступают неоклассической теории в логичности, внутренней связности, ясности изложения, при этом нисколько не уступают в метафизичности.

Основанная на горячей интуитивной убежденности, спекулятивная защита слепой силы капитала Ф. Хаеком указывает на глубокую деградацию австрийской политэкономии и является симптомом кризиса буржуазной экономической науки в целом. Ф. Хаек утверждает, что монополия не уничтожает, а допускает существование конкуренции. По его мнение, это происходит потому, что при монополии всегда существует возможность для конкуренции. Но разве потенциальная возможность конкуренции и реально существующая конкуренция — это одно и то же? Отождествление возможности появления экономических явлений с их наличием настолько же характеризует Ф. Хаека как невежественного экономиста, насколько отождествление наличия раковой опухоли с ситуацией, когда ее развитие не исключено, свидетельствовало бы о ничтожности лечащего врача.

Замечательно, что Ф. Хаек, защищая «индивидуальные» экономические свободы и в целом придерживаясь «методологического индивидуализма», вся фальшь которого была показана в первом разделе этой работы, как только речь заходит о экономическом росте, начинает пропагандировать весьма нелиберальные меры, в частности, желательность органичения кредита не только коммерческих банков, но даже частных лиц друг другу.[240] Крайний либерализм в одной области соседствует с иллиберализмом и надиндивидуализмом в другой области. Эта особенность воззрений Ф. Хаека остается тайной для многих экономистов.

Р. Скидельски пишет, что главным экономическим «знанием», которым обладал Ф. Хаек, была твердая убежденность во вредности и опасности любого вмешательств общественной власти в капиталистическую экономику.[241] Обобщение Р. Скидельски неверно. В действительности Ф. Хаек крайне негативно относится к высоким темпам развития капиталистической системы, и для борьбы с этим явлениям убеждает в необходимости

[239] Mises, L. Human Action: A Treatise in Economics. 1949, p. 291.
[240] Hayek, F. A. Prices and Production. 1967, p. 116, 117.
[241] Скидельски, Р. Хайек versus Кейнс: Дорога к примирению. Вопросы экономики. 2006, с. 48.

государственного вмешательства, в форме жесткой экономической политики, ограничивающей «неэффективные» инвестиции, вплоть до запрещения частным банкам выдавать кредиты.[242] По мнению Ф. Хаека, в периоды экономического подъема правительствам, которые во что бы то ни стало должны бездействовать в периоды экономических кризисов, ибо их бездействие предположительно ведет к очищению экономики от неэффективных производств, предписывается «сократить пропорционально кредит» и «следовать выводам наших (?) теоретических аргументов до их практических последствий».[243] Поэтому, вопреки Р. Скидельски, Ф. Хаек отнюдь не является принципиальным противником государственного вмешательства в экономику. Дело обстоит сложнее. Ф. Хаек ратует за осуществление полики экономической евгеники — общественного культивирования экономической деятельности, но лишь той, которая в наибольшей степени соответствует капиталистическому пониманию эффективности. Ф. Хаек отвергает не любое вмешательство государства в экономику, а лишь то, которое не направлено на усиление роли класса предпринимателей в экономике и при котором государство не выполняет обязанность слуги командующего класса. Но последствия такой экономической политики, которая перекладывает экономические трудности на плечи наемных рабочих, могут быть обратными пожеланиям Ф. Хаека, ибо полнокровное и гармоничное развитие народного хозяйства несовместимо с разительными социальными контрастами и с превращением общественной власти в служанку какого-либо одного социального класса.

В книге «Цены и производство» Ф. Хаек занимает противоречивую позицию по отношению к количественной теории денег. С одной стороны, по его словам, «с практической точки зрения, было бы одной из худших вещей... если бы массы еще раз [sic] перестали верить [sic] в элементарные предположения количественной теории [денег]»[244]. С другой стороны, в количественной теории денег И. Фишера он видит «реально существующее [sic!] препятствие к достижению прогресса», а потому укрепление позиций этой теории в научных кругах приводит, по его мнению, к углублению разрыва между денежной и общеэкономической теорией.[245] Под последней он подразумевает, конечно, австрийскую политэкономию. Это кажущееся противоречие нетрудно разрешить посредством логического развития утверждений Ф. Хаека. Действительно, с одной стороны, он желает, чтобы обыватели верили, т. е. некритически относились к слоганам и простейшим формулам монетарного объяснения инфляции; с другой, он ратует за объединение экономистов под флагом индивидуалистической, на его взгляд, политэкономии австрийцев. Отсюда видно, что отношение Ф. Хаека к экономической науке не только находится в противоречии с современными стандартами научности, но и прямо противоречит им. Тот факт, что в «Ценах и производстве» Ф. Хаек высказывается за авторитетную и простую денежную теорию для толпы и за отдельную теорию для профессионалов рельефно выражает отношение Ф. Хаека к науке и просвещению, и ставит его в один ряд со средневековыми обскурантами — противниками научного прогресса.

В «Ценах и производстве» Ф. Хаек утверждает, что кредитная экспансия приводит к непропорциональному изменению цен на производственные ресурсы, изменяет структуру спроса на потребительские товары, снижает мотивацию населения к эффективной экономической деятельности.[246] По его мнению, отклонение цен на ресурсы, а вместе с ними

[242] Hayek, F. A. Prices and Production. 1967.
[243] Hayek, F. A. Prices and Production. 1967, p. 117. "contract credit proportionally"; "following the implications of our theoretical arguments right through to their practical consequences".
[244] Hayek, F. A. Prices and Production. 1967, p. 3. “from a practical point of view, it would be one of the worst things which would befall us if the general public should ever again cease to believe in the elementary propositions of the quantity theory".
[245] Там же, p. 4. "a positive hindrance to further progress".
[246] Hayek, F. A. Prices and Production. 1967.

структуры инвестиций и товарного производства от неких естественно-равновесных состояний, резко усиливает, драматизирует дестабилизирующий эффект кредитной или денежной экспансии.[247] Ф. Хаек настолько сильно антагонистичен последним, что без всякого обоснования и доказательства запугивает разрушительным «эффектом бабочки», пророчествуя, что малейшее органичение рыночных свобод или частной инициативы со стороны общественной власти, причем не только прямое, но и косвенное — в виде денежно-кредитной экспансии, может привести к непредсказуемым и катастрофическим последствиям, к установлению диктатуры.[248] Отсюда видно, что элементы конкретно-экономического анализа тесно переплетены в трудах Ф. Хаека с голословными спекуляциями. Понятно, что неразумная кредитная политика действительно может дестабилизировать экономику, но в то же время далеко не всякая кредитная экспансия угрожает обществу катастрофой. Назидания Ф. Хаека об универсальном, однобоком в своей негативности и даже угрожающем влиянии денежно-кредитной экспансии на народное хозяйство не только не находят фактического подтверждения, но и опровергаются ежедневной практикой центральных банков развитых капиталистических стран, которые оказывают несомненное стабилизирующее воздействие на рынки и экономические отношения. Также следует отметить, что крупная денежно-кредитная экспансия в большинстве случаев направлена на борьбу с экономическими трудностями, на предотвращение социальной и экономической катастрофы, на нормализацию экономики, которая уже находится в состоянии кризиса. Данная практика нередко является вынужденной, т. е. средством решения уже существующих экономических проблем, а не первоисточником экономических зол, таких как неустойчивость и хрупкость рыночных механизмов.

Ф. Хаек утверждает, что экспансиваная денежно-кредитная политика негативно влияет на эффективность рыночной системы уже тем, что она изменяет формы кривых предельной производительности факторов производства.[249] Вследствие монетарной экспансии государства цены факторов производства отклоняются от их естественного уровня, причем на разную величину, что ведет к дестабилизации экономики.[250] По Ф. Хаеку, предельная производительность факторов производства является важнейшим звеном, передающим «неверный» импульс от денежного рынка к производству в целом, приводит к губительному изменению относительных цен в экономической системе.[251]

Но здесь Ф. Хаек явно отходит от своего «строго научного» «методологического индивидуализма». Он оперирует такими понятиями, как кривая предельной производительности фактора производства, которая сходна с неоклассической категорией предельных издержек. Но это уже агрегированный анализ экономики в традициях неоклассики. Экономика рассматривается им эклектически: частью — атомарно, частью — суммарно. Но австрийская экономикс отвергает ценность обобщенных показателей экономики. Формально расставшись с практикой экономического агрегирования, Ф. Хаек берет ее на вооружение для критики кредитной экспансии. Произвольность и эклектичность монетарного анализа Ф. Хаека лучше всего иллюстрируются сравнением его ультимативной критики монетарной экспансии с универсальным и безусловным оправданием мер жесткой денежно-кредитной политики. Последняя, уверяет он, требуется для очищения экономики от слабого бизнеса. Мы видим, что при всей произвольности экономического анализа Ф. Хаека в целом, он остается верен человеконенавистнической метафизике социал-дарвинизма, проповедует необходимость человеческого общества опуститься до уровня диких, асоциальных, психопатических зверей. И это он называет эффективностью.

[247] Там же.
[248] Hayek, F. A. The Road to Serfdom. 1998.
[249] Hayek, F. A. Prices and Production. 1967, p. 82.
[250] Там же.
[251] Hayek, F. A. Prices and Production. 1967, p. 82-83.

Знаменитый представитель австрийской школы экономистов Ю. Бем-Баверк разделяет далеко не все общепризнанные положения австрийской политэкономии. Его социальная характеристика капиталистических отношений, видимо, в некоторой степени почерпнута из действительности. Отдельные высказывания Ю. Бем-Баверка, сделанные им в книге «Капитал и процент», противоположны априорным, принимаемым на веру до научного исследования утверждениям К. Менгера, Л. Мизеса и Ф. Хаека о социальной безупречности капиталистического способа производства.

Так, разбирая учение А. Смита, Ю. Бем-Баверк отмечает порочность распределения и недооценку роли наемного труда в капиталистическом обществе: «[наемный] рабочий обычно получает мало — в самом деле, очень мало — в то время, как предприниматель получает много... его [рабочего] мизерная зарплата обменивается на более тяжелую работу, тогда как предприниматель получает немалую долю в продукте... часто и без личных усилий»[252]. Не имеющие и тени правдоподобия фантазии о гармоничности и всеобщей выгодности капиталистического способа производства, как это показывает работа самого Ю. Бем-Баверка, находят приют лишь в отвлеченности от исторического и практического знания, в кабинетном невежестве. Спекуляции австрийской школы о естественном и гармоничном характере капиталистического развития рассыпаются уже при беглом сопоставлении с фактами, при первых сопоставлениях с действительностью, а последовательный конкретно-исторический анализ позволяет вскрыть не только их полную вздорность, но и социальные корни.[253]

В «Капитале и проценте» Ю. Бем-Баверк открыто заявляет, что процветание класса предпринимателей основано на отчуждении труда малоимущих классов.[254] На некоторое время расставшись с австрийским методом умозрения, Ю. Бем-Баверк подчеркивает наличие социальной дистанции в капиталистической системе: «Предприниматель... редко или вообще никогда не был трудящимся, а трудящийся... редко или никогда не станет предпринимателем»[255]. Здесь несомненна попытка выхода из спекулятивной метафизики гармонии, которая, однако, не удалась. Ю. Бем-Баверк не смог пойти дальше этой отрывочной и непоследовательной характеристики капиталистического способа производства, что во многом объясняется принципиальной несовместимостью умозрительных концепций австриской политэкономии и научным исследованием экономических фактов и отношений.

Но Ю. Бем-Баверк разошелся с австрийскими ортодоксами и в оценке отношения экономики к другим наукам. Ю. Бем-Баверк формально отвергает изоляционистский подход неоклассиков и самоуверенное умозрение, скрываемое под загадочным словом «интуитивизм». В отличие от Л. Мизеса и Ф. Хаека, неутомимо твердивших о всеобъемлющей природе и полной истинности всех экономических догматов австрийской школы, Ю. Бем-Баверк признает, что экономические теории представляют научную и общественную ценность только в случае их опоры и взаимодействия с научными открытиями в других дисциплинах. По его мнению, «объяснения экономикс не могут основываться на том, что наука, граничащая с ней признала неверным или невозможным; в противном случае, нить объяснения прерывается уже в самом начале»[256]. Конечно, от допущенной в объяснении

[252] Bohm-Bawerk, E. Capital and Interest. 1890, p. 76. “the worker usually receives little – indeed very little – while the undertaker receives much... for his [worker's] scanty wage falls the harder work, while to the undertaker, for his ample share in the product falls... often enough no personal exertion...”

[253] Маркс, К. Капитал : Критика полит. экономии. Т. 1. 1988.

[254] Bohm-Bawerk, E. Capital and Interest: A Critical History of Economic Theory. 1890, p. 75.

[255] Bohm-Bawerk, E. Capital and Interest: A Critical History of Economic Theory. 1890, pp. 75-76. “The undertaker who contributes the capital has seldom or never been a workman; the workman who his threws and sinews will seldom or never become an undertaker”.

[256] Там же, p. 222. “The explanations of economics cannot rest on anything that a science related to it is bound to declare untrue or impossible; otherwise the thread of the explanation is broken from the first.”

ошибки его нить не прерывается. Напротив, умозрительное объяснение того или иного экономического факта далеко не сразу заводит в тупик.

Умозрительное и невежественное объяснение фактов или отношений вполне может обладать признаками научности и даже пользоваться научными методами, но при этом быть безнадежно оторванным от действительности. В этом случае действительные свойства объекта исследования будут подменяться измышленными, а научное исследование — блужданием по лабиринтам фантазии.

Итак, немалая, по меркам австрийской экономикс, заслуга Ю. Бем-Баверка состоит в указании на важность для экономики быть связанной с другими науками, в подчеркивании, что экономика не должна и не может развиваться в изоляции от других наук. Следует подчеркнуть, что явное пренебрежение неоклассических и австрийских экономистов эмпирическими исследованиями, достижениями общественных и естественных наук неминуемо ведет их к построению систем метафизики, главное достоинство которых состоит не в научном, а в идеологическом содержании. На деле, изоляционистский и умозрительный метод австрийской школы заимствуется и самим Бем-Баверком. Реализации научных методов исследования экономики он предпочел спекулирование в худших традициях телеологической метафизики.

Другой выдающийся представитель австрийской школы XX века - И. Кирцнер утверждает, что все участники экономической деятельности обязаны рынку многим из своего состояния.[257] И. Кирцнер необоснованно утверждает, что «существование экономических закономерностей ведет к жесткому ограничению корректирующих способностей государства [в экономике]»[258].

И. Кирцнер учит: «очевидные дефекты рынка [рыночной системы?] являются не дефектами... а неизбежными издержками, которые необходимы для социальной координации»[259]. Во-первых, бросается в глаза странное отношение к понятию дефект, неэффективность (inadequacy), в отношении рыночной системы. Кирцнер говорит, что дефект — это часто не дефект, а должное. Но что такое «дефект рынка», остается неясным. Кирцнер рассматривает дефект вообще, неэффективность в вакууме. Во-вторых, и это главное, здесь без всякого эмпирического анализа рыночная неэффективность в самом широком охвате и значении уравнивается с необходимостью, с требованиями экономико-социальной системы. Поэтому нельзя согласиться с тем, что большинство видимых, да и вообще каких-либо рыночных дефектов вызваны требованиями социальной координации. Даже когда эта последняя осуществляется в интересах крупного капитала, провалы рынка обусловлены не социальной координацией, а наоборот, социальным хищничеством, - тенденцией расширения эксплуатации человека человеком, присущей рыночно-буржуазному обществу с момента его рождения.

По словам И. Кирцнера, «доброкачественные социальные учреждения» всегда образуются спонтанно[260]. Из этого следует, что сколько-нибудь прогрессивные и эффективные общественные учреждения во всех случаях есть непреднамеренные, незапланированные, побочные продукты общественных процессов, в частности, ожесточенной конкуренции.

Отсюда видно, что И. Кирцнер оставляет метод абсолютного социал-атомизма и переходит к догматизированию о социальных атомах в целом. На примере И. Кирцнера и Ф.

[257] Kirzner, I. M. (1999) ‘‘Mises and His Understanding of the Capitalist System.’’ p. 222.

[258] Kirzner, I. The Meaning of Market Process: Essays in the development of modern Austrian economics. 1992, p. 9. “The existence of economic regularities implied severe [sic] limits to the corrective powers of the state”.

[259] Kirzner, I. The Meaning of Market Process: Essays in the development of modern Austrian economics. 1992, p. 9. “The apparent inadequacies of the market... [are often] not inadequacies... but unavoidable costs necessary for social co-ordination”.

[260] Kirzner, I. The Meaning of Market Process: Essays in the development of modern Austrian economics. 1992, p. 172. «benign social institutions”.

Хаека мы видим, что австрийская политэкономия все-таки вторгается в область социального, общественного. Третирование Ф. Хаеком термина «социальный», «социальная» скорее выражает его эмоции, чем сквозной принцип его экономических воззрений, не говоря уже об австрийской политэкономии в целом.[261] Требования Ф. Хаека целиком положиться на неподвластную человеческому уму рыночную стихию напоминают богословские рассуждения и призывы во всем полагаться на божий промысел, неминуемо ведущий к гармонии, но вместе с тем непостижимый для слабеньких умственных сил человека.

То же самое в сущности говорит И. Кирцнер, только по поводу вполне земной силы, «невидимой руки» рынка. По Кирцнеру, чем больше места отведено спонтанности борьбы, так называемой свободной воле, тем лучше будет результат. Согласно всем вульгарным экономистам, общественное развитие есть всегда побочный продукт гедонистически обусловленного соперничества, а хищническая борьба как таковая, т. е. сама по себе, есть залог гармонии. Бросающиеся в глаза провалы промышленно неразвитых экономик, в течение многих десятилетий организованных по строго хищническим и либеральным принципам, эмпирически опровергают это положение вульгарной экономикс.

Но развитие человеческих обществ показало, что беспомощное преклонение перед невидимым и таинственным, а равно искание милостей у этого таинственного, не являются эффективными способами приспособления человека к вызовам окружающей среды. Массовая безработица, нищета, безграмотность, неквалифицированность, распространенность суеверий и жестоких предрассудков среди сотен миллионов людей, формировавшихся при капиталистических отношениях, свидетельствуют против поддерживаемой им австрийской гипотезы о спонтанности эгоистической борьбы как первоочередном условии общественного развития.

Воззрения Й. Шумпетера значительно отличаются от воззрений ортодоксов австрийской политэкономии, но сходны в ключевом моменте австрийской политэкономии — в метафизической вере в прогрессивность капиталистических отношений. Рассмотрим аргументы Й. Шумпетера, часто используемые в обороне центрального убеждения либрально-буржуазных экономистов об универсальной благотворности институтов частной собственности на средства производства и наемной эксплуатации человека человеком. Шумпетер выступает против использования в экономической науки принципов универсализма и индивидуализма, говорит о необходимости разделения научного подхода к экономике и агитации, морализаторства.[262] Й. Шумпетер уверен, что в капиталистической экономике «движущей силой является интерес индивида»[263].

Шумпетер полагает, что современное государство возникло для обеспечения финансовых потребностей: “не будь финансовой нужды, не было бы и непосредственной причины для создания современного государства”[264].

Согласно Шумпетеру, жизнь индивида образует “относительно короткий период”[265], а следовательно отдельные трудности, возникающие перед индивидом не могут характеризовать классового, эксплуататорского характера общества. Он заявляет, что “продолжительное существование классовой позиции есть иллюзия, которая создается” - уразумейте-ка, - “огромной стабильностью классового характера как такового и его социального содержания”[266]. Далее, Шумпетер говорит, что классовые барьеры «должны»

[261] См. Hayek, F. A. The Fatal Conceit: The Errors of Socialism. 1992, p. 117.
[262] Schumpeter, J. A. The Economics and Sociology of Capitalism. 1991, p. 287.
[263] Schumpeter, J. A. The Economics and Sociology of Capitalism. 1991, p. 112. “the driving force is individual interest”.
[264] Schumpeter, J. A. The Economics and Sociology of Capitalism. 1991, p. 108. “without financial need the immediate cause for the creation of the modern state would have been absent”.
[265] Schumpeter, J. A. The Economics and Sociology of Capitalism. 1991, p. 248. “a relatively short period”.
[266] Schumpeter, J. A. The Economics and Sociology of Capitalism. 1991, p. 251. “the persistence of class position is an illusion created by... the great stability of class character as such and of its social fluid.”

(must) быть преодоляемыми.[267] Как будто конкуренция и жестокая борьба за существование, социальный статус не являются при капитализме условиями, стимулирующими хищничество и потребительское, мошенническое отношение людей друг к другу.

Шумпетер является идеологом свободной торовли, уверяет, что тарифы вредят «и рабочим, и капиталистам»[268], однако несмотря на это, способствуют росту картелей, союзов сбытчиков продукции[269], что, вероятно, не рассматривается этим экономистом в качестве фактора, благоприятного для капиталистов. «При системе свободной торговли», - с научным апломбом фантазирует Шумпетер - «не будет конфликтов ни между различными нациями, ни между соответствующими классами различных наций»[270].

Подчеркнуто общественный и отчасти материалистический, опирающийся на факты анализ позднего Шумпетера не должен привести к игнорированию того, что ранние воззрения этого экономиста во многих местах перекликаются с австрийской экономикс. В «Теории экономического развития» этот экономист рассматривает труд наемного рабочего не как труд человека, а как некие сервисы (services), которые в экономическом анализе не следует отличать от «сервисов», оказываемых товарами.[271] Это воззрение не есть изобретение Й. Шумпетера. Оно было широко распространено и в XIX веке и высказывалось, в частности, Молинари.[272] Этот подход к трудящемуся уравнивает труд человека и использование, скажем, тяглового животного или неодушевленного предмета. Единственное назначение этого ненаучного, безосновательного отношения к человеческому труду состоит в оправдании эксплуатации человека человеком, в придании эксплуатации наемного труда той же естественности, какую имеет эксплуатации молотка.

Приписывая депрессии «экономическую функцию» очищения от неэффективных структур[273], Й. Шумпетер возвещает, что кредитная политика государства «может быть успешной в том же смысле, в котором обдуманная политика расовой гигиены (racial hygiene) может привести к успехам, недоступным до тех пор, пока позволен произвольный ход вещей».[274] Получается, что Шумпетерова концепция бизнес-цикла базируется на философии социал-дарвинизма. Естественное экономическое развитие он понимает как выживание сильнейшего, разорение слабого сильным. Но естественный ход событий в капиталистической экономике не удовлетворяет раннего Й. Шумпетера предлагавшего рычаги для ускорения социал-дарвиновского экономического отбора.

Индивид или гедонистическое существо?

Справедливо мнение, что если вместо людей анализируются их «эскизы или касательные», если эмпиризм и исторический анализ подменены формализмом, общественное исследование становится бесплодным.[275] Неоклассики, якобы в целях удобства, изображают людей раз и навсегда данными, неизвестно как сформировавшимися рациональными машинами, идентичными в целях и алгоритме экономического поведения. Их теоретический человек - гедонистическое, бесконечно хищное в отношении окружающих ресурсов существо. Будучи наделенным величайшей силой гедонистического оптимизаторства, рациональное существо неоклассиков полностью предсказуемо. При этом оно совершенно невосприимчиво к влияниям социальной среды, изолировано от всего эмоционального, обладает жестким набором предпочтений, которые реализует с настойчивостью механизма. Оно не подвержено

[267] Там же.
[268] Schumpeter, J. A. The Economics and Sociology of Capitalism. 1991, p. 198. “both workers and capitalists”
[269] Там же, p. 199.
[270] Schumpeter, J. A. The Economics and Sociology of Capitalism. 1991, p. 197. “Under a system of free trade there would be conflicts neither among different nations nor among the corresponding classes of different nations”
[271] Schumpeter, J. Theory of Economic Development. 1961, p. 7.
[272] Маркс, К. Капитал : Критика полит. экономии. Т. 1. 1988.
[273] Schumpeter, J. Theory of Economic Development. 1961, p. 252-254.
[274] Schumpeter, J. Theory of Economic Development. 1961, p. 255. “And it [credit policy] might be successful in the same sense as that in which a conscious policy of racial hygiene might lead to successes unobtainable as long as things are left to work out automatically”.
[275] Small, A. W. The Meaning of Social Science. Chicago: The University of Chicago Press. 1910, p. 102.

влиянию общества, экономических и исторических условий даже в период своего развития.

Не правда ли, это - идеальное существо для производства богатства, идеальный массовый человек? Именно такой идеал массового человека нам навязывают буржуазные либералы. Именно такой субъект, утверждают они, обладает рациональностью в научном смысле этого слова и, самое главное, более всего способствует преуспеванию прогрессивного общества. Под последним они имеют в виду, разумеется, класс капиталистов.

Так называемый «индивидуализм» неоклассических экономистов и «методологический индивидуализм» австрийской экономикс совершенно не предполагает исследования человеческих индивидуальности, его влияния на экономическое положение и поведение людей. Наоборот, буржуазный индивидуализм — это наглое и масштабное приписывание всем людям раз и навсегда установленных для них свойств. Буржуазный индивидуализм предполагает убеждение трудящихся в том, что они такие-то, а не другие. Объявление неизменных, очень низменных, одинаковых для всех людей принципов поведения экономической рациональностью человека смехотворно.

Социальный атомизм вместо декларируемого индивидуализма

В неоклассической и австрийской экономикс методом познания объявлен индивидуализм. Утверждается, что исследовать нужно только поведение индивидов, так как коллективных идей и поведения будто не существует, даже общества не существует. Есть только индивид, его и изучаем. Вместе с этим утверждается, что каждый субъект экономических отношений руководствуется лишь собственной выгодой, до крайности эгоистичен. Гедонизм, уверяют либералы, постоянен и всеобщ. Здесь возникает противоречие: либералы, формально объявив своим методом индивидуализм, но проморгав индивидуальность, постулируют норму коллективного поведения — коллективный, всеобщий гедонизм. Занятно, что в «строго научной» экономикс гедонизм, приписываемый всем и каждому, не имеет градаций и никак не соотносится с человеческой индивидуальностью.

Подлинный индивидуализм не может не считаться с многообразием мотивов, влияний, потребностей, знаний людей. Понятно, что либеральные буржуа вовсе не приступали к развития индивидуалистической теории экономики. Индивидуализм им нужен как ширма для объявления своей приверженности некоей свободе, которая при проверке выступает как свобода для богатых всячески эксплуатировать бедных.

Придуманный кабинетными либералами «всеобщий закон» гедонизма распространяется ими в качестве научной истины и за пределами экономикс. Этот «закон» активно используется в лоббировании преступных, неолиберальных реформ. Он позволяет легко и с научной помпой оправдывать экономическое и культурное неравенство, апеллировать к асоциальным, докультурным элементам психики, т. е. манипулировать людьми. Достаточно сказать «свобода предпринимательства», «обогащайтесь», и многие будут следовать без мыслей об обратной стороне медали. Таким образом, вместо изучения влияния личности на выбор профессии, трудовую деятельность, участие в прочих экономических отношениях, на потребительские предпочтения, идеологи буржуазии под видом индивидуализма преподносят совершенно безосновательный, но выгодный с точки зрения эксплутации «закон» всеобщего гедонизма.

Согласно заверениям Ф. Хаека, австрийская политэкономия методологически основана на индивидуализме.[276] По его словам, вся ортодоксальная политэкономия обязана всем своим знанием индивидуалистическому методу.[277] Как видим, Ф. Хаек и здесь вводит в заблуждение, выдает догматику стадного гедонизма за индивидуалистический метод. Социальный атомизм неоклассической политэкономии и его абсолютная, крайняя форма в австрийской политэкономии следует рассматривать как способ изолировать предпочтения покупателей от собственно экономических отношений, а человека представить механизмом,

[276] Hayek, F. A. Prices and Production. 1967, p. 4.
[277] Hayek, F. A. Prices and Production. 1967.

бессознательной функцией неких предопределенных, заранее данных способностей, потребностей и алгоритмов поведения. Этот теоретический трюк используется для того, чтобы снять с капиталистического способа производства всю социальную ответственность. Даже голод и бездомность будут представлены этими господами, позорящими науку и отбрасывающими на много веков назад человеческую мысль, как проявление гармонии, рационального выбора и, вместе с тем, свободной воли.

Австрийские политэкономы объявляют, что распределение ресурсов при капитализме полностью определяется потребительскими вкусами.[278] Заметим, что в реальности человек вступает в экономические отношения без четкого набора предпочтений. Не в стеклянной колбе они создаются и не проносятся через жизнь неизменными. Понятно, что вкусы потребителя не являются китом, на котором держится капитализм. Отчуждение труда, обусловленное, в свою очередь, монополизацией средств производства и финансов относительно компактной социальной группой, - вот подлинная основа капитализма. Для того, чтобы ее замаскировать, либералы выдумывают кита — вкусы потребителей. Они без стеснения говорят, что капитализм служит реализации вкусов и стремлений людей. Но розовые очки не позволяют многим из них видеть, что решающее влияние на рыночный спрос, на товарный ассортимент оказывают вовсе не предпочтения того или иного человека, а его экономическая сила, в том числе покупательная. Экономические возможности и, в меньшей степени, вкусы человека зависят от его места в классовой иерархии.

Либеральные экономисты называют всеобщее хищничество, всеобщую борьбу конкуренцией и проповедуют ее мессианскую роль. В действительности, крайний эгоизм несовместим с разделением труда: «ни одна компания на земле не могла бы просуществовать и минуты без общественного франшиза в той или иной форме»[279]. Без сотрудничества людей, без чувства общности, без самоотдачи, знание и культура вообще бы не сформировались. Говоря о судьбоносности эгоизма и приобретательства, либералы завираются.

Капитализм ежесекундно использует общественный характер человека, общественную культуру. Чем более развита общественность, тем большей эффективности могут достичь экономические отношения. Экономика асоциальных хищников внутренне не способна выйти из убогого состояния взаимной бойни, при котором возможны лишь низшие формы экономической активности — воровство, обман, грабеж, кустарное производство, огородничество и мелкая торговля. Именно такой строй экономических отношений - дикий капитализм, - теоретические и практические агентства западных капиталистов навязывают третьим странам.

Экономисты австрийской школы выступают за полную оторванность экономической теории от каких-либо «неатомарных» критериев благосостояния, а также за отсутствие общественного контроля над частным капиталом в случае монополии. Иллюстрацией этому является отрицание возможности оценить общий выигрыш производителей и потребителей и даже суммировать совокупность индивидуальных спросов в кривую рыночного спроса. Здесь очевидно противоречие между воззрениями неоклассиков, которые стремятся наукообразно обосновать, с графиками и вычислениями, преимущества свободной торговли над налогообложением или квотами, с крайним догматизмом Ф. Хаека утверждающего что любое, даже самое ничтожное вмешательство государства в то, что он понимает под свободой экономических агентов, может повлечь за собой катастрофические последствия для всей экономики, в том числе установление диктатуры. Здесь Ф. Хаек опять вступает в противоречие с собой: формально следуя методу индивидуализма, объявляющему общество несуществующим, а знание об обществе — недействительным, тем не менее, делает положительное и вместе с тем пророческое, безапелляционное суждение об обществе.

[278] Kirzner, I. The Meaning of Market Process: Essays in the development of modern Austrian economics. 1992, p. 10.
[279] Small, A. W. 1913. Between Eras: From Capitalism to Democracy. p. 113 of 431. “Not a business on earth could live a minute if it didn't have the benefit of a public franchise in someshape”.

Догмат о свободе выбора как антинаучное «доказательство» виновности бедного в бедности, а безработного — в безработице

Буржуазные экономисты в упор не замечают, что для человека крайне важна не просто свобода как некое абстрактное право, а свобода от нужды, свобода от материальной и духовной нищеты. Но приверженцы неолиберализма пропагандируют лишь абстрактную свободу, которая существует сама по себе и вместе с тем нигде. Степень экономической свободы индивида зависит не только от него самого, но и от его положения в обществе. Экономическая свобода заключается в возможности выбора экономической деятельности, в возможности использовать собственные способности для изменения окружающей среды без того, чтобы часть результатов деятельности присваивалась субъектами, не имеющими к ней отношения. В противоположность неоклассическим доктринерам, даже в среде буржуазных философов XX не допускалось понимание индивида как целого, оторванного от общества: «Индивидуальная душа — иллюзия, как думали уже Юм, Милль и Гербарт; она не дана непосредственно в опыте, она не есть вспомогательное понятие, положенное в основу опыта... Она поистине — лишь точка пересечения или точка соединения различных относительно связных психических процессов и лишь сознание образующейся при этом волевой результанты»[280].

Несмотря н формальное провозглашение верховенства свободы выбора, неоклассическая модель совсем не оставляет места для свободного экономического выбора. Отказывая человеку в возможности проявлять инициативу в способе выбора между экономическими альтернативами, она выражает идею абсолютного утилитарного детерминизма. Методам наблюдения и эксперимента, изучению действительных экономических фактов и выявлению действительно существующих факторов экономического выбора экономисты неоклассической школы предпочитают метод построения универсальной модели, технику «рационального» выбора которой крайне затруднительно реализовать даже в лабораторных условиях, что свидетельствует о построенности этой части неоклассической теории на схоластических началах.

Насколько верно отражен психологический процесс личности в теории экономического выбора на основе полезности? Действительно ли экономический субъект в своей деятельности, в том числе направленной исключительно на удовлетворение личного, эгоистического интереса руководствуется принципом равного отношения предельных полезностей выбираемых благ к их ценам? Но как происходит осознание полезности? Какие факторы влияют на осознание полезности потребления? Может ли быть так, что потребление чего-либо вредно, губительно, но в то же время приносит полезность. Наоборот, возможны случаи необходимости потребления того или иного блага, несмотря на то, что индивиду такой акт потребления кажется неприятным, приносящим отрицательную полезность. То есть акт потребления может приносить удовольствие, например, в течение одного дня, но может также приносить в целом неудовольствие, если иметь в виду более долгий период времени. Какую именно предельную полезность будут в таком случае рассматривать экономисты рыночно-либеральной теории, остается неясным. Тем менее ясно, что делать рациональному существу, столкнувшемуся с такой проблемой выбора и имеющему в своем арсенале лишь умозрительные модели выбора.

Научная теория выбора, в отличие от метафизических построений, должна изучать реально существующие явления, сопутствующие экономическому выбору личности. Более того, научная теория выбора не будет способствовать эффективной выработке знания, отсеву негодных гипотез, если отказываться развивать и беспристрастно оценивать различные, многообразные конкурентные гипотезы, затрагивающие проблему выбора. В числе конкурентных гипотез можно назвать гипотезу об влиянии на осознание личностью

[280] Э. Трельч. «Историзм и его проблемы: логическая проблема философии истории». 1994, с. 352.

полезности от акта потребления и, следовательно, на ее экономический выбор общественных стереотипов. Эта гипотеза является иррациональной не на том основании, что ее исследование затруднит постижение экономических закономерностей. Считать эту конкурентную гипотезу иррациональной и отвергнуть ее без рассмотрения лишь на основании постулата, предположения экономистов неоклассической школы, противоречит научному мышлению современности. Отстаивать обратное положение равносильно признанию необходимости принимать на веру все то, что утверждается научным авторитетом. Итак, научная теория экономического выбора людей не может быть оторванной от своего предмета, от происходящего и наблюдаемого в действительности экономического выбора.

Либеральные экономисты учат, что свобода труда является характеристикой экономики совершенной конкуренции. Встает вопрос, допустимо ли существование свободной торговли наркотиками, героином в развитых обществах. Известно, что Великобритания навязывала свободную торговлю опиумом в Китае, но не у себя, не на внутреннем рынке. Будет ли на рынке наркотиков иметь место рациональность неоклассического агента — покупателя? Выбор, который учитывает полезность лишь непосредственно акта потребления, но игнорирует несколько более отдаленные последствия потребления, рациональным не является.

В капиталистическом обществе удовлетворение потребностей зависит от обладания богатством. Все покупается и все продается, - таков девиз буржуа. Но обладание средствами или платежеспособностью зависит от того места, которое занимает человек в капиталистической экономике. Единственной столбовой дорогой, ведущей низшие классы к источникам дохода является наемный труд. Рабочий, чтобы получить доступ к средствам производства, общественной технологии, преимуществам разделений труда, должен согласиться на условия и распорядки, цель которых — максимизировать прибыль нанимателя.

Превознося либерализацию, буржуазные экономисты забывают о существовании чудовищного неравенства в доступе к рынкам рабочей силы. В зависимости от социальной, национальной, географической принадлежности, трудоустройство может быть легким или невозможным. Вместо того, чтобы положиться на «невидимую» руку рынка на рынке рабочей силы, западные правительства резко регламентируют трудовую иммиграцию. Такие столпы либерализма как МВФ и ВТО не спешат требовать свободы трудовой миграции. Замалчивают проблему и неоклассические экономисты. Видимо, не слишком искрення вера этих господ в либеральные чудеса. Принципы «открытой экономики» для них — не фетиш, а средство повышения благосостояния. Отсюда видно, что либерализация понимается ее защитниками односторонне, без глубоких мыслей о содержании. Либерализация — это переход собственности в руки буржуазии, наиболее предприимчивых. Все остальное наладится само собой, - уверяют экономисты - «рыночники».

Еще один недостаток неоклассической экономикс состоит в том, ее хваленая логичность весьма избирательна. Там, где это невыгодно, неоклассики удерживаются от логического развития своих догматов. К примеру, из неоклассического «закона» убывающей предельной полезности потребления следует, что при конечном ассортименте товаров в течение одного дня с ростом бюджета потребления будет падать предельная отдача от расходов на потребление. Иными словами, предельная полезность денег в краткосрочном периоде убывает. Проблема для неоклассиков заключается в том, что в этом случае рациональный буржуа, по сравнению с бедным рабочим, будет в меньшей степени склонен к самоотдаче, к эффективной деятельности с целью обогащения. Согласно рациональной теории, по мере накопления дохода, буржуа будет все больше внимания уделять отдыху. Поэтому эффективность его в качестве управляющего будет падать вместе с ростом богатства до тех пор, пока этот рост не прекратится. Данное заключение тем более справедливо, что многие

либералы сетовали на то, что если трудящиеся перестанут нуждаться, они перестанут трудиться. Если в неоклассике нет двойных стандартов, - например «аксиомы» о различной морали капиталистов и трудящихся, а о ее существовании пока что неизвестно, то неоклассикам придется признать, что чем гедонист богаче, тем больше он склонен к досугу, и тем меньше — к эффективному труду управленца.

Смехотворна либеральная максима, согласно которой потребности любого человека бесконечны. Если у человека есть пять буханок хлеба, зачем ему шестая? Будучи бесконечными, потребности человека не могли бы изменяться, появляться, увеличиваться или уменьшаться. Расти может только что-то конечное. Но либералам нет дела до таких «мелочей». Они «изучают» потребность вообще — лишенную конкретного содержания, такую, какая им удобна. Эта максима, подпирающая и неоклассику, и австрийскую систему спекуляций, выражает не объективную действительность, а интересы капиталистов.

Итак, человеческие потребности ограничены и зависят от окружающей среды. Важно уметь отделять экономические потребности от фантазии и нелепых прихотей. Действительный экономический выбор осуществляется в данный момент времени, а при конечности сознания потребности не могут быть бесконечными. Буржуазия вводит в науку догмат о вечно несчастном, нуждающемся, материально заинтересованном человеке. Это создает понятие идеального труженика, т. е. Такого, которого легче всего поощрять к тяжелому труду время от времени, которому можно показывать «морковку».

Но еще менее понятно, почему именно проблема выбора должна быть центральной для экономической теории? Почему нужно изучать единичные акты выбора человека, а не то, что формирует его общее отношение к другим экономическим агентам.

Свободой, которой неоклассические экономисты наделяют население, ему нужно пользоваться только в духе, определенном неоклассиками, т. е. осуществлять экономическую деятельность для обеспечения максимального роста собственности и уровня жизни капиталистов. Итак, наемные работники при капитализме свободны только на словах, формально, а на деле порабощены материальной нуждой.[281] Условия труда, вовлеченности в производительную деятельность в капиталистической системе эффективно диктуются социальным меньшинством, владеющим средстами труда.[282] Для получения экономической власти и привилегий необходимым и достаточным условием является завладение любыми производительными силами: землей, фабрикой, капиталом.[283] Приверженность буржуазно-либеральному догмату свободного экономического выбора приводит к тому, что упускаются факторы, влияющие на экономические решения, определяющие деятельность и уровень жизни миллионов трудящихся.

Механистическая, роботоподобная рациональность субъекта в неоклассической утопии

Неоклассические экономисты изучению реальных экономических отношений предпочитают поучать и наставлять о должных формах экономической организации, о том как должно быть в силу каких-то незыблемых микроэкономических основ. Элементом этих основ является неоклассический догмат о рациональном выборе индивида, который распространяется неоклассической политэкономией на все случаи выбора всех без исключения индивидов. Это позволяет говорить о наделении каждого человека свойством рациональности, о выдвижении неоклассическими экономистами тезиса, рабочей гипотезы о повсеместной однотипности природы экономического решения, о существовании однотипного индивида, обладающего рациональностью, в ее неоклассическом понимании.

Рациональность и полная информированность неоклассического индивида означают, что в его экономической деятельности не происходит и не может происходить ошибок. Неудачи исключены, а разорения могут быть только намеренными. По неоклассикам,

[281] Чернышевский, Н. Г. Соч. в двух томах. Т. 1. 1986, с. 582.
[282] Чернышевский, Н. Г. Соч. в двух томах. Т. 1. 1986, с. 584.
[283] Чернышевский, Н. Г. Соч. в двух томах. Т. 1. 1986, с. 589.

абсолютно все действия индивида не только полностью сознательны, но и в высшей степени правильны. Согласно австрийским буржуазным политэкономам, любая экономическая ситуация при капитализме — лучшая из возможных, результат благотворного индивидуализма. Представители обоих учений согласны в том, что деятельность аутоматонов неуклонно ведет к еще большей гармонии.

Либеральная ортодоксия закрывает глаза на изучение недостатков экономических отношений, т. е. на объект экономической науки. Если допустить существование той рациональности, о которой пишут неоклассики, становится невозможным объяснять разорение экономических субъектов, кризисы капитализма в целом, рост безработицы. Кризисы в рыночном капитализме исключены, а безработица всегда добровольна, с железной выдержкой говорят буржуа в креслах экономистов.

Но разве субъекты вступали в хозяйственные отношения для того, чтобы разориться? Каждый факт разорения хозяйственного агента есть эмпирическое опровержение неоклассических «аксиом» рациональности и полной информированности. Даже капиталисты нередко принимают ошибочные решения и разоряются. Миллионы людей, и среди них сотни тысяч способных людей, при капитализме остаются безработными, без образования и квалификации. Эта безработица — не их выбор, но проявление внутреннего свойства капиталистической системы, поощряющей рост конкуренции и разобщения среди трудящихся. Если феодальная эксплуатация неосуществима без суеверности, забитости, малокультурности населения, то капиталистическая требует безработицы, превознесения имущественных отношениях людей.

Осознанный выбор предполагает, прежде всего, надлежащую информированность субъекта о тех вариантах выбора, которые предоставляет внешняя среда. Сбор информации о вариантах экономического поведения всегда связан с затратой жизненной энергии, в большинстве случаев — также с затратой материальных ресурсов. Ясно, что чем более полной выглядит картина возможных вариантов экономического действия, тем более затратно ее создание. Но если первые части данных собрать относительно легко — они на поверхности, то в сложном конкурентном мире следующие частицы информации становится собирать все труднее. Следовательно, по мере приближения этого уяснения экономической действительности с точки зрения потенциального решения к полной информированности, будут возрастать издержки сбора информации, причем не линейно, а экспотенциально. Трудность будет состоять и в том, что процесс поиска информации никогда не может быть сведен в одну точку во временном интервале, и в то время, пока анализируется один сегмент экономической действительности, другой, проанализированный сегмент может измениться. Поэтому в гипотетическом и практически абсолютно бесполезном случае, когда субъект будет полностью информирован относительно всех возможных вариантов своего рыночного действия и их ближайших последствиях, издержки поиска этой информации будут равны не нулю, как утверждают неоклассические экономисты, но стремиться к бесконечности.

Единичный выбор с достаточной степенью информированности, конечно возможен и при капитализме, по крайней мере, на относительно стабильном рынке и в случае профессионального торговца. Но если вся деятельность всех субъектов состоит из непрерывных актов оценивания, когда речь идет о крайне многочисленных актах рационального выбора, их издержки нельзя не принимать во внимание. Ясно, что многие субъекты будут предпочитать не вкладывать дефицитное время, интеллектуальные и физические ресурсы в абсолютное большинство своих актов выбора, которые даже и приблизительно не будут напоминать их неоклассическую интерпретацию, а будут состоять в выборе из двух-трех наиболее доступных альтернатив, а иногда и в согласии на первую из сколько-нибудь приемлимых альтернатив.

Таким образом, принцип рационального выбора, общепринятый в неоклассической экономикс, согласно которому каждый индивид оптимизирует свою экономическую

деятельность по единому, предустановленному неоклассиками критерию, не является общедоступным, бесплатным благом, безусловно имеет альтернативные издержки. Ошибочно считать рациональный выбор субъекта универсальной характеристикой его экономического поведения.

Осознанный выбор предполагает четкое понимание субъектом своих потребностей и определение соответствия между вариантами выбора и удовлетворением тех или иных желаний. Осознанный выбор требует наличия технологии выбора. А. Тверски в исследовании "Judgement under Uncertainty" удалось экспериментально доказать, что решение субъекта определяется конструированием проблемы выбора, его представлениями о возможностях выбора[284]. Понимание рациональности экономистами неоклассической школы основано на решении уже готовой проблемы выбора, и следовательно, является рациональным лишь с точки зрения максимизации отдачи от единичного акта выбора, но не затрагивает других экономических аспектов: возникновение и формулирование проблемы выбора, влияние акта выбора на поведение других экономических субъектов и возможности выбора в будущем. Неодинаковое понимание ситуации экономическими агентами ведет к различному реагированию, к неодинаковым решениям. Повышение рациональности экономических агентов, возможно, выглядит достойной целью для неолиберальных теоретиков. Но рациональность экономических агентов сложнее и эффективнее той рациональности, которую представители неоклассической экономической мысли установили посредством логически связанной системы произвольных аксиом и считают эталоном экономической действительности. Видение человека как полностью осведомленного и невероятно рационального существа имеет больше оснований считаться кабинетной фантазией, чем научной концепцией.

Р. Будон полагает, что ошибка теории рационального выбора состоит в том, что она не принимает в расчет, что индивиды выбирают в зависимости от нестандартного понимания экономической ситуации, а неоклассика ничего не говорит о том, как вырабатывается понимание агентом экономической ситуации, в том числе собственных интересов.[285] Он идентифицирует теорию рационального выбора с когнитивной теорией поведения, и утверждает что она редуцирует человеческую рациональность, полностью игнорирует аксиологическую рациональность, на которую во многом влияет социальное окружение индивида.[286]

Р. А. МкКейн полагает, что понимание мотивации неоклассическими экономистами неверно на том основании, что предполагает отсутствие влияния постоянных предпочтений на экономические решения, более того, полностью исключает эту область из рассмотрения, тогда как в действительности экономические решения принимаются не на основе сиюминутной оценки и рационализации, а следуют определенной экономической позиции индивида[287].

Основу любого действия человека неоклассики видят в том, что это действие приносит человеку полезность. Они не проясняют, от каких обстоятельств зависит полезность, выносят эту концепцию за рамки экономического анализа. Полезность — экзогенна. Иными словами, для неоклассиков полезность — это метафизический кит экономического поведения человека. В теологии любое событие объясняется божьим промыслом. Бог — это кит мира. Аналогичное объяснение, правда, ограниченное явлениями рыночного порядка, представляют верующие в аксиомы невмешательства. Такие объясняния не имеют практической ценности, бесполезны в борьбе за улучшение хозяйственных отношений,

[284] Доу, Ш. Психология финансовых рынков: Кейнс, Мински и поведенческие финансы. Вопросы экономики. 2010, с. 101.

[285] Boudon, R. Beyond Rational Choice Theory. Annual Review of Sociology, 2003, p. 8.

[286] Boudon, R. Beyond Rational Choice Theory. Annual Review of Sociology, 2003, p. 10.

[287] McCain, R. A. Commitment and weakness of will in game theory and neoclassical economics. The Journal of Socio-Economics, 2009, 38 (4), p. 549-556.

технологий, условий жизни трудящихся, за устранение недостатков и болезней. Там, где ученый ставит вопрос и проводит исследование, буржуазный либерал и теолог надменно вещают истину и желают поставить точку.

Добавим, что если индивиды действительно всезнающи и рациональны до крайности, непонятно, зачем нужна экономическая наука. Да полно, зачем нужна вообще наука, школы, университеты? Ведь учить всезнающего гедониста совершенно нечему. Рынок - это мудрость, - вещает либерал. Ученые от буржуазии только и делают, что капитулируют, на словах, перед рыночной стихией. Фетишизацией путеводной звезды — рыночной экономики, всезнающего индивида, своим завзятым агностицизмом, либералы рубят сук, на котором сидят: существование экономики как науки становится бессмысленным, «экономикс» наконец проявляет себя как бессильная и жалкая теория. Но это — в научной плоскости. Не будем забывать, что социальное значение экономикс иное. Не одно десятилетие она служит могучим средством затемнения экономических отношений, служит оправданию эксплуатации человека человеком.

Неоклассическая «рациональность» является не творческой, а реактивной, предполагает не изменение действительности, а приспособление к ней. Неоклассические экономисты не оставляют за своим аутоматоном ни волевых, ни умственных возможностей, используемых людьми для изменения личных перспектив, для активного конструирования экономических отношений, изменения доступных вариантов выбора и целенаправленного расширения горизонта экономических возможностей. Человек как сознательный субъект экономической деятельности исчезает за неоклассическими абстракциями. Остается только выхолощенное понятие индивидуума, в котором не содержится ничего индивидуального и человеческого. Это понятие — лишь необходимый элемент капиталистической метафизики.

Экономическая эффективность в понимании неоклассических экономистов

Ж. Сэй разделяет производительные силы общества на три фактора, или производительных сервиса.[288] По Сэю, каждый из этих факторов предоставляет его владельцу отдельный вид дохода. Вместе с тем, доходы всех трех производственных факторов в своих экономических свойствах аналогичны, что можно выразить максимой «процент на капитал есть верная копия заработной платы на труд»[289]. Ясно, что Ж. Сэй изначально приписывает рабочей силе человека ту же производственную роль, что и капиталу, т. е. априорно считает производительные сервисы труда и капитала самостоятельными.[290] Именно это метафизическое допущение лежит в основе ортодоксального понимания процента как заработной платы капитала.

Нетрудно догадаться, что неоклассические экономисты, до всякого научного исследования предмета постулирующие гармоничность распределения общественного продукта, заимствовали у Ж. Сэя эту догадку о тождественности экономической природы факторов производства. В неоклассической экономикс данное положение воспринимается не как догадка и предмет исследования, а как всеобъемлющая истина в последней инстанции и предмет верования. Отметим, что австрийский экономист Ю. Бем-Баверк тоже вполне согласен с Ж. Сэем и объединяет вклад в производство капитала и труда в категорию «материальные услуги товаров», т. е. наряду с неоклассиками нивелирует качественные различия между производительными факторами.[291]

Насколько содержательным является разделение производительных сил на самостоятельные, обладающие автономной производительной силой факторы? Какие основания были у Сэя и корифеев неоклассической доктрины считать экономическую

[288] Bohm-Bawerk, E. Capital and Interest. 1890, p. 122.
[289] Там же, p. 122. “...interest on capital is a faithful copy of wages for labor.”
[290] Там же, p. 232.
[291] Там же, p. 223. “Die Nutzleistung.”

сущность труда, земли и капитала одинаковой? Видимо, разделение производительных сил на самостоятельные факторы производства Ж. Сэй осуществил только для того, чтобы легче было постулировать принципиальное экономическое сходство этих факторов, а заодно и отсутствие противоречий между собственниками «труда» и нанимателями.

Неоклассическая экономикс есть теория предустановленной гармонии и отлично подходит для оправдания, конечно, псевдонаучного, наукообразного оправдания низкого уровня заработной платы. Годная к представлению какой угодно экономической несправедливости в свете рыночной необходимости, неоклассическая политэкономия имеет в запасе довод о том, что заработная плата всегда определяется предельным продуктом труда, и если низка заработная плата, то в том вина самих трудящихся, труд которых так малопроизводителен. Ниже мы покажем всю убогость и ничтожество этого неоклассического рассуждения. Подведем итог: Ж. Сэй и примкнувшие к его метафизическому положению неоклассики разделяют производительные силы на три фактора производства только для того, чтобы легче было их объединить, но уже в тисках гармонической доктрины.

Согласно неоклассикам, вознаграждение каждого фактора производства в рыночной экономике должно непременно основываться на его предельной производительности. Какое этому есть обоснование? Само по себе обстоятельство, что уже используемый фактор производства может быть устранен из производственного процесса только потому, что запрашиваемая за него цена не соответствует нынешнему предельному продукту этого фактора кажется абсурдной. Во-первых, каким образом экономические агенты узнают конечный продукт последнего из единиц факторов производства? Ведь экономические отношения — это не школьная задача, в которой предельная производительность абстрактного и универсального фактора производства дана по умолчанию или легко вычисляется. В действительности, вычисление предельного продукта некоего универсального фактора требует астрономических вычислений. Нельзя игнорировать тот факт, что в сложившемся производстве большинство факторов уже приобретено и оплачено, а продажная цена капитального ресурса, как известно, значительно отличается от покупной. В-третьих, неоклассики совершенно игнорируют трение, с которым бы столкнулся их рациональный оптимизатор в реальной экономике. Едва ли кто-либо из работающих на предприятии по договору согласиться, например, на двухкратное снижение своей заработной платы только по той причине, что дополнительный продукт, который дает последняя единица социального труда, например по причине небольшого роста этого последнего и небольшой возможности производственных мощностей принять дополнительную рабочую силу, сократилась вдвое. Ввиду сложности вычисления предельной производительности универсального фактора производства , оптимизация производственной структуры по неоклассической системе на небольшом предприятии представляется делом крайне трудным. Вдобавок, такая оптимизация оплаты сервисов факторов производства, производимая постоянно ввиду изменения предельных продуктов, будет связана с необходимостью преодоления трения, противодействия участников экономических отношений, с издержками по преодолению такого противодействия.

Когда говорят о постоянной коррекции доходов на факторы производства в соответствии с их предельной производительностью, в это могут верить лишь метафизики, не связанные необходимостью даже однократной проверки своих догадок. Таким образом, нет никаких оснований утверждать, что вознаграждение, выплачиваемое за какой-либо фактор производства соответствует продукту последней единицы этого фактора во всей экономике.

Какими свойствами обладает ситуация наивысшей экономической эффективности в понимании неоклассических экономистов? Эта ситуация не равнозначна всеобщему экономическому равновесию, ибо собственно экономическое равновесие как ситуация экономической стабильности предполагает равенство потребностей и доступных ресурсов,

удовлетворенность человеческих потребностей. Такое равновесие неоклассические экономисты решительно отвергают, но, по своему обыкновению, делают это не после обстоятельного изучения экономических отношений, а до всякого научного исследования предмета. В этом им приходит на помощь «аксиома» о бесконечных потребностях всякого человека. В данной работе опровержение этого ненаучного и попросту абсурдного догмата о бесконечных потребностях человека приводится отдельно. Здесь важно подчеркнуть, что даже по мнению самих неоклассических экономистов, неоклассический оптимум — это состояние глубокой внутренней неудовлетворенности всех участников экономической деятельности. Неолиберальная экономическая политика, в известной мере способствующая перенесению асоциального, хищнического менталитета из неоклассической метафизики в действительность ведет, таким образом, к росту экономической дисгармонии и нестабильности, к усилению ожесточенной и затратной борьбой всех со всеми с целью удовлетворения завышенных потребностей.

В неоклассической экономикс не используется никаких критериев для определения экономической эффективности помимо соответствия анализируемой ситуации непроверяемым на практике, метафизическим конструкциям неоклассической теории. Такая эффективность не предусматривает использования возможностей для изменения действительности, но всегда требует безусловного приспособления к действительности, к действию в существующих технологических и организационных условиях. Эта эффективность действия полностью сводится к выбору между теми альтернативами, которые предоставляет первичное наблюдение действительности, и никогда речь не идет о выработке новых альтернатив на основе способности человека к творчеству. Игнорирование возможности преобразования окружающей среды человеком недопустимо для общей экономической теории, ибо это игнорирование сковывает практические действия.

Нельзя не заметить и наличие других проблемных мест в неоклассическом понимании эффективности. Так, рыночная система не является бесплатным инструментом экономической координации, не является естественным и общедоступным благом. Для того, чтобы выполнить неоклассическую предпосылку о полной информированности покупателей, рыночная система должна проделывать в современной экономике такую работу, что издержки ее функционирования будут приближаться к бесконечности. Неоклассические постулаты о полной информированности рыночных контрагентов, т. е. о полной прозрачности рыночной системы остро противоречит постулату о ее бесплатности и общедоступности. Существование рынка невозможно «бесплатно», без огромного количества агентов, посредников, советников. Известно, что возникновению частнокапиталистического предприятия способствуют, в том числе, изрежки и неэффективность механизма рыночного распределения.[292] Действительно, тот факт, что институт рыночной координации является бесплатным и общедоступным в теории неоклассиков, не доказывает его бесплатности для реальных экономических агентов, равно как и отсутствия альтернативных моделей распределения ресурсов. Рыночный механизм сопряжен с издержками поддержания рыночной инфраструктуры, так и с издержками упущенных возможностей.

Но экономическое неравенство ведет к неравенству в возможностях развития человеческих способностей. В условиях разительного социального неравенства домохозяйств совершенная конкуренция неспособна к эффективному урегулированию проблемы развития рабочей силы. Согласно П. Гольбаху, тяжелый труд непривилегированного населения в значительной части направляется на удовлетворение потребностей в роскоши и прихотей эгоистических представителей имущих классов.[293]

В этих условиях не может быть и речи о развитии индивидуальности и личности в среде

[292] Кузьминов, Я., Юдкевич, М. За пределами рынка: институты управления трансакциями в сложном мире. Вопросы экономики. 2010, с. 85.
[293] Гольбах, П. Система природы. 2005.

непривилегированных классов. Напротив, это царство необходимости, в котором человек ниспровергается к уровню недалекого, постоянно обеспокоенного существа с раз и навсегда заданной экономической функцией, не в состоянии значительно улучшить свое материальное и культурное положение. Неоклассическое понимание рынка труда исключает индивидуальность трудящегося уже тем, что предполагает рассмотрение трудящегося не как индивида, а как бездушных единиц труда, задействование которых есть право, а не обязанность владельцев средств производства. Таким образом, когда неоклассические экономисты убеждают, что заработная плата может быть как угодно низкой, даже ниже уровня удовлетворения минимальных потребностей трудящегося, но при этом один капиталист может получать львиную долю производимого продукта, и это оправдывают это с точки зрения этики и экономической эффективности, они не способствуют развитию индивидуальности, но решительно отвергают индивидуальность и потребности трудящегося, поскольку вышеобозначенное состояние не оставляет места для развития индивидуальности трудящегося.

Капитализм невозможен без издержек и потерь от распространенной конкурентной борьбы. Уже только для выживания в конкурентных условиях, фирмам необходимо бороться за рынки сбыта, за кошелек, причем соображения действительной общественной пользы производимым капиталистической фирмой товаров и услуг отступают на задний план. Главное — убедить покупателя в том, что товар ему необходим. Вместо общественно полезной деятельности — игра на предрассудках. Неоклассическая кривая рыночного спроса не может выражать общественной полезности товара потому, что учитывает лишь платежеспособные нужды и потому, что во многом находится под влиянием самих производителей. Разумеется, на «стимулированное» потребление трудящийся может расходовать лишь те средства, которые он с трудом добывает в системе капиталистического производства. Бремя навываемого потребления есть дополнительное бремя к экспроприации. Если оно растет большими темпами, чем реальная зарплата, то качество жизни трудящихся, несмотря на технический прогресс, может стоять на месте. Еще одна статья издержек современного капитализма состоит в том, что его «потребительская надстройка», усиливающая потребление трудящихся и их взаимную борьбу, требует затрат на свое содержание.

Потребительская агрессивность, конкуренция потребителей за эффектное потребление также играет на руку капиталистам, т. к. способствует росту сбыта их товаров, расширению рынков вглубь человеческой культуры. Напротив, экономическая эффективность зависит не столько от формы собственности, сколько от компетентности, квалификации трудящихся и управленцев[294].

Проповедью конкурентной борьбы и острых стремлений к потреблению, дабы собственники средств производства получали все больше рабочих рук и культурно-экономической политикой капиталисты искуственно расширяют предложение труда. Экономически это ведет к снижению расценок на труд, росту количества производимого продукта и прибылей капиталистов. Это приводит к включению все большего контингента в капиталистическую систему, т. е. организм, служащий удовлетворению потребностей капиталистов, к подчинению дополнительных порций человеческого интеллекта выработке все новых богатств. Капиталист имеет различные средства для стимулирования потребления и труда в его интересах, может нанимать деятелей искусства, газетчиков, социальных работников, вносить ресурсы дабы принудить эксплуатируемого им оставаться на дне. Школа либеральных экономистов оставляет без внимания тот факт, что мотивированный капиталистом трудящийся-ударник, возможно, и добьется для себя большего уровня жизни, ценой сокращения продолжительности жизни, но единственным гарантированным бенефициаром от повышения трудовой, конкурентной мотивации трудящегося является

[294] Голанд, Ю. Сравнение реформ периода НЭПа и постсоветской России. 2010, с. 95.

капиталист: чем больше энергии трудящегося направляется в капиталистическую систему, тем больше прибавочной стоимости оседает в кармане владельца средств производства.

Итак, проблема оптимального распределения ограниченных ресурсов неоклассическими экономистами решается без сопоставления теории и практики, раз и навсегда, посредством отождествления наивысшей эффективности распределения ресурсов в человеческом обществе с непроверенной моделью распределения. Разумеется, фантазировать проще, чем исследовать экономическую действительность. Куда легче иметь дело с застывшими и общепринятыми принципами и применять для их развертывания графический и математический аппарат, чем сталкиваться с многообразием внешних явлений.

Синтез новейшей политэкономии: воспроизведение предпосылок неоклассической и классической буржуазной политэкономии

В наше время экономическое учение Дж. М. Кейнса считается одним из главных вызовов неоклассической экономикс. Для того, чтобы разобраться в состоятельности такого взгляда, необходимо установить, насколько примиримы противоречия между учениями Кейнса и неоклассиков. Выяснение этого вопроса важно для установления практического и научного влияния неоклассической экономикс. Ведь если даже те, кого научное сообщество считает влиятельными критиками неоклассической доктрины, копируют в своей критике ее коренные ошибки, воздействие неоклассической доктрины на научную мысль должно быть очень велико.

Хваленый принцип “laissez faire” потерпел фиаско с началом экономических трудностей в США в 1930-х гг. Для либеральной экономикс наступили тяжелые времена. В сообществе экономистов обнаружились разногласия. Теория Дж. Кейнса, в отличие от неоклассики, сумела-таки объяснить экономический кризис. Неоклассика назидает, что внутренне капитализм стабилен. Кейнс объяснил депрессию превышением сбережений над инвестициями. Иными словами, богатые, не видя хороших возможностей для инвестирования, стали придерживать накопленные активы, выводя их из производственного сектора. Некоторая опасность для либерального канона состоит в том, что Кейнс указал на неэффективность капиталистического распределения. Неудивительно, что завзятые либералы подвергли теорию Дж. Кейнса шумной критике.

Но либеральное понимание кейнсианства пренебрегает исследованием его догматического содержания, в том числе неоклассических заимствований, и потому является неполным и крайне односторонним. Дж. Кейнсу не удалось выйти за рамки сугубо рыночного объяснения экономики. Депрессия 1930-х гг. в США была объяснена им в терминах спроса и предложения. По ту сторону науки остались вопросы о том, как формируется индивидуальный спрос; какие внутренние, системные элементы капиталистического хозяйства его определяют; важнейший вопрос о взаимодействии роста занятости населения с ростом спроса на потребительские товары. В учении Кейнса капитализм предстает в бессодержательной плоскости рыночных явлений; ситуативный анализ универсального капитализма сводится к анализу рынков и спекулятивной психологии.

Новаторская аргументация Дж. Кейнса в немалой степени способствовала подтверждению прав гражданства и выживанию в экономической теории важнейших составляющих метода и умозрительной основы неоклассической политэкономии. Поэтому, вопреки расхожему мнению, кейнсианство не только не способствовало кризису, но модернизировало и заметно усилило экономическое умозрение, дотоле находившееся в глубоком кризисе. Проведенный Дж. Хиксом синтез неоклассики и кейнсианства убедительно показывает их принципиальное сходство. Противоположные в своих выводах, неоклассическое и кейнсианское учения характеризуются неспособностью перенести экономический анализ за пределы рыночной проблематики, антиисторичностью, крайней отвлеченностью и умозрительностью экономического анализа, а также подменой

исследования экономических отношений весьма бездоказательным моделированием сферы обмена. Следовательно, опровержение основ и метода неоклассической доктрины равнозначно опровержению системы кейнсианства.

Наступление политической реакции в 1980-е гг. ознаменовало рост популярности идеологии монетаризма. Его суть сводится к тому, что госучреждения должны устраниться от регулирования экономики, оставить население, производство, культуру на произвол капиталистической стихии. Единственным пунктом, который М. Фридман доверил госучреждениям — это ежегодно обеспечивать 3-х процентный рост денежной массы. Со всей старательностью государство должно выполнять эту функцию, - уверяют монетаристы, - ибо более многостороннее вмешательство усилит финансовую напряженность, будет нервировать и отпугивать предпринимателей.

Монетаристское учение не принимает в расчет того, что создание наиболее благоприятного инвестиционного климата отнюдь не является единственной задачей общественной власти. Популярное среди экономических ортодоксов вменение государству роли привратника предпринимателей не соответствует действительной природе общественной власти. Но именно этого требует от общества священная аксиома монетаризма, перешедшая в теории М. Фридмана и неоклассиков из вульгарной политэкономи XIX века. Вдобавок, экономический рост является стабильным только в умозрительных и плоских спекуляциях; в действительности, экономический рост есть развитие экономических отношений, отличающихся в капиталистическом обществе противоречивостью с сложностью. Поэтому монетаристский постулат о необходимости увеличивать денежную массу из года в год на предварительно заданную величину нужно рассматривать не как научное орудие для обеспечения обществу устойчивого роста благосостояния, а как одностороннее выражение комплекса экономических догм, не имеющих отношения к экономической действительности. Монетаризм выводит своеобразные следствия из микроэкономической догматики, но ввиду широкого использования непроверенных положений, универсального и антиисторического анализа, его принадлежность к ортодоксальной экономической парадигме нельзя поставить под сомнение.

Монетаристские и неоклассические идеи продолжают оказывать большое влияние на экономическую политику в России. По мнению Г. Колодко, неолиберализм основан на принципах монетаризма; для распространения этого первого используются популистские лозунги, в частности, прогрессивности рыночных отношений, свободы труда, бесконечной свободы рыночной инициативы.[295] Рассмотрим монетаристское понимание производительной деятельности человека. В этой области монетаризм не имеет своих собственных позиций, но полностью разделяет неоклассическую идею априорной гармонии между свободным наемным рабочим и свободным капиталистом.

Фридман учит: «три главные категории капитала: материал, нечеловеческий капитал, такой как здания, машины, инструменты, земля и прочие природные ресурсы; люди, включая их знания и навыки; объем денежных средств»[296]. Причисляя человека к капиталу, М. Фридман явно путается. Либо он выступает за свободу работорговли, либо должен признать, что известным свойством капитализированности обладает рабочая сила, а не личность. Но куда ему до таких мелочей. Для монетариста человек — это объект, жизнь которого посвящена служению капсистеме, созданию прибылей. Почему-то здания и машины относятся у Фридмана к первой главной категории капитала, а «люди» — ко второй главной категории. Неужели Фридман не понимает, что здания и машины создаются не волей капиталистов, а усилиями трудящимися? Монетаристское учение видит в человеке только

[295] Колодко, Г. Неолиберализм и мировой экономический кризис. Вопросы Экономики. 2010, с. 60-62.
[296] Friedman, M. Price Theory. 1976, p. 284. “There are three main categories of capital: (1) material, nonhuman capital, such as buildings, machines, inventories, land and other natural resources; (2) human beings, including their knowledge and skills; and (3) the stock of money”.

придаток экономической системы, объект для эксплутации, подобный зданию или лопате. Помимо донаучных методов вульгарной политэкономии гармонии, монетаризм опирается на мальтузианство.

В книге «Теория цен» М. Фридмен объявляет, что главный источник нищеты — высокая рождаемость.[297] Как и поп Т. Мальтус, он ищет корни бедности не в экономических отношениях, а в деторождении: «исторически, главным источником относительной материальной нужды, были, по-видимому [sic], большие семьи»[298]. «В нашем веке одна вещь сделала больше всего [sic] в западном мире [?] для уменьшения относительной нужды и нищеты — широкое распространение знаний и способов контрацепции и вызванное этим резкое снижение числа многодетных семей»[299]. Разглагольствуя о контрацепции в «Теории цен», М. Фридман старается увернуться от реальности. Обусловленные недостатками капиталистического производства и распределения, экономические причины бедности для него не существуют. Для монетаризма и неоклассика капитализм — это нечто непорочное. Бедные сами виноваты в своей нужде — они много рожали.

Люди, по М. Фридману, в рыночной системе люди рациональны, а за ее пределами — неразумны. С одной стороны, рационально стремятся к богатству, принимают глубоко продуманные решения, с другой — слишком много рожают и, увы, многие остаются в нищете, бесправии, суевериях.

К слову, почему в бедных семьях и в развивающихся экономиках рождаемость сравнительно выше, таких «ученых» мало интересует. Но высокая рождаемость далеко не так иррациональна, как это кажется чикагскому экономисту. Высокая рождаемость — явление одного порядка с общественным укладом, уровнем технологии, детской смертности, экономических потребностей семьи. Этого «чистая» и невежественная экономикс в упор не замечает.

М. Фридман убежден, что экономическая наука малопригодна для улучшения жизни простых людей. Любое экономическое вмешательство, кроме, разумеется, передачи всех средств производства, земель, ресурсов в частные владения, он считает невероятным злом. Почему? Видите ли, это противоречит донаучным принципам либерализма. Цену этим принципам мы видели в разделе «Экономическая наука и аксиомы».

Итак, по М. Фридману, учреждениям демократии надлежит сконцентрироваться на топорной монетарной политике и борьбе с высокой рождаемостью среди бедных. Усилия по снижению неравенства экономических и образовательных возможностей; борьба с безработицей, избытком и дефицитом отдельных товаров, - все это монетаристы считают лишним. Это, видите ли, сковывает рационального предпринимателя, который только и делает, что спасает трудящихся от нищеты.[300] О рациональности в теории и в буржуазной действительности речь пойдет ниже.

По Фридмену, малоимущему населению нужно разъяснить, что корень бедности — многодетность. Бороться нужно не с богатством буржуазии, а с рождаемостью среди бедных. Каковы будут экономические результаты такой социальной политики? При отсутствии слишком явного перенаселения, снижение численности трудящихся может отрицательно сказаться на объемах производимых средств производства, создать понижающее давление на национальный продукт. Кроме того, при прежней рождаемости в привилегированных классах, в экономике снизится и относительная доля наемных рабочих. Высокие требования соцэлит к своему уровню жизни, правомерность которых столь четко доказывается

[297] Friedman, M. Price Theory. 1976.
[298] Friedman, M. Price Theory. 1976, p. 284. “Indeed, historically perhaps the major source of relative economic deprivation has been large families”.
[299] Friedman, M. Price Theory. 1976, p. 284-285. “one thing that has done more than anything else in the Western world in this century to reduce relative deprivation and misery has been the widening spread of knowledge about the techniques for birth control and the resulting sharp reduction in the number of families with many children”.
[300] Friedman, M. Price Theory. 1976.

либералами, усилит экономическую нагрузку на каждого трудящегося. Снижение рождаемости неизбежно ведет к старению населения, что также увеличивает социальную нагрузку. Не факт, что в классовой экономике, главной характеристикой которой является всепронизывающее хищничество, этим путем можно повысить производительность труда. Не исключено, что высвободившиеся средства пойдут на увеселение соцэлит. В этом сценарии страна лишается не только части граждан, но и проедает часть производственного капитала.

Как видно, вместо борьбы с бедностью М. Фридман занимается борьбой с бедными. Человеконенавистническая доктрина перенаселения Т. Мальтуса остается на «научном» пьедестале неолибералов и красноречиво свидетельствует о научной нищете буржуазного либерализма.

Недалеко ушла от неоклассики куда более современная теория общественного выбора Дж. Бьюкенена. Он считал, что экономическая наука должна сводиться к решению проблем распределения. Постулируя, что все экономические проблемы есть проблемы распределения редких ресурсов между различными альтернативами, Дж. Бьюкенен не догадался, что экономисты могут изучать и то, как возникают альтернативы, их доступность. Метод Бьюкенена изгоняет из экономической науки все, что не сообразуется с писательской фантазией, с надуманными проблемами распределения, аналогичными тем, что «встают перед индивидуумом на необитаемом острове [sic], всем известным Крузо [sic!]»[301]. Дж. Бьюкенен не понимает, что такая установка в экономической науке не только безосновательна, но и лишает ее всех возможностей изучать отношения людей, изучать сложную действительность экономических отношений.

Вершиной абсурда является декламация Дж. Бьюкенена о достоинствах метафизической экономикс:

«Внутри того, что Хаек назвал «чистой логикой выбора», формальная теория максимизации полезности, мощный математический инструментарий предложил эстетическое удовлетворение утонченным... все более элегантное [sic] и формалистическое содержание теории общего равновесия... дает удовольствие для талантливых, критерии для критически настроенных, и убеждения для некоторых из тех, которые оставались неубежденными».[302]

Видимо, реальные экономические отношения кажутся ему такими неэстетичными и несимметричными по сравнению с некоей чистой метафизикой, что в трудах, претендующих на авторитет в экономической науке, о них распространяться излишне.

Еще один выдающийся ляп Дж. Бьюкенена состоит в его заявлении, что общественных интересов и благосостояния будто вовсе не существует: таковых нет «в обществе свободно выбирающих индивидов, и нет никакай причины выдумывать [sic!] такую концепцию для аналитического удобства»[303]. Но ведь само «общество свободно выбирающих индивидов» никогда не существовало. Его выдумали предшественники Дж. Бьюкенена, а он с пеной у рта решил защищать их выдумки. Лишь потому, что неоклассические «аксиомы» противоречат понятию общественного благосостояния, Бьюкенен считает себя вправе объявить последнее пустышкой. Общественные интересы человека, таким образом, отрицаются с научным апломбом.

Теория общественного выбора служит печальной иллюстрацией обскурантизма буржуазных экономистов, догматизирующих эту общественную науку, изгоняющих из нее критический дух. Такие деятели видят и в человеке, и в орудии труда, и в науке средства,

[301] Buchanan, J. M. Economics: Between Predictive Science and Moral Philosophy, 1987, p. 141. “So defined, the problem faced by the individual on the desert island, the Crusoe familiar to us all...”

[302] Buchanan, J. M. Economics: Between Predictive Science and Moral Philosophy, 1987, p. 142. “Within what Hayek called the “Pure Logic of Choice”, the formal theory of utility maximization, mathematical rigor has offered aesthetic satisfaction to the sophisticated... the increasingly elegant [sic] and formalistic content of general equilibrium theory... yields pleasure to the talented, criteria to the critical, and convictions to some who have remained unconvinced...”

[303] Buchanan, J. M. Economics: Between Predictive Science and Moral Philosophy, 1987, p. 226, “in a society of freely choosing individuals, and there seems no reason to invent such a conception for analytical convenience”.

принадлежащие по праву соцэлитам, средства обслуживания соцэлит. Наукообразной метафизикой они вводят население, главным образом молодежь, в убийственные заблуждения касательно сущности человека, общества, капитализма. Они дают ответы до всякого критического изучения вопроса. Их ответы — это донаучные принципы, выраженные в наукообразной форме эксплуататорские предрассудки. Узурпация общественных наук учеными по должности, сочинение ими все более иррациональных баек, укрепляют капиталистическое общество.

Российская школа эпигонов либерализма

Преобразование народных хозяйств в государствах, сравнительно слабо развитых в капиталистическом отношении, осуществляется буржуазно-либеральными экономистами весьма однообразно, по универсальному шаблону. Их решения исходят не из того что есть и не из действительных интересов и потребностей хозяйственных агентов, но из того что должно быть, из предустановленного в экономических спекуляциях. Суть данной экономической политики состоит в либерализации экономики в интересах крупной и мелкой буржуазии, в снижении роли демократических институтов, в решительных преобразованиях с целью приближения сложных и многообразных экономических отношений к псевдорациональной утопии неоклассиков. В. И. Ленин отмечал, что «утопия есть слово греческое: «у» по-гречески значит «не», «топос» - место. Утопия — место, которого нет, фантазия, вымысел, сказка»[304]. Поскольку в обоснование всеобщей либерализации неоклассическая экономикс приводит вымышленный, фантастический идеал гармонии, выводы нынешей буржуазной политэкономии и основанная на них политика экономических преобразований в части обещаний всебщего благоденствия демонстрируют ярко выраженный утопический характер. Рассмотрим влияние буржуазно-либеральной идеологии на экономику России, а также на представления об экономике в научном сообществе.

Перестройка в СССР и приватизационные мероприятия в России традиционно оправдываются назревшей необходимостью реализации якобы единственно правильных, научных и экономически эффективных либеральных принципов хозяйствования. На либерализацию советской экономики были направлены решения XXVII Съезда КПСС. Неоднократные атаки на Госплан СССР, подчеркивание необходимости резкого и быстрого повышения роли рыночных учреждений в народном хозяйстве были лишь первым этапом капитализации этого последнего.[305] Либеральные реформаторы уже на этом этапе неутомимо подчеркивали роль предприимчивости и материальной заинтересованности, фактор личности в экономической жизни.

С точки зрения обоснованности своих предложений и претензий, либеральные практики СССР второй половины 1980-х гг. ничем не отличались от метафизиков неоклассической и австрийской экономикс. Экономические реформы в СССР осуществлялись не для роста уровня жизни населения, а для реализации абстрактных идей, которые неоправданно считали доказанными и общественно полезными.[306] Так, М. Горбачев, заявляя, что с внедрением «принципов самоокупаемости и самофинансирования... нельзя затягивать», не только не счел нужным оправдывать свою спешку, не только голословно навязывал внедрение в общественную жизнь этих так называемых принципов, не только не удосужился разъяснить населению их подлинное содержание и социальные последствия, но всячески старался затуманить вопрос разглагольствованиями о повышении эффективности производства, темпов экономического роста, мотивации.[307] Ясно, что его реформаторская команда вполне

[304] Ленин, В. И. Полн. собр. соч., т. 22. 1980, с. 117.
[305] КПСС. ЦК. Пленум (1986, июнь).
[306] Эллман, М. О вкладе исследовательских работ по советской экономике в экономическую теорию мейнстрима. Вопросы экономики. 2010, с. 43-44.
[307] КПСС. ЦК. Пленум (1986, июнь). Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 16 июня 1986 г. - М. : Политиздат, 1986. - 62, [1] с. С. 33.

придерживалась буржуазных лекал экономической политики. С одной стороны, это преобразование экономики с целью создания наилучших условий для социальных элит, с другой — демагогическое прикрытие этой политики рассуждениями о свободном обществе. Итак, «реформирование» советского народного хозяйства и последовавшие за ним развал обрабатывающей промышленности, глубокий кризис сельского хозяйства, снижение занятости и уровня жизни, опиралось теоретически на догматикку свободной конкуренции, немалый вклад в которую сделали неоклассическая и австрийская школы политэкономии.

Готовя второй этап капитализации народного хозяйства, заключавшийся в введении частной собственности на средства производства и распродажах общественного имущества в частную собственность, М. Гобрачев убеждал, что централизованное ценообразование «не лечит экономические болезни, а лишь развращает работников [sic]», являясь к тому же «чрезвычайно [sic] опасной тенденцией»[308]. В действительности, большую общественную опасность представляли именно попытки либеральной команды М. Горбачева лечить выдуманные болезни народного хозяйства по метафизическим шаблонам либерализма. Ведь именно политика грабежа народного хозяйства, проводимая под прикрытием его реформирования, породила основную массу социальных и хозяйственных проблем в странах бывшего СССР. Теоретики свободной экономики закрыли глаза на то, что на этапе приватизации предприятий бывшего СССР трудящееся население не имело средств для их покупки, да и не могло их иметь по причине замораживания вкладов и девальвации рубля. Платежеспособностью, достаточной для покупки общественных предприятий по символической цене обладали лишь представители теневой экономики, но такая мелочь не могла смутить либеральных адвокатов неограниченного экономического хищничества.. Устанавливавшийся ими режим мог найти лишь метафизическое обоснование, т. е. опираться на невежество и слепую веру.

Рыночные реформы 1990-х гг. в России привели к преобладанию краткосрочных целей в политике предприятий, падению квалификации служащих, разложению коллективного труда, не говоря уже о распаде десятков тысяч эффективных трудовых коллективов.[309] Рыночные реформы 1990-х гг. в России привели к преобладанию краткосрочных целей в политике предприятий, падению квалификации служащих, разложению коллективного труда, не говоря уже о распаде десятков тысяч эффективных трудовых коллективов.[310] Экономическая политика, проводившаяся по принципам вашингтонского консенсуса в России, привела к крайне негативным последствиям, не соответствует потребностям современности, необходимости развития науки и технологий.[311] Противопоставление планирования и развитой рыночной системы неверно, поскольку само развитие рынка и его контрагентов невозможно планирования, учета того, что экономическая политика всесторонне влияет на деятельность.[312] Форсированная приватизация мотивировалась не хозяйственными или социальными целями, но стремлением расхищать государственную собственность[313].

Одной из главных причин текущего экономического кризиса в России является направленная на защиту бизнесменов экономическая политика. Минимизация, в противоположность оптимизации, публичного регулирования экономических отношений, а также максимизация, вместо оптимизации деятельности финансового посредничества, привели к подчинению производственного сектора финансовому, к росту нестабильности

[308] КПСС. ЦК. Пленум (1986, июнь). с. 34.
[309] Кочурова, Л. И. Реальный сектор развития рынка : Теорет. основы, модель : Экон. отношения обозримого будущего / Л. И. Кочурова. 2004, с. 149.
[310] Кочурова, Л. И. Реальный сектор развития рынка : Теорет. основы, модель : Экон. отношения обозримого будущего / Л. И. Кочурова. 2004, с. 149.
[311] Абалкин, Л. И. Логика экономического роста : [Сборник]. 2002, с. 24-25.
[312] Кочурова, Л. И. Реальный сектор развития рынка : Теорет. основы, модель : Экон. отношения обозримого будущего / Л. И. Кочурова. 2004, с. 79-80.
[313] Голанд, Ю. Сравнение реформ периода НЭПа и постсоветской России. 2010, с. 95.

российской экономики.[314] Господство «либертарианской [sic] элиты в Америке с 1980-х годов привело к повышательной длинной волне коньюктуры»[315]. Но откуда такая уверенность? Здесь присутствует логическая ошибка Post hoc ergo propter hoc. Наконец, в то время и теперь командует не либертарианская элита, а класс капиталистов, монополизировавший средства производства, торговлю, в известной степени — все общественные отношения.

В период обострения экономического кризиса 2008 г. многие предприятия производственного сектора России не обладала достаточными возможностями для получения краткосрочных кредитов, временного финансирования своих оборотных средств.[316] Проведение в жизнь либеральных принципов привело к тому, что финансовая помощь оказывалась по преимуществу крупным банкам.[317] Это не могло не усугубить роста власти олигархии над российской экономикой, усилило неравенство возможностей между представителями крупного и мелкого бизнеса, а следовательно, нагрузку на пролетариат.

Таким образом, экономические принципы либерализма уже во времена «перестройки» доказали свою пригодность в качестве идейного прикрытия политики целенаправленного усиления социального неравенства и ограничения экономических возможностей трудящихся. Рассмотрим экономический либерализм в современной России и его влияние на экономическую теорию.

Как отмечал Т. Гексли, посредственные умы, бегущие от трудностей на истоптанные дороги посредственности, заменяют «испытующий дух кучей почтенных и общепринятых традиций»[318]. Такое «исследование» сводится к шаблонному освещению микроскопических проблем и достигает микроскопических результатов. Такие исследования — отличительная черта российской школы эпигонов либерализма, главным образом, маститых идеологов ВШЭ.

С. Моисеев проанализировал содержание130 учебников по экономической теории, изданных в России.[319] Все содержали азбучный пересказ концепций либеральной ортодоксии.[320] С. Моисеев указал на сотрудничество между большинством авторов наших учебников и американским MIT, уже долгие годы популяризующим в третьих странах теории неоклассического синтеза, в частности, Р. Солоу и П. Самуэльсона.[321] В нескольких десятках учебников, известных автору этой статьи, учение laissez faire подается как безусловно истинное. Видимо, его научность для авторов — аксиома, вопрос карьеры, нечто само собой разумеющееся. Его критики изображаются безвозвратно ушедшими в прошлое догматиками. Вот оно, научное мышление!

Для отечественых экономистов либерально-капиталистических взглядов характерно крайне шаблонное и поверхностное понимание западного капитализма. «В развитых странах заработная плата квалифицированных работников уже давно обеспечивает им удовлетворение повседневных потребностей (полноценное питание, жилье, транспорт, медицинское обслуживание, отдых и т.д.)»[322].

Преподавание неоклассической экономической теории также во многом содействует ее некритическому восприятию и, что еще более вредоносно, развитию шаблонного, стереотипного восприятия экономической жизни. Буржуазно-либеральные идеи служат основой современного экономического образования в России. В одном из российских

[314] Самохвалов, А. Государство в рыночной экономике: уроки кризисов. 2013, с. 24.

[315] Самохвалов, А. Государство в рыночной экономике: уроки кризисов. 2013, с. 24.

[316] Самохвалов, А. Государство в рыночной экономике: уроки кризисов. Мировая экономика и международные отношения. 2013, с. 15.

[317] Там же.

[318] Гексли, Т. Г. О положении человека в ряду органических существ. 1864, с. 65.

[319] Моисеев, С. Формализация макроэкономики и ее последствия... Вопросы экономики, 2007, с. 48.

[320] Там же, с. 49.

[321] Там же.

[322] Мировая экономика. Учебник под ред. Булатова А. С. М.: Юрист, 2000, 734 с. С. 77-78.

учебников по мировой экономике высказывается мнение, во-первых, о ключевой роли регионализации в мировой экономической интеграции, а во-вторых, о том, что регионализация заключается в процессе «срастания экономик соседних стран в единый хозяйственный комплекс на основе глубоких и устойчивых экономических связей между их компаниями»[323]. Но мнение о том, что интеграция экономик сводится к интеграции бизнеса крайне однобоко и выражает не столько экономическую действительность, сколько неоклассические и близкие к ним идеальные принципы. Выгода в акцентировании именно такого положения дел в теории состоит в том, чтобы проблемы интеграции экономик подменять проблемами мирового развития крупных капиталистических фирм, проблемы трудящихся, народов разных стран - проблемами мирового капитала и его собственников. Несмотря на засилие либеральной догматики в образовательных учреждениях России и коммерческих общественных организациях, растет осознание пагубности политики оставления общественного хозяйства на произвол рыночной стихии.

Российские последователи неоклассической доктрины утверждают, что расширение потребностей в товарах «по сравнению с предшествующими эпохами или современной К. Марксу азиатской цивилизацией» увеличивает «личностный потенциал человека»[324]. На той же странице мы читаем мнение по другому вопросу, а именно, что отечественные экономисты советского периода поставили себя вне цивилизации[325], а на следующей - что перед отечественной экономической теорией в 1990-х гг. стояла проблема возвращения «к науке западного образца» (20). Тот же экономист утвреждает, что неоклассическая экономикс, которую он необоснованно выдает за западную экономическую науку, не удовлетворяет предложенным К. Поппером критериям для оценки научных теория[326].

Увлекательно обосновывая необходимость продолжения приватизации и строительства постиндустриального общества Г. Попов утверждает, что «на старте», видимо имея в виду процесс перехода российской экономики к полностью конкурентной экономике, «необходимы демилитаризация и демонополизация»[327]. Объявление в одном предложении о необходимости демилитаризации и демонополизации свидетельствует, вероятно, о большой высоте экономических взгядов Г. Попова, готового сочетать экономическую и военную политику для достижения требуемого состояния конкурентной экономики. Вместо научного анализа приватизации, эффективности общественного и рыночного сегмента экономики в разные периоды, статьи апологетов конкурентного общества «с отбором лучших, с разорением худших» (123), характерным образчиком которых является статья Г. Попова, изобилуют лишь ссылками на неоклассические догмы, как будто они когда-либо были доказанными истинами и ядовитой риторикой: «Прошлое, госсоциализм — в каждом из нас, в каждой нашей клетке, в каждом нашем гене. Поэтому» (?) «проблема выхода из социализма — это не только проблема страны, экономики, государства. Это проблема и каждого из нас... в наше время выйти из социализма - значит выдавить из себя по каплям неприемлимое для нас наше прошлое, «сменить кожу,» - с пятнадцатилетним опозданием разглагольствует на страницах журнала «Вопросы экономики» Г. Попов[328]. Причем такие мелкие вопросы как приватизация жилья «может происходить бесплатно, платно, или в комбинированном варианте»[329], а в ходе общей приватизации «должен возникнуть» (каким образом? На основании либеральных лекал?) «рыночный [сектор] с реальной конкуренцией»[330].

[323] Там же.
[324] Капитализм и рынок: экономисты размышляют / В. И. Кузнецов, И. М. Осадчая, В. С. Автономов и др. 1993, с. 19.
[325] Капитализм и рынок: экономисты размышляют / В. И. Кузнецов и др. 1993, с. 19.
[326] Капитализм и рынок: экономисты размышляют / В. И. Кузнецов и др. 1993, с. 23.
[327] Попов, Г. Проблемы выхода из социализма. Вопросы экономики, 2006, с. 123.
[328] Попов, Г. Проблемы выхода из социализма. Вопросы экономики, 2006, с. 125.
[329] Попов, Г. Проблемы выхода из социализма. Вопросы экономики, 2006, с. 124.
[330] Попов, Г. Проблемы выхода из социализма. Вопросы экономики, 2006, с. 123.

Одна из последовательниц идеи экономической свободы для капиталистов безосновательно утверждает, что повышение ценности товара с помощью рекламных кампаний, искусственное стимулирование населения к покупке «новых фирменных товаров», развитие и эксплуатация потребительских стереотипов являются характеристиками прогрессивной, эффективной экономики. Т. Субботина указывает, что этот способ конкуренции невозможен без технологического и культурного «лидерства», не доступен капиталистам в слаборазвитых странах, к которым относит и Россию.[331] А залогом успешного экономического развития, по Субботиной, является «разработка новой (sic) продукции повышенной потребительской и рыночной ценности».[332] По Субботиной, навязывание покупателям новой продукции с завышенной ценностью является законной и даже прогрессивной функцией высокоразвитого бизнеса.[333] Вот до каких пошлостей и асоциальных представлений доводит следование неоклассической наукообразной мистике.

Игнорируются безработица и ее социальные последствия. Между тем, угроза безработицы постоянно нависает над трудящимся в капиталистической стране. Она исходит как от стремления менеджеров капиталиста нанимать работников, наиболее полно подчиняющих свою жизнь делу капиталиста, а также от общей нестабильности капиталистической системы, от спонтанных переливов ресурсов между различными отраслями и регионами. Не следует забывать о высокой степени концентрации жилищной собственности в «развитых» капиталистических государствах и в крупных городах России, что приводит к сочетанию безработицы и бездомности.

За рост влияния неолиберальных идей на экономическую политику в России одиозно выступает В. Мау.[334] Он убежден, что частичная «либерализация» российской экономики есть лишь вынужденная и неполноценная альтернатива неолиберальным реформам.[335] По словам В. Мау, к частичному реформированию прибегают не для развития в России капиталистических отношений, а потому, что некие политические факторы заставляют общественные институты отказаться от исполнения значительной части социальных и экономических обязательств и возложить часть социальной ответственности на бизнес.[336]

Этот авторитетный в буржуазных кругах России экономист убежден, что пользование бизнесом общественными благами, в частности защиты обществом исполнения контрактов следует возложить как на судебную, так и на правоохранительную, уголовную систему.[337] Это обосновывается доводом о снижающейся производительности «факторов роста».[338] Что В. Мау имеет в виду под понятием фактор роста, остается неизвестным. Видимо, рядовым экономистам следует принять это понятие либерально-буржуазных экономистов в качестве новой аксиомы. Непонятно, в какой связи состоят «экономические факторы роста» с неоклассическим понятием факторов производства, а еще большее непонятно, как можно говорить о производительности факторов роста.

Одним из главных факторов экономического роста в России В. Мау называет «личную безопасность предпринимателей».[339] Он обеспокоен не уровнем правопорядка, не безопасностью всех граждан, не охраной труда и здоровья миллионов российских граждан, не образованием и не школьным питанием, а личной безопасностью предпринимателей. По его позорному мнению, именно отсутствие должной заботы общества о личной безопасности

[331] Субботина, Т. Россия на распутье: Два пути к международной конкурентоспособности. Вопросы экономики, 2006, с. 46-49.
[332] Субботина, Т. Россия на распутье: Два пути к международной конкурентоспособности. Вопросы экономики, 2006, с. 49.
[333] Там же, с. 49.
[334] Мау, В. Экономическая политика в 2005 году: Определение приоритетов. Вопросы экономики, 2006, с. 4.
[335] Мау, В. Экономическая политика в 2005 году: Определение приоритетов. Вопросы экономики, 2006.
[336] Там же.
[337] Мау, В. Экономическая политика в 2005 году: Определение приоритетов. 2006, с. 9.
[338] Там же.
[339] Мау, В. Экономическая политика в 2005 году: Определение приоритетов. Вопросы экономики, 2006 (2), с. 9.

предпринимателей, снижает инвестиционную привлекательность России и губит экономической рост. Но если капиталистов и нужно охранять за общественный счет больше, чем трудящихся, то это следует понимать как меры социальной защиты от капиталистов, а не наоборот.

От российских либералов нередко приходится слышать, что рынок должен служить предпринимателям. Например: «создание рыночных институтов... должно служить раскрытию потенциала предпринимательской инициативы»[340]. Про тех, кто не является капиталистами, «либеральная совесть» России упрямо молчит. В нашей стране с особой ясностью видно, что служению науке и обществу «научное» сообщество экономистов предпочитает прислуживание толстосумам. Вместо изучения экономических проблем населения — песнопения частной собственности, объявление капиталистов флагманами лучшими людьми, вместо критического мышления - глупость и формализм, пресмыкательство перед цитатами вульгарных экономистов Запада. То, куда под руководством флагманов-монополистов заходят общественная экономика и культура, российских эпигонов не волнует. Они ведь эгоисты.

По мнению А. Самохвалова, переход от экономики планирования к капиталистической организации экономических отношений сам по себе не приводит к росту эффективности производства.[341] Такие проблемы, как изменение уровня жизни трудящихся и их социальных возможностей при переходе от социалистической к капиталистической организации экономики, А. Самохвалов обходит стороной. Но для повышения конкурентоспособности, по его словам, «требуется осознание властной элитой [sic] особенностей национальной экономики... [ее] потенциала развития, ее актуального и возможного позиционирования»[342]. Конечно, в общем случае сознание социальной элиты не может быть средством повышения производительности труда. А. Самохвалов, с одной стороны, переоценивает роль государственной власти в экономики, а с другой, в неоклассических традициях чрезмерно абстрагируется от технологических и социальных предпосылок экономического развития, от экономического положения трудящихся. К сожалению, для многих российских экономистов наибольший интерес представляет работа на коммерческие и административные органы, при полной незаинтересованности в проблемах народного хозяйства, в экономических трудностях населения. Так же как искусство в феодальном обществе чуралось, не замечало простых людей, так и многие экономисты совершенно чужды проблемам основной массы населения собственной страны и других стран.[343]

Экономисты, ограниченные в своих взглядах шорами метафизической теории гармонии, едва ли способны изучать закономерности экономической действительности. Если образованность понимать в соответствии с Н. Г. Чернышевским, - как совокупность трех качеств: обширных знаний, без которых человек является невеждой, способности к систематическому мышлению и способности использовать знания с общественной пользой, придется признать, что экономисты, подготовленные в традициях отвлеченного экономического анализа, далеки от образованности в своей профессии.[344] Главная причина тому — принципиальная несовместимость систем спекулятивной метафизики и научного объяснения общественных явлений.

Российская экономическая школа плетется по пятам либерально-антиобщественной доктрины, как хвост за собакой. Ее «Образовательная» и «научная» практика обесценивает

[340] Самохвалов, А. Государство в рыночной экономике: уроки кризисов. Мировая экономика и международные отношения. 2013, с. 24-25.

[341] Самохвалов, А. Государство в рыночной экономике: уроки кризисов. Мировая экономика и международные отношения. 2013, с. 28.

[342] Там же, с. 28.

[343] Гулыга, А. В. Немецкая классическая философия, с. 5.

[344] Чернышевский, Н. Г. Письма без адреса. 1983, с. 48.

экономическую науку, отрывает и делает бесполезной для решения социальных проблем. Критическое, научное мышление вытесняетс, в том числе среди студентов, верованием в истинность либерального догмата и слепым следованием за авторитетом. Ее идеология — эпигонский теоретический продукт, полностью подчинена отстаиванию интересов соцэлит, защите эксплуататорского строя.

Раздел 3. Капитализм и его буржуазная интерпретация.

Неолиберализм как практическое выражение метафизической политэкономии. Критика неолиберального капитализма.

Ранее мы показали, что современная буржуазная политэкономия в лице неоклассических и австрийских экономистов рассматривает творческие силы человека лишь под углом зрения интересов капиталистов. В этой главе будет изучена практическая сторона неоклассического и австрийского экономических учений - доктрина неолиберализма.

Социальное значение неолиберализма состоит в том, что оправдывает низведение всех общественных институтов до положения жандарма интересов богатейшего класса, а общество в целом воспринимает лишь как слугу или придаток этого последнего. Неолиберализм оправдывает подчинение общественных учреждений интересам богатейшего социального класса. Эту работу, с явным пренебрежением к стандартам современной научности, пытаются выполнять неоклассическая, австрийская и некоторые другие ответвления буржуазной политэкономии. Усилия ее исследовательских групп направлены как на подкрепление старых и разработку новых универсальных «доказательств» необходимости капитализации общества, так и на дисредитацию экономической и социальной деятельности общественных учреждений, в том числе объединений трудящихся. Нападкам подвергаются даже демократические учреждения за их априорную коррупционность, сам принцип демократического представительства.[345]

Политическая функция неолиберализма заключается в практическом осуществлении режима неограниченной капиталистической эксплуатации человека человеком, в давлении на правительства и общественные учреждения с целью склонения их к проведению буржуазной либерализации народного хозяйства и всего общества. Подчеркнем, что неолиберальная доктрина усиленно насаждается именно в странах капиталистической периферии, тогда как за полную либерализацию экономик - флагманов капиталистического мира те же неолиберальные экономисты выступают куда менее настойчиво и последовательно.

Поскольку неолиберальная политическая доктрина одним из главных своих оснований имеет веру в прогрессивность капиталистического способа производства, представляется целесообразным рассмотреть некоторые стороны капиталистических отношений, тем более что исчерпывающая оценка выводов и практических рекомендаций неоклассической и австрийской политэкономии также невозможна без исследования действительно существующих капиталистических отношений в мире.

Н. Г. Чернышевский писал, что применение идей либеральной политэкономии ослабляет и принижает роль частной инициативы в организации экономики, способствует разитию общественно невыгодной системы производства и распределения.[346] Труд необеспеченного большинства в обществе экспроприаторов не ориентирован на создание

[345] См. Buchanan, J. M. Economics: Between Predictive Science and Moral Philosophy, 1987.
[346] Чернышевский, Н. Г. Избр. экономические произв. Т. 2. 1948, с. 147.

общественных ценностей. Организация труда нацелена только на эффективное накопление ценностей буржуазией, предотвращение какого-либо накопления трудящимися, организацию умственного застоя трудящихся. Труд в капиталистическом обществе организуется только для роста богатства собственников средств производства. Для роста средней производительности труда требуется борьба со старыми формами эксплуатации: для развития мануфактурного производства — с рабством, крепостным состоянием, а позже — с имущественным неравенством и эксплуатацией человека человеком.

Давно известно, что классу капиталистов жизненно необходимы нетребовательные и дешевые рабочие руки.[347] В неолиберальном обществе одна из задач государственных учреждений состоит в создании условий для формирования и поддержания этого важнейшего экономического ресурса. Класс предпринимателей обладает прямыми, сугубо экономическими возможностями для давления на рынок рабочей силы, заработную плату и условия труда. Средства экономической диктатуры капиталистов есть, прежде всего, следствия неравного распределения богатства и дохода в обществе, огромной концентрации капитала и социальной власти. Экономическое неравенство и свобода привилегированных диктовать условия труда массам только растет по мере приближения капиталистических отношений к неолиберальному идеалу, т. е. к освобожденному от всякого гражданского и демократического контроля режиму эксплуатации человека человеком.

По мнению раннего буржуазного экономиста В. Зомбарта, следствием капиталистической организации производства является неустойчивость положения наемного рабочего.[348] Концентрируя производительные силы в частной собственности, предприниматели могут диктовать условия труда, повышать его интенсивность.[349] В результате, эксплуататоры не только компенсируют свой организаторский вклад в производство, но и получают сверхприбыль. В. Зомбарт утверждал, что высокоразвитый капитализм «навязывает отдельному лицу, поскольку оно вплетено в отношения рынка, нормы его хозяйственного поведения. Отдельному лицу противостоит еще и огромная гора навыков, которые грозят раздавить его», в отличие от раннего капитализма, дававшего куда больше простора для свободной инициативы.[350] Заявления апологетов доктрины нерегулируемого рынка о якобы приносимой этим механизмом хозяйственной свободе встречают все более критическое отношение. Так, статистика показывает, что проведению рыночных преобразований в России сопутствовало резкое снижение ожидаемой продолжительности жизни мужчин. Так, если в 1970 г. она составляла 64.5 года[351], а в 1990 г. - 63.7 года, то к 1994 г. она снизилась до 57.4 лет, а в 2005 г. составляла 58.9 лет[352].

М. Нордау установил экономический закон капиталистической системы, согласно которому неимущие социальные классы принуждается к предоставлению классу собственников необоснованных и односторонних контрибуций.[353] Этот закон отчуждения есть, по мнению М. Нордау, центральный элемент капиталистической системы, объединяющий все элементы экономической и культурной жизни.[354] Но в этой трактовке не находит места другая важная черта капиталистической системы. В действительности, отчуждением продукта рассмотрение ограничиваться не может, поскольку налицо влияние высшего класса на само использование человеческого труда и производственных мощностей.

[347] Ленин, В. И. Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности. 1986, с. 451, 452.
[348] Sombart, W. Socialism and the Social Movement in the19th Century, 1898, p. 12.
[349] Ely, R.T., Adams, T. S., Lorenz, M. O. & Young, A. A. Outlines of Economics, 1919, p. 629.
[350] Зомбарт, В. Буржуа : Этюды по истории духов. развития современ. экон. человека. 1994, с. 149.
[351] Население Советского Союза: 1922-1991 / Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л., с. 95.
[352] Федеральная служба государственной статистики. Центральная База Статистических Данных. http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/dbinet.cgi?pl=2415003
[353] Nordau, M. Conventional Lies of our Civilization. 1896.
[354] Там же.

В силу экономических и культурных механизмов, усложнившихся вместе с развитием человеческого общества, высший класс имеет в своих руках возможность до известной степени подчинить производительные силы своим надобностям. Вопреки спекулятивным концепциям либерально-буржуазных экономистов, вопрос «Как производить?» не может решаться на рынке. Для обладания экономической силой на рынке необходима платежеспособность, которая вырабатывается отнюдь не в торговле, но в производстве. Имущий класс становится с помошью рыночного механизма командующим классом; получает возможность в большой степени манипулировать культурой, а следовательно, предрассудками и предпочтениями большинства малоимущего населения. Это означает, что капиталистическая система не ограничивается экспроприацией части общественного продукта, произведенного наемным работником, но и располагает мощными механизмами, позволяющими использовать миллионы трудящихся не к выгоде всего общества, а лишь к выгоде имущего класса, для удовлетворения его капризов и потребностей в роскоши, в символах высокого социального положения.

Систематическое вытеснение трудящихся из отраслей, производящих товары широкого потребления, и перенаправление миллионов трудящихся в сектор услуг, на производство товаров роскоши, в полулегальную экономику со всей очевидностью ведет к недопроизводству товаров народного потребления. Это позволяет поддерживать относительно высокий уровень цен на товары массового потребления и, соотвественно, большую степень зависимости малоимущих трудящихся от капиталистических организаторов производства. Ясно, что такое перенаправление трудящихся с производительного труда на непроизводительный является мощым ударом по их экономическим интересам: рабочие руки используются не в интересах общества, бесплодно; следовательно, содержание этих рабочих ложится на плечи всех тех, кто занят производительным трудом. Вдобавок, эта работа является для творческих людей малопривлекательной, наиболее открыто требует от личности стать служанкой капиталистического строя.

По мнению Й. Шумпетера, капиталистический способ производства создает благоприятные условия для превращения конфликтных склонностей людей в усердие трудовой деятельности: «чисто капиталистический мир не может предложить плодородной почвы для империалистических импульсов... Его [капиталистического мира?] люди весьма вероятно [sic!] имеют невоинственный настрой»[355]. Здесь Й. Шумпетер, конечно, предается спекуляциям. Рассуждая о «чисто капиталистическом» строе Й. Шумпетер явно переносит нас в утопию неоклассиков и, посредством все того же умозрительного метода, приписывает общественным отношениям свойства, законно вытекающие из неверных аксиом теории гармонии.

Развитие капиталистической экономики не приносит одинаковых плодов трудящимся и буржуазии. Рост производительности труда сопровождается ростом цен на землю и недвижимость, повышениями ренты и квартирной платы, ведет к росту скрытой экспроприации трудящихся, к перемещению все большей части их доходов в руки состоятельных классов.[356] Скрытая экспроприция есть изъятие части доходов трудящихся привилегированными группами населения под видом ренты или платы за покупку жилья и, соответственно, территории городского пространства. Согласно К. Каутскому, рост производительности труда в капиталистическом обществе имеет тенденцию опережать рост уровня жизни трудящихся.[357] В результате усиливается социальная нищета трудящихся, под которой следует понимать как рост относительной бедности трудящихся, так и снижение их

[355] Schumpeter, J. A. The Economics and Sociology of Capitalism. 1991, p. 191. “A purely capitalist world can offer no fertile soil to imperialist impulses... its people are likely to be.. of an unwarlike disposition”

[356] George, H. Progress and Poverty: An Inquiry into the Cause of Industrial Depressions and of Increase of Want with Increase of Wealth: The Remedy. 1879.

[357] Каутский, К. К критике теории и практике марксизма. 2003, с. 189.

веса в культурных и научных учреждениях, которые начинают финансироваться буржуазией, создавать для нее продукт и принимать на работу преимущественно буржуазную интеллигенцию. По мнению К. Каутского, капиталистический строй дает представителям низших и высших классов глубоко неодинаковые возможности для умственного развития, причем по мере развития капитализма этот разрыв может усиливаться, видимо, за счет преимущественного развития буржуазных образовательных учреждений.[358] Заметим также, что К. Каутский одним из первых указывал на снижение роли образования как фактора социальной мобильности в условиях развитого капитализма: «образование является товаром, распространение образования увеличивает количество его, ведет к понижению его цены, а результатом этого является ухудшение положения образованных людей, которых в настоящее время имеется больше, чем это нужно капиталистам и капиталистическому государству»[359]. Таким образом, капиталистическая экономика содержит ряд механизмов перераспределения общественного дохода от трудящихся к собственникам, которые позволяют этим последним не только успешно осуществлять экономическое принуждение, но и играть непропорционально большую роль в культуре и науке неолиберального общества.

О препятствиях конкуренции на рынке труда

Капиталистическая система не в состоянии организовать честной конкуренции на ключевом из своих рынков, на рынке труда. Систематическое неравенство, с которым участники экономических отношений сталкиваются при распределении общественного продукта, их неравный доступ к образованию и рынкам рабочей силы отдельных государств, ограничивает конкуренцию на рынке рабочей силы и служит источником хронической диспропорции в платежеспособности, а следовательно, деформирует конкурентную ситуацию и на других рынках, деформирует структуру экономики, производства. Это неоклассическая теория, которая, казалось-бы должна защищать конкуренцию, совершенно упускает из виду. Естественные способности людей таким образом подавляются, а социальная сегрегация, неравенство воспроизводятся.

При капитализме большая часть населения не имеет собственности на средства производства. Таково положение низших классов — наемных рабочих, деклассированных элементов. Их доходы и способность к потреблению в решающей степени определяются их способностью продавать свою рабочую силу. Даже для удовлетворения самых неотложных потребностей — в еде, одежде, обуви, жилище, - капиталистическая система требует немалых платежей. Следовательно, низшие классы должны работать на капиталиста уже только для того, чтобы существовать. В классическом капитализме безработица — это нищета и бездомность, через некоторое время - превращение человека в отбросы. А что теряет отдельный капиталист, не нанявший рабочего запросившего слишком много уважения, неадекватные условия труда или зарплату выше «рыночной»? Не слишком много. К тому же, буржуазия как класс малочисленна. Ее представителям легче договариваться, легче поддерживать между собой партнерство, общие «ценности», дружбу. У них есть для этого средства и свободное время. Они могут хорошо оплачивать своих идеологов. Контролируя государственную машину, они могут навязывать и навязывают низшим классам всяческие верования, страхи, стереотипы, комплексы, «смыслы жизни». Контролируя СМИ и культурных деятелей, капиталисты разобщают трудящихся, повышают собственный престиж. Капиталистический рынок рабочей силы уже в силу внутренних причин очень далек от конкурентного, предоставляет разобщенным трудящимся очень мало возможностей для торга за условия труда и зарплату. Понятно, что неоклассический рынок труда с равными возможностями и всеобщим свободным волеизъявлением есть нелепейшая из абстракций, одно из самых лицемерных мест в экономикс.

[358] Каутский, К. К критике теории и практике марксизма. 2003.
[359] Каутский, К. Очерки и этюды по политической экономии. 1923, с. 66.

Некапиталистическое производство в условиях господства капиталистической системы имеет крайне ограниченные шансы на успех. Ведь для организации такого производства требуются немалые капитальные вложения, а, кроме того, огромная часть естественных пространств и ресурсов вовлечена в капиталистическое хозяйство и не может быть использована. Наконец, невозможность полноценного использования технологии и общественного разделения труда сделает такое производство очень затратным. Выходит, что для большинства населения, - для всех тех, кто не может создать, покупным трудом, или купить капиталистическое предприятие, наемный труд на капиталиста является, в силу сложившихся общественных отношений, важнейшим источником дохода. Трудящиеся вталкиваются на рынок рабочей силы жизненной необходимостью, и, сравнительно с капиталистами, обладают меньшей способностью к отстаиванию необходимых им заработной платы и условий труда.

Соеднинение права частного владения залежами подземных ископаемых с возможностью их добычи посредством наемного труда образует частнокапиталистическую собственность на природные ресурсы. В этом случае частным собственником месторождений выступает капиталист, а разработкой месторождений и добычей полезных ископаемых занимаются наемные рабочие. Частнокапиталистическое владение недрами и предприятиями добывающих отраслей всегда сопряжено с частным присваиванием прибыли от продажи естественных ресурсов. Этот вид капиталистического дохода более других содействует углублению социального неравенства в обществе и, по мере роста богатств владельцев природных ресурсов, создает условия для монополизации ими и других отраслей народного хозяйства. Но этим дело не ограничивается.

В России сырьевой сектор характеризуется высокой рентабельностью и занимает существенное место в экономике. Норма прибыли на добывающих предприятиях рассматривается как ориентир предпринимателями, направляющими проивздства и капиталовложения несырьевых отраслей экономики; лучшая рабочая сила и большие объемы капитала сосредотачиваются в сырьевой промышленности и в тех областях экономики, которые заняты ее обслуживанием. Разрастание финансового сектора и рост спекулятивного духа капиталистов в целом по экономике также вытекают из высокой доходности и значимости сырьевой промышленности. По мнению исследователей, в России вовлеченность олигархического капитала в добычу и экспорт природных ресурсов понижает заинтересованность предпринимателей в технологическом развитии обрабатывающей промышленности.[360] Очевидно, что чем больший вес частнокапиталистическая добыча сырья имеет в народном хозяйстве, тем менее конкурентной является капиталистическая экономика в целом, тем больше относительная бедность трудящихся.

Горячая пропаганда неолиберализма на капиталистической периферии сочетается в наше время с государственной защитой рынков рабочей силы в ЕС и США, с ограничением нежелательных мигрантов в праве на труд. Не видя противоречий между своей теорией и практикой, буржуазные экономисты не перестают считать свободную, так называемую «неконтролируемую» миграцию рабочей силы одной из главных экономических угроз. Известно, что в реальном капиталистическом обществе конкуренция на рынке труда ограничивается не только миграционной дискриминацией, но и неравным доступом к образованию, к возможностям развития рабочей силы. Таким образом, перспективы участия в конкуренции за рабочее место определяется во многом изначальным материальным и правовым положением человека в обществе. В развитых экономиках рынки рабочей силы, конечно, предоставляют немалые конкурентные возможности для их действительных участников. Но в то же время, капиталистическая система посредством многочисленных институциональных преград ограничивает или закрывает вовсе доступ на эти рынки для

[360] Гуриев, С., Плеханов, А., Сенин, К. Экономический механизм сырьевой модели развития. Вопросы экономики. 2010, с. 4-6.

миллионов аутсайдеров из беднейших слоев населения или развивающихся стран.

Покупательная способность и ценообразование

В капиталистической системе технический прогресс не служит интересам всего общества, но преимущественно подчинен цели извлечения прибыли классом собственников средств производства; технические достижения задействуются капиталистом лишь постольку, поскольку дают надежду увеличить его прибыль. Как известно, рост относительной платежеспособности буржуазии ведет к росту спроса на товары роскоши, что закономерно снижает долю трудящихся, которая в капиталистическом обществе может быть занята действительно производительным трудом, т. е. удовлетворяющим нормальные потребности. Снижение относительной платежеспособности трудящихся при капитализме может происходить вследствие того, что технический прогресс и рост производительности труда поставлены на службу имущих классов, т. е. ведут лишь к небольшому улучшению жизни трудящихся, но к очень существенному росту богатств командующего класса. Рост производительности труда и относительного веса платежеспособных потребностей буржуазии ведут к вытеснению трудящихся из производительного сектора экономики, к направлению миллионов людей в сферу услуг и на производство товаров роскоши. Технический прогресс при капитализме, вместо роста товарного производства, изгоняет миллионы рабочих из производительных отношений, деквалифицирует часть трудящихся и редуцирует их к роли низших, легко заменяемых служащих.

Буржуазия стремится добиться от трудящихся всеобщей погони за платежеспособностью, и всеобщей готовности покупать разрабатываемые ею продукты. Обмен части рабочего времени на безделушки есть скрытый механизм экспроприации, усиливающийся с развитием капиталистических отношений.

В связи с необходимостью трудиться за конкурентную плату, обогащать капиталиста и его подручных, трудящийся не в состоянии влиять на товарные рынки. Большая часть платежеспособности расходуется на соверешенно необходимое для жизни потребление, меньшая — дает лишь иллюзию свободы, поскольку ее ее расходованием через посредство культурных институтов ведает капиталист. Следовательно, вопреки неоклассическим теоретикам, наемный рабочий не является самостоятельным участников на товарном рынке. К слову, рынок рабочей силы в еще меньшей степени может считаться местом осуществления справедливых сделок. Рабочий вталкивается на рынок рабочей силы необходимостью поиска ресурсов для удовлетворения своих жизненных потребностей потребностей, тогда как предприниматель — лишь стремлением увеличить свое богатство. При капитализме преимущества организованности, концентрации экономической силы на рынке рабочей силы принадлежат покупателям, а на товарном рынке — продавцам.

Вследствие увеличения социального могущества, потребительской платежеспосоности паразитических классов, экономика переориентируется на удовлетворение потребностей и запросов непроизводительных классов. С развитием технологий и усилением экономического влияния буржуазии, все более значительная часть трудящихся вытесняется из производительных отношений, направляется на нетворческую, лакейскую, социально непродуктивную работу.

Отметим также, что цена товара в капиталистическом обществе зависит не только от его полезности или редкости, но и от субъективной заинтересованности того или иного сегмента потребителей в его покупке. Если товар рассчитан на состоятельных потребителей, то его цена будет относительно высокой вне зависимости от его объективной ценности. Рост доходов бюрократических и буржуазных элементов в России приводит к переориентации буржуазного производства на удовлетворение потребностей элит в роскоши. Помимо этого, рост могущества социальных элит ведет к абсолютному обеднению трудящихся, ибо повышает их спрос на товары массового потребления и обычную недвижимость, что ведет к

росту общего уровня цен и снижению абсолютной покупательной способности трудящихся. Все это в упор не замечается буржуазными экономистами.

Неолиберализм и народное образование

Одной из составляющих неолиберальной экономической политики является переход от народного образования к частному. Неолиберальные деятели настаивают на реформировании образовательной системы с целью ее поэтапной коммерциализации. Неоклассическая и австрийская экономикс также оправдывают приватизацию образовательной системы, появление и усиление рынка образовательных услуг. Утверждается, что общественное образование неэффективно ввиду отсутствия конкуренции, приводит к чистым потерям от налогообложения и, в-третьих, к неестественному перераспределению общественного дохода. Последнее обстоятельство, уверяют неоклассики, снижает заинтересованность наиболее предприимчивых и способных людей в хозяйственной деятельности уже по той причине, что они не смогут насладиться потреблением части ее плодов.

Но переход образования в частные руки даст преимущества детям состоятельных семей в доступе к знаниям, усилит социальное расслоение. Переход образовательных учреждений на самоокупаемость — первый шаг к приватизации образования. Заметим, что идеи частного образования защищались и могучим учителем неоклассиков - Г. Спенсером.

Веруя, что невежественность — это нормальное и необходимое состояние народа, Г. Спенсер вещал: «несколько поколений тому назад... требования элементарного образования для рабочих никем не высказывались, а если и высказывались, то вызывали только смех [sic]; но когда... стала распространяться, по почину немногих филантропов, система воскресных школ... тогда начали кричать, что... государство должно не только воспитывать [sic] народ, но и насильно [sic] давать ему образование»[361]. Этот наглый обскурантизм в наши дни уже не может гасить свет науки и образования. Но неоклассики продолжают дело своего идейного вождя и более отвлеченно, менее прямо доказывают ненужность, противоестественность и накладность публичного образования. Защищая «научность» и экономическую эффективность (интересы капиталистов) формалистически, они подменяют научное знание своими предпочтениями. Это позволяет им защищать неолиберальную политику коммерциализации образования и подкапывать демократическое общество.

Частные организации едва ли способны качественно учить широкие слои населения..[362] Это подтверждается плачевным состоянием системы образования в периферийных рыночных экономиках.[363] Владельцы частных образовательных учреждений материально не заинтересованы в гуманитарном образовании или общекультурном развитии непривилегированных. Готовность платить за такое развитие в рыночной экономике со всей присущей ей нестабильностью и узостью трудовой деятельности не может быть массовой. Узкая специализация и невысокая общеобразовательная подготовка при капитализме затрудняют рост технической квалификации трудящихся. Поэтому структурная безработица постоянно сопутствует капиталистическим отношениям.[364] Частное образование всегда нацелено на экономическую эффективность, представляет собой бизнес, организованную продажу рыночно необходимых знаний и навыков.

Существенное неравенство в доступе к образованию, профессиональному и культурному развитию ведет к низким результатам в производстве, ограничивает рост производительности труда. Непривилегированные не могут конкурировать за рабочие места с

[361] Спенсер, Г. Опыты научные, политические и философские. 1998, с. 1361.

[362] Гуриев, С., Плеханов, А., Сенин, К. Экономический механизм сырьевой модели развития. Вопросы экономики. 2010, с. 7.

[363] Гуриев, С., Плеханов, А., Сенин, К. Экономический механизм сырьевой модели развития. Вопросы экономики. 2010, с. 7.

[364] Капиталистический способ производства и современность / Л. С. Колесниченко, С. В. Мочерный, С. М. Панчишин и др. 1982, с. 162-163.

буржуазной интеллигенцией, лишаются многих возможностей приобщения к культуре и технологии. Капиталистическая система, начиная с образовательной, готовит для бедных малопроизводительный труд. Отсюда видно, что застой производительности труда в отстающей рыночной экономике связан с самой организацией общественных отношений, а не с коррупцией или недоразвитой рыночной инфраструктурой.

Прочие вопросы

Рыночные институты в развивающихся экономиках не регулируют экономические отношения в интересах всего общества, буржуазный либерализм приносит большинству населения «свободу быть бедными», а значит изнывать под гнетом тяжелого, неблагодарного труда, быть запертыми в состоянии невежества[365]. Р. Пребиш (1992) утверждает, что политические и экономические свободы буржуазного либерализма, а именно теории социальной мобильности и равенства возможностей, предстают не более чем коварными химерами.[366] Даже приверженцы политики буржуазного либерализма признают, что рыночная система характеризуется отчетливой близорукостью, не способен эффективно распределять ресурсы между настоящим и будущим.[367]

Изучение неолиберальных реформ даже в свете неоклассических моделей позволяет вскрыть их противоречивый характер. Снижение государственной поддержки сельского хозяйства в отдельно взятой стране может быть описано в модели AS-AD как снижение совокупного спроса и совокупного предложения. Так, не получающая поддержки отрасль будет предъявлять меньший спрос на продукцию других отраслей и получит меньше возможностей для роста эффективности своего производства, т. е. сократит предложение. Если это снижение будет большим, чем рост, обусловленный снижением налогового бремени, что может случиться, например в том случае, когда большая часть прибыли капиталистов изымается из национальной экономики, оно приведет, в полном согласии с ортодоксальным моделированием, к снижению общего уровня производства. Снижение государственной поддержки производственной отрасли, если оно сокращает совокупное предложение, вопреки неолиберальной доктрине, может вести к росту общего уровня цен.[368]

Предлагаемые неолиберальными экономистами методы оценки уровня жизни, использующие такие показатели как потребление и доход на душу населения, не принимают в расчет саму продолжительность жизни, а потому считаются неэффективными.[369] Развитие общественного здравоохранения, повышение средней продолжительности жизни, следует, по мнению некоторых критиков неолиберальных реформ, считать составляющими экономического роста.[370] Неолиберальный анализ, соответственно, не принимает во внимание подобные показатели. Отсюда видно, что спекуляции о необходимости перехода к самоокупаемому здравоохранению не выдерживают научной критики. Ведь если к общественному здравоохранению подходить не как к бизнесу, а как к предпосылке нормально развивающегося общества и хозяйства, критерии оценки его эффективности будут иметь мало общего с выводами неоклассической догматики. Напомним, что неоклассические экономисты считают прибыль собственника универсальным и единственным критерием эффективности любого предприятия.

В России, по мнению многих экономистов, рабочая сила направляется рыночными механизмами в сырьевую промышленность, области строительства, торговли и финансовый

[365] Пребиш, Р. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? 1992, с. 262.
[366] Пребиш, Р. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? 1992, с. 262-263.
[367] Капитализм и рынок: экономисты размышляют / В. И. Кузнецов, И. М. Осадчая, В. С. Автономов и др. 1993, с. 135.
[368] Голанд, Ю. Сравнение реформ периода НЭПа и постсоветской России. 2010, с. 85.
[369] Murphy, K. M., Topel, R. H. The Value of Health and Longevity. 2006.
[370] Там же, p. 882, 891.

сектор.[371] В этой связи можно говорить о существовании механизмов отчуждения рабочей силы от производительного труда в целом, о перенаправлении трудящихся от производительного труда к занятиям по обслуживанию капиталистической системы экономики. Оторванность производительного сектора от финансового, сложность экономической координации обусловливает склонность капиталистического режима к кризису, в частности финансовый кризис капиталистической системы[372].

Рыночная система дает возможность для осуществления контрагентами молчаливого сговора при ценообразовании[373]. Это может приводить к ситуации неконкурентного равновесия и к существованию завышенного уровня цен на товары[374]. Но в том случае, если установление цены товара в известной степени осуществляется покупателем, примером чему служит рынок рабочей силы, у крупных фирм появляется возможность путем неформального сговора устанавливать неоправданно низкие расценки на рабочую силу, и неоправданно высокие - на продаваемые товары.Приватизация государственного сектора экономики не является гарантией экономического и промышленного развития[375]. Показатель физического объема промышленного производства в России в 1996 г. составлял лишь 48% от уровня «кризисного» 1990 г.[376]

Особенности заключения сделок в российской экономике, в частности, ограниченность числа потенциальных клиентов, по мнению Е. Ясина и М. Снеговой, вынуждают контрагента заботиться об снискании благоволения со стороны немногих состоятельных партнеров, что оттесняет на задний план введение в производство новейших технологий, повышение производительности труда, совершенствование управления.[377] Отсюда следует, что для небольшой капиталистической фирмы благоволение состоятельного клиента является одним из самых существенных факторов экономического благополучия. Раннее освоение капиталистическим предприятием своей области деятельности, закупок и сбыта является фактором его живучести, который в то же время способствует монополизированности рынка.[378] Эти обстоятельства получили название «моментума раннего старта».[379] П. Бергер убежден в том, российские предприниматели являются носителями культуры западного индивидуализма: «Современный предприниматель - типичный образчик западного индивидуализма»[380].

В. Макаров исследует возможности манипулирования спросом со стороны производителя и устанавливает, что в западном обществе существенно влияние производителей на потребление и поведение потребителей; в частности, воздействие на трудящихся и неформальное принуждение к потреблению, к расходам осуществляется посредством института массовой культуры.[381] Важно подчеркнуть, что значение массокой культуры в социальной жизни и экономической устойчивости капиталистической системы с развитием этой последней может характеризоваться тенденцией к усилению.

Крупный капитал обладает большой способностью к созданию и утверждению условий производственной деятельности, «правил игры». Мелкий бизнес быстро развивается только в

[371] Гуриев, С., Плеханов, А., Сенин, К. Экономический механизм сырьевой модели развития. Вопросы экономики. 2010, с. 7.
[372] Колодко, Г. Неолиберализм и мировой экономический кризис. Вопросы Экономики. 2010, с. 58-60.
[373] Авдашева, С. Незаконность молчаливого сговора в российском антимонопольном законодательстве: могут ли эксперты быть полезны при выработке юридических норм? Вопросы экономики, 2011 (5), с. 89-102.
[374] Там же.
[375] Голанд, Ю. Сравнение реформ периода НЭПа и постсоветской России. 2010, с. 96.
[376] Там же.
[377] Ясин, Е., Снеговая, М. Институциональные проблемы России в мировом контексте. 2010, с. 123-124.
[378] Ely, R.T., Adams, T. S., Lorenz, M. O. & Young, A. A. Outlines of Economics, 1919, p. 369.
[379] Там же.
[380] Бергер, П. Капиталистическая революция : 50 тезисов о процветании, равенстве и свободе. 1994, с. 124.
[381] Макаров, В. Об экономическом развитии и не только в контексте будущих достижений науки и техники. 2008, с. 43, 45.

зонах концентрации капитала, выполняет роль служанки крупного капитала. Неоклассическая теория не содержит средств анализа влияния крупного капитала на мелкий, в частности, возможности нефтяных магнатов и бюрократии в России превращать мелкий бизнес в свою обслугу — развивать торговлю и услуги в противоположность легкой промышленности. Неоклассические модели олигополии и др. не проясняют ни условий возникновения, ни внутренних факторов развития монополистических производств, ни их воздействия на благополучие трудящихся.

Экономическому развитию США, Великобритании и других развитых стран содействовало взаимодействие ресурсов частных компаний и государства, активная правительственная поддержка образования, исследовательской деятельности.[382] Здесь говорить о «невидимой» руке рынка, а в равной степени и о божественном даре капиталиста, можно лишь порвав с научными критериями познания, при условии скатывания от науки к мистике. Систематическое вмешательство буржуазных правительств способствовало переходу высокоразвитых капиталистических экономик на интенсивный путь развития, прорывам в развитии науки и техники, росту производительности труда.[383]

Внутренними причинами экономического кризиса, постигшего государства Прибалтики вслед за международным финансовым кризисом капитализма называются хроническое завышение и даже поощрение неплатежеспособного уровня индивидуального потребления, предшествоваший непропорционально быстрый рост финансового, домостроительного рынков и торговли в целом.[384] К. Маркс утверждал, что при капитализме систематически воспроизводится значительная часть населения, не занимающаяся производственной деятельностью, но эксплуатирующая труд других, причем это занятие может считаться производительным лишь при жалких условиях слаборазвитого общественной и экономической системы[385].

Неолиберальные экономисты заявляют, что либерализация слаборазвитых экономик есть самый быстрый и единственно верный путь их развития. По малоубедительному мнению С. Бабб, либерализация ведет к конвергерции, взаимному сближению развитых и развивающихся экономик, развивает отстающие государства.[386] И в этом вопросе метод спекуляции, т. е. постулирование догм, заменяет буржуазным экономистам изучение конкретной действительности. Не принимаются во внимание исторические свидетельства банкротства либерального реформаторства, его тяжелейшие общественные последствия. В качестве примеров гибельности либеральных экспериментов можно назвать «Перестройку» в СССР, рыночные реформы в России и особенно на Украине, вхождение стран Южной Европы в состав ЕС.

Ослепленные верой в непогрешимость рыночно-капиталистических учреждений, буржуазные экономисты винят в провалах своих реформ население и общественные учреждения, говорят об «институциональных нестыковках». Эти «нестыковки» объясняются не вредоносностью хищничества как мотива экономической организации и не хаотизацией экономических отношений, а тем что «рынки трансплантировались в чуждые миры [sic!!]... не содержащие поддерживающих институтов, которые...органически [sic] развивались в первоначальных условиях»[387]. Ясно, что вся идея органического развития насквозь тенденциозна и не соответствует постоянным колебаниям, неустойчивости развития

[382] Хрестоматия по политической экономии / Азарова М. М., Баутина Н. В. 1968, с. 56.
[383] Хрестоматия по политической экономии / Азарова М. М., Баутина Н. В. 1968, с. 57.
[384] Григорьев, Л., Алибалов, С. Страны Балтии: в поисках выхода из кризиса. Вопросы экономики. 2010, с. 129, 134.
[385] Хрестоматия по политической экономии / Азарова М. М., Баутина Н. В. 1968, с. 73-74.
[386] Babb, S. The Social Consequences of Structural Adjustment: Recent Evidence and Current Debates. 2005, p. 202.
[387] Babb. S. The Social Consequences..., 2005, p. 204. “institutional mismatch”; “markets have been transplanted to alien worlds [sic!!]... lacking the supporting institutions that took decades or even centuries to develop organically [sic] in their original contexts.”

западных экономик, их широкую опору на колониальные страны, продолжавшуюся вплоть до середины XX века, впоследствии — на неоколониальные, более скрытые механизмы завладения экономическими ресурсами стран Азии, Африки, Латинской Америки и Восточной Европы, важнейшим из которых следует считать навязывание правительствам этих стран определенной экономической политики.

Расширение рыночных отношений и продолжающаяся капитализация общественных отношений в США, по мнению К. Турко, оказывают негативное влияние на психическое состояние людей, культуру и общественные отношения в целом.[388] Преодолевая латентное и открытое сопротивление капитализации общественных отношений, американские частнокапиталистические фирмы в отдельных случаях прибегают к маскировке собственных коммерческих проектов.[389] К. Маркс указывал на большое влияние государственной политики, в том числе промышленной и внешнеэкономической на экономический рост.[390] Фритредерство во внешней торговле этой страны стало применяться после достижения ею относительно высокого уровня развития и выработки конкурентных преимуществ.[391] Индикативное планирование во Франции, государственное содействие модернизации внутреннего производства, в особенности угольной промышленности, металлургии и транспорта в этой стране являются фактом экономической жизни, образцом успешной роли государства в восстановлении и развитии экономики.[392]

По мнению Р. Пэрри, президенту отделения ФРС в Сан Франциско, прогнозирование инфляции осложняется наличием шоков предложения[393]. Но неоклассический способ представлять предложение считает технический прогресс и другие факторы предложения величинами экзогенными. Какую практическую пользу он может принести? Монетарная политика ФРС зависела от предсказаний моделей в куда меньшей степени, чем от количественных и качественных исследований, игнорировало правило Тейлора и другие, более продвинутые принципы неолиберальной экономики.[394]

С. Картер полагает, что подход к исследованию производства и потребления на основе концепции прибавочной стоимости эффективнее неоклассического подхода, который неосновательно противополагает интересы потребителей и производителей.[395] Анализ прибавочной, или чистой созданной стоимости, позволяет оценивать как объемы имеющихся у капиталистов средств, которые они могут пустить на инвестиции и потребление, так и объемы неоплаченного труда.[396]

Й. Шумпетер писал, что «конкурентная система поглощает полную энергию большинства людей... Постоянное действие, внимание и концентрация энергии есть условия выживания в ней»[397]. Согласно Н. Бухарину, монополизация внутреннего рынка дает возможность производителю устанавливать высокие цены, и в то же время вести

[388] Turco, C. Difficult Decoupling: Employee Resistance to the Commercialization of Personal Settings. American Journal of Sociology, 2012, 118 (2), p. 381, 384 citation.
[389] Там же, p. 385.
[390] Полтерович, В., Попов, В. Эволюционная теория экономической политики. Часть 1. Опыт быстрого развития. Вопросы экономики, 2006, с. 15-16.
[391] Там же.
[392] Полтерович, В., Попов, В. Эволюционная теория экономической политики. Часть 1. Опыт быстрого развития. Вопросы экономики, 2006 (7), с. 17-18.
[393] Bell-Kelton, S. Behind Closed Doors, 2006, p. 11.
[394] Там же.
[395] Carter, S. A Simple Model of the Surplus Approach to Value, Distribution, and Growth. American Journal of Economics & Sociology, Nov2011, Vol. 70 Issue 5, p1117-1146, 30p. P. 1117-1119.
[396] Carter, S. A Simple Model of the Surplus Approach to Value, Distribution, and Growth. American Journal of Economics & Sociology, Nov2011, Vol. 70 Issue 5, p1117-1146, 30p. P. 1121, 1140.
[397] Schumpeter, J. A. The Economics and Sociology of Capitalism. 1991, p. 191. “The competitive system absorbs the full energies of most of the people... Constant application, attention and concentration of energy are the conditions of survival within it”.

демпинговые войны на внешних рынках.[398] Критики либерально-буржуазных экономистов указывают, что капитал имеет тенденцию переливаться в основном только между развитыми странами, даже несмотря на большие темпы роста в развивающихся странах.[399] «Конкуренция заставляет капитал переливаться из отрасли с недостаточной прибылью в отрасль с избыточной прибылью», - отмечал К. Маркс.[400]

Неолиберальные экономисты традиционно списывают кризисные явления в развивающихся странах на недостаточное усердие правительств в привлечении иностранного капитала, недостаточную приватизированность экономики, на недостаток веры в рынок. Но экономический застой во многих случаях является прямым следствием капиталистических отношений. Рыночно-капиталистическая система является дорогостоящим инструментом социальной координации, и основаные издержки ложатся на беднейшее, незащищенное население. Капитализм ограничивает рост производительности труда и эффективностью производства прежде всего асоциальностью соцэлит, их безразличием к культурному развитию. Капитализм устойчиво сопровождается материальной нуждой, сравнительной необразованностью, политической забитостью трудящихся. Коренные препятствия к росту производительности труда кроются в самом капиталистическом способе производства.

Необоснованность неолиберального подхода к общественным и экономическим отношениям вытекает из несостоятельности методологии, основных положений и спекулятивных конструкций неоклассической и австрийской политэкономии, - научных столпов неолиберализма. Его представителей не занимает устранение противоречий и пагубных социальных следствий капиталистического способа производства, устранение отчуждения труда, ликвидация экономического положения, в котором жизненные силы непривилегированных людей систематически перерабатываются в материальные средства и предметы роскоши избранных, в социальные фетиши. Итак, применение умозрительных, псевдонаучных систем неоклассической и австрийской политэкономии для формулирования экономических целей общества ведет к росту социальной напряженности, снижает качество жизни наемных трудящихся.

Неолиберальные экономисты не спешат оценивать социальные, экономические и культурные последствия рекламируемых ими приватизаций. Анализ этих последствий требует отдельной работы. Неолибералы верят в свою теорию рыночной эффективности и мысленно перескакивают через все уродства капитализма: безработицу, нищету, бездомность, невежество народных масс, манипуляцию демократией. Неолибералы защищают богатых и доказывают, что богатство — это плод эффективного труда. Мы знаем, что основные богатства капиталистов произошли не от их общественно полезного труда и бережливости, а от грабежей, вымогательств, мошенничеств, колониальной политики.[401]

Нельзя забывать, что реальная система рыночно-капиталистической координации не бесплатна, как вздорно утверждают неоклассики, но требует огромного содержания. Грандиозная надстройка, включающая в наше время миллионы самодовольных менеджеров, жадных торговцев, вводящих в заблуждение консультантов, рекламщиков, посредников, ежедневно требует содержания. Бремя этого содержания тем сильнее ложится на пролетариат, чем меньше его численность.

Непомерное разбухание этой координационной надстройки в России ведет к росту бремени трудящихся, снижению их доходов и свободного времени. В свою очередь, именно из-за этого занятость в промышленности остается непривлекательной, мало кто желает и способен развивать производство «с низу». В России продолжается приток молодежи с

[398] Бухарин, Н. И. Проблемы теории и практики социализма : [Сборник] / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. - М. : Политиздат, 1989. - 511,[1] с. С. 81.
[399] Gourinchas, P. O., Jeanne, O. Capital Flows to Developing Countries: The Allocation Puzzle, 2013.
[400] Маркс, К. Капитал: Критика политической экономии. Т. 3. часть 1. под ред. Ф. Энгельса. М.: Издательство политической литературы. 1989, с. 16.
[401] Каутский, К. Эрфуртская программа. (Коммент. к принципиальной части). 1959, с. 25.

завышенными ожиданиями и скромными познаниями в рыночную надстройку, а значит, формируются новые поколения профессиональных менеджеров, растет бремя капиталистической системы.

Формы эксплуатации изменяются с развитием общественных отношений. Капиталистическая экспансия совершается, в том числе, посредстом искусственного повышения значения рыночного элемента в психологии трудящихся, за счет создания искусственной необходимости, культурного принуждения к потреблению. Теми, кто постоянно находится в состоянии нужды и неопределенности, управлять легче, чем самодостаточными людьми.

О классовом разделении в капиталистическом обществе

Капиталистическое хозяйство нацелено на максимальный рост овеществленного труда, а источники такого роста всегда рассматриваются лишь как средства достижения цели, и никогда — как субъекты экономических отношений. В представлениях неоклассических и австрийских экономистов все разнообразие человеческих способностей сводится к пассивному объекту экономической деятельности. На деле человеческие способности являются основой экономических отношений.

Общественный продукт капиталистической экономики есть результат производительной деятельности трудящегося населения. При капитализме он распределяется неравномерно, посредством ряда экономических институтов. Распределение общественного продукта при капитализме зависит не столько от личного трудового вклада в создание общественного продукта, сколько от личного владения капиталом. Поскольку высшая хозяйственная цель капиталистического строя состоит в увеличении капитала и богатств, приоритет в распределении получают собственники средств производства. Это приводит к недооценке рабочей силы, трудового потенциала и трудового вклада человека.

В условиях капиталистического разделения труда общественный продукт распределяется в денежном выражении. Участники экономических отношений наделяются различной платежеспособностью в зависимости от их экономической функции. В виде прибыли, процента и ренты современный капиталист получает куда большее вознаграждение, сравнительно с наемным рабочим. Обладая лучшими источниками для пополнения покупательной способности, капиталист имеет приоритет в удовлетворении собственных потребностей. Но в условиях физической ограниченности рынков и доступной продукции это равнозначно абсолютному ограничению приобретательной способности трудящихся, поскольку снижает их относительную покупательную силу. Таким образом, контроль над производственной сферой позволяет классу предпринимателей в большой степени задавать тон и на многих товарных рынках, добавлять к административным рычагам своего влияния на эти последние сугубо рыночные, «конкурентные» рычаги. Следует отметить, что дисбаланс потребительских возможностей между трудящимися и предпринимателями априорно считается неоклассическими и австрийскими экономистами не только естественным, но и гармоническим, справедливым состоянием.

При капитализме трудящемуся доступна технология, возможность производительного труда лишь постольку, поскольку буржуазия дает ему рабочее место. Не владеющие средствами производства вынуждены согласиться на эксплуатацию, наниматься к собственнику, - ведь покинув буржуазные отношения, трудящийся должен вести малоэффективное индивидуальное или групповое хозяйство. Поэтому большинство способных к труду людей становятся при капитализме наемными работниками не по своей воле, а по причине отсутствия иных источников к прокормлению. Попытки выхода человека из капиталистических отношений связаны с огромными трудностями и равносильны отказу от технологии и разделения труда. Более того, существование буржуазного строя само по себе, в частности, его права на естественные ресурсы и природу, чрезвычайно ограничивает

либо вовсе сводит на нет возможности для некапиталистической хозяйственной деятельности. Капиталистическая экономика с ее институтами частной собственности на землю и средства производства затрудняет реализацию альтернативных возможностей экономической деятельности. Важно подчеркнуть, что капиталистический способ производства обладает альтернативными издержками.

Низшие классы сталкиваются с преднамеренной, диктуемой как экономическими, так и социально-культурными механизмами, социализацией к низкоквалифицированному, монотонному труду. Несмотря на всю конкуренцию и развитие капиталистической экономикой производительности труда, большинство наемных рабочих остается малообразованными и относительно малокультурными, но не в силу недостатка ума, а в силу того, что экономическая и культурная составляющая капитализма, заполняя собой человеческое мышление, могут изживать и погашать стремления к умственному и культурному развитию. Это явление дополняется систематическим исключением непривилегированных масс из широкой научной и культурной деятельности.

При капитализме стержнем всякого предпринимательства является стремление к росту прибылей. Поддержание надлежащих условий труда, реализация интересов трудящихся, минимизация загрязнения окружающей среды являются для буржуа лишь второстепенными, а то и вовсе несущественными и обременительными задачами. Навязывание своего товара, конкурентная борьба, рост оборачиваемости капитала и всесторонняя экономия на издержках составляют очевидные приоритеты буржуазного руководства. Отсутствие общественного контроля за такими предприятиями неминуемо ведет к росту эксплуатации ими фонда общественных ресурсов, к повышению их общественной обременительности, к перекладыванию конкурентного бремени на плечи непосредственных трудящихся и общества в целом. Здесь речь идет о превращении общественных запасов, в том числе жизненной энергии человека, в капиталистическую прибыль. Ведь конкуренция подстегивает капиталистическое предприятие к использованию не только наиболее агрессивных методов продаж, но и к наибольшей рационализации производства, в наиболее полном подчинении живого труда интересам возрастания частного капитала.

Владелец средств производства нанимает трудящегося только с целью прибыльного использования его рабочей силы, т. е. для извлечения прибыли из дополнительного производства. Если прибыли для капиталиста не предвидется, то каковы бы ни были результаты труда рабочего, даже если бы они позволили при соответствующим распределении нескольким людям избежать нищеты, то найм рабочего является, по мнению как предприимчивого капиталиста, так и неоклассических экономистов, иррациональным, неэффективным решением. Но такие решения ведут к очевидному недопроизводству товаров в экономике, ибо капиталистическая прибыль может не существовать там, где есть возможности для общественно полезной деятельности. И наоборот, существование капиталистической прибыли не доказывает общественно полезного характера какого-либо производства. Нужно отметить, что, по мнению неоклассических экономистов, данное отношение к сочетанию средств производства и рабочей силы вполне естественно и законно.

Именно стремление класса капиталистов к эгоистической выгоде, а не мифологическая невидимая рука рынка ведет к известному органичению производства необходимых товаров в буржуазном обществе и к вовлечению значительной части трудящихся в сектор услуг и производство товаров роскоши, а также к безработице. Часть трудящихся ставится вне производительных отношений не потому, что этого требует рост экономической эффективности с позиций общества в целом, но лишь поскольку это способствует известному ограничению производства и поддержанию высоких цен, т. е. ведет к эффективному производству с точки зрения капиталиста. Отсюда видно, что при капиталистическом способе производства значительная часть трудящихся не только лишается части произведенной стоимости, но и принуждается, опять же посредством конкурентных,

рыночных механизмов, к общественно бесполезному и нетворческому труду в интересах имущих классов.

Образовательная система при капитализме также строится по классовому принципу. Отпрыски имущих и неимущих классов получают доступ к разным объемам и содержанию знаний. Известно, что даже в самых развитых капиталистических странах, таких как США, большая часть молодежи из малообеспеченных семей учатся только до 16-ти лет. Понятно, что массовое, народное образование, подчиненное в наше время императиву экономии на социальных расходах, может предоставить лишь самые общие, азбучные знания и навыки. Такие знания, конечно, создадут условия для будущего участия работника в производственном процессе, но лишь на таком техническом уровне, который необходим командующим классам, лишь в узких производственных и общественных рамках. Для работы в Мак Дональдсе навыков требуется немного, и неолиберальная образовательная подготовка будущих продавцов сетей быстрого питания, в противоположность медицинским и юридическим школам, не будет слишком затратной. Надо ли говорить, что такое положение дел в образовании создает фундамент для воспроизводства классовых различий. Вопреки неоклассическому догмату гармонии и более широкому либеральному мифу «равных возможностей», тенденция капиталистического общества состоит в том, что трудящиеся остаются в положении лишенных средств производства наемных рабочих поколение за поколением. Это подчеркивают даже те экономисты, которых нелегко заподозрить в симпатиях к рабочему классу.[402]

В капиталистических условиях потребление не владеющего средствами труда работника ограничено его возможностью продавать свою рабочую силу. Рабочий допускается к средствам производства только если капиталистом ожидается выгода от расширения производства, если можно рассчитывать на успешный сбыт продукции. В период кризиса перепроизводства рабочий становится лишним и на предприятии, и на рынке труда. Если капиталист оценит рыночные перспективы пессимистично, мощности будут простаивать, способность рабочего к труду окажется ненужной; чтобы обеспечить себе пропитание, рабочий согласится выполнять работы ниже его способностей. Массовость таких явлений в периоды кризисов рыночной экономики, т. е. в периоды товарного перепроизводства доказывает необходимость проверки неоклассических постулатов о социальной благотворности капиталистической системы производства и распределения. Неравенство в доходах усугубляется неравенством во владении недвижимостью. В странах развитого капитализма большинство трудящихся не владеют жильем, вынуждены отдавать существенную часть заработной платы в качестве ренты, а угрозу безработицы воспринимать как угрозу бездомности. А владельцы двух или более жилищ могут получать как арендную плату, так и выигрывать от постоянного роста цен на недвижимость, т. е. состояние богатых собственников может расти даже при минимальных усилиях.

Превращение наемного рабочего в слугу капитала не соответствует целям развития его самостоятельности и творчества. Происходит разжигание конкуренции и духа соперничества, с целью приватизировать в человеке и природе то, что еще не стало предметом торговли. Таким образом, капиталистическая система дважды воздействует на трудящегося: как изъятием весомой части продукта на содержание высших классов и всей надстройки капиталистического общества, так и созданием у трудящегося новых и часто необоснованных потребностей, - инфантильного спроса, что обусловливается неугомонной погоней капитала за способностями и доходами трудящихся.

[402] См. Bohm-Bawerk, E. Capital and Interest. 1890, p. 76.

Заключение

Современная общественная наука не может ограничиваться такими научными атрибутами как простота, эстетичность и такими социальными качествами как эффективное служение классу богатых. Нет и не может быть оснований в современной научной дисциплине для априорного, предшествующего научному исследованию установления истинности предпосылок, методов и заключений какой-либо системы объяснений. Задача научного сообщества состоит не в поддержании веры населения в те или иные аксиомы, а в выработке, проверке и совершенствовании научного знания, в содействии применению научных разработок для улучшения общественной жизни.

Экономическое исследование прежде всего должно вскрывать, анализировать и обобщать действительно существующие явления: хозяйственные отношения людей, их становление и изменение, причины упадка и подъема народного хозяйства в целом, зависимость материального благополучия людей от их вовлеченности в экономическую деятельность. Соответствующие мероприятия, вырабатываемые на основе исследований экономической науки должны служить всем людям, а не какой-либо обособленной группе, не исчерпываться улучшениями относительного положения лишь тех, кто широко использует наемных труд. Наука должна служить человеку, а не одним лишь предпринимателям.

Экономическую науку справедливо считать инструментом познания и улучшения экономических отношений. Предмет экономической науки, - экономические отношения людей, - влияет на жизнь каждого человека. Отсюда — высокая социальная значимость экономической науки. Необходимо особенно подчеркнуть высокую социальную ответственность экономистов, повышенные этические требования к исследовательским и практическим мероприятиям.

Неоклассическая экономикс доказывает необходимость оценивать явления экономической жизни посредством предустановленной, но необоснованной перспективы, верить в слепые и якобы непознаваемые творческие силы капиталистической экономики. Ультимативность неоклассиков ведет к парализации для дискуссии, объявлению не конвенциональных исследований ненаучными, утверждает вредоносную необходимость в экономической дисциплине следовать неоклассическому алгоритму мышления, погрязать в ненужных дополнениях теорий чистой метафизики. Самоограничение воззрений на социальную действительность по прихоти традиции, даже если она несовместима с тем, что кажется разумным подходом к обществу, наконец, с идеалами общественного устройства, с этическими представлениями. Вызывает улыбку, что неоклассические экономисты объявляют себя защитниками свободы.

Неоклассическая экономикс есть усиленная математикой схоластика. Сочетание религиозной, слепой и глухой к фактам веры в высший разум рынка, в чудесную эффективность невидимо-рыночного, хаотического механизма координации людей, с логико-математическим аппаратом в качестве облицовки и научного щита, и образует неоклассическую интерпретацию. Как мы видели, логико-математический щит используется здесь не с целью роста знания о фактах, но подчинен углублению, формализации и даже насаждению вздорных постулатов, прикрытию их убожества и человеконенавистничества, оправданию экономического неравенства. По обычаю буржуазной практики, логико-математический аппарат, - орудие человеческой мысли, - используется в этом случае против науки и общественного прогресса. Напомним также, что в математизированных моделях неоклассической метафизики, всецело подчиненных доказыванию и иллюстрации эффективности рыночно-гедонистического механизма координации, вполне эффективно затушевывается факт тождественности постулатов неоклассики ее выводам и заключениям. Математический аппарат облегчает неоклассическим экономистам переход от эмпирически ложных и научно несостоятельных догадок к руководствам по экономической политике,

служит мостом из древнего царства метафизики в современную политику.

Многие неоклассические экономисты считают, что положения их теории способствуют научному пониманию экономических отношений. Но эти положения, созданные посредством логической дедукции и абстрактного конструирования, без всякой опоры на факты, на базе нескольких абстрактных догм, едва ли сообразуются даже со стандартами научности, использовавшимися в XIX веке. Эта попытка теоретической диктатуры имеет отчетливые последствия в том, что решительно суживает поле теоретических исследований, отделяет теории и концепции от практической жизни, затрудняет объективные дискуссии по вопросам экономической политики, а в конечном счете — улучшение экономической организации общества.

На вопрос о том, совместимо ли научное видение экономики с некритическим отношением к положениям, выдвинутым неоклассической школой экономистов, с верой в дедуцированные из этих положений выводы, в этой работе был дан отрицательный ответ. Моралистика либеральной буржуазии обеспечивает класс капиталистов оправданием и восхвалением их собственности, убеждает их в личностном превосходстве, в обладании качествами, необходимыми для нормального существования современного общества. Результатом засилья априоризма является утрата экономической теорией как общественной, так и научной значимости, ее превращение в оплот реакции, в очаг слепой и невежественной веры внутри науки.

Последовательные неоклассики должны критиковать запрещение работорговли и торговли наркотиками. Ведь это — пагубное вмешательство «сознательной» руки общественной власти в свободу торговли рациональных акторов. Оно будет ограничивать право богатого и эффективного индивида свободно распоряжаться своими средствами, а других, неэффективных индивидов — свободно распоряжаться последними ресурсами. Отметим, что богатство в либеральной теории всегда увязывается с эффективностью. Тот, кто получает большую прибыль — эффективен. И неважно, какие последствия это несет окружающим. С позиций рыночной экономикс, свобода торговли людьми и наркотиками, даже свобода проигрывать зависимых людей в карты, отдавать их в приданое будут содействовать более широкому проявлению априорно эффективной «невидимой» и непонятной руки рынка. Неоклассические обскуранты явно не хотят, чтобы в рыночную систему проник свет разума и знания.

Проблемы, возникающие за пределами рыночного обмена не занимают умы либерально-буржуазных экономистов. Они отвергают значимость общественного контроля за производством хлеба, молока, мяса и других продуктов питания. Они с негодованием относятся к контролю над условиями труда, к объединению трудящихся в профсоюзы. Либеральный режим означает полное закабаление личности капиталистическим способом производства, насильственную превращение человека в бесправный придаток системы. Жизненная энергия трудяшегося рассматривается неоклассиками как некий сок, который капиталист должен выжимать для улучшения своего положения в конкурентном обществе.

Можно возразить, что целью неоклассического анализа является прояснения логики выбора идеального, рационального, всезнающего индивида. Но в чем состоит ценность этого прояснения? Практично ли это прояснение, способно ли оно повысить эффективность действительного выбора в тех ситуациях, где предельные полезности могут осознаваться только смутно, где информация о товарах не является полной? Никакого понимания специфики реального экономического решения в неоклассической модели выбора не содержится, она касательно относится к действительности, упрощает и искажает действительность настолько, что относится к ней так же, как точка находящаяся вне круга, относится ко вписанным в этот круг геометрическим фигурам.

Но задачей экономической науки является не только утилитарное предугадывание экономических отношений, а их изучение, накопление материала, позволяющего населению

ориентироваться в экономических отношениях. Целью экономической науки является предоставление обществу, личностям знания об экономических отношениях, выявление причин явлений экономической жизни. Прогностическую функцию экономической теории не обязательно сводить к математическому моделированию. Задача прогнозирования может быть решена путем исследования отдельных экономических фактов и выдвижения множества гипотез и отбора наиболее эффективных. Ограничение экономической теории непроверяемым и ни в малейшей степени не обоснованным набором постулатов теоретически приближает ее к богословию.

Физиологию или медицину laissez faire, основанные не на изучении биохимических процессах, а на идеальных постулатах, невозможно себе представить. Такая «медицина» будет способна решать только несуществующие проблемы. Но если постулирование законов физиологии и выведение прочего «знания» дедуктивным путем можно назвать издевательством над естествознанием, абсурдна и «чистая» политэкономия, которая вместо изучения экономических отношений описывает идеальный рынок в состоянии равновесия. Неоклассическая экономикс не предоставляет ни знаний о действительной экономике, ни методов их поиска. Своей известностью она обязана не логической ценности, а реакционности, тем, что она является идеологией, направленной за застывание экономических отношений в стадии, наиболее выгодной буржуазии.

Неоклассическая экономикс доказывает необходимость оценивать явления экономической жизни посредством предустановленной, но необоснованной перспективы, верить в слепые и якобы непознаваемые творческие силы капиталистической экономики. Неоклассические экономисты заявляют, что защищаемые ими принципы и концепции экономической организации являются единственным способом разработать научное понимание экономической жизни человека. Между тем, неоклассические концепции выработаны путем дедукции из нескольких произвольно, голословно принятых принципов и существенно отличаются от психологии человека в любой исторический период. Эта попытка теоретической диктатуры имеет отчетливые последствия в том, что решительно суживает поле теоретических исследований, отделяет теории и концепции от практической жизни, затрудняет объективные дискуссии по вопросам экономической политики, а в конечном счете — улучшение экономической организации общества.

Исторически, становление неоклассического учения совпало с наступлением эпохи империализма. От английских и американских буржуазных экономистов требовалось резко усилить оправдание проводившейся социальными элитами политики обогащения при помощи грабежа и эксплуатации третьих стран. Для осуществления этой цели трудно придумать более подходящую теорию, чем неоклассическая экономикс. Соединяя идеализм и логику, спекулятивную догматику и математический анализ, напористость изложения и наглядность графиков, граничащую с невежеством простоту и кажущийся индивидуализм, неоклассическая экономикс продолжает оставаться верной служанкой капитала, орудием разобщения и подчинения общественного организма воле командующего класса. Н. Г. Чернышевский справедливо полагал, что теория рыночной гармонии ведет к принесению личности в жертву произволу эксплуататоров.[403]

Только материалистическое понимание экономики выработанное исходя из эмпирических фактов общественной практики человека может соответствовать научности и целям улучшения народного хозяйства. Спекулятивные модели, как и вся абстрактная наука для «науки» должны отойти в область искусства.

Неоклассическая экономикс рассматривает отношения производства и потребления как подчиненные отношениям обмена. Производство оптимизируется в зависимости от кривых спроса и предельных издержек производства. Кривая спроса строится путем суммирования кривых предельных полезностей, вкупе с возможностью платить. Остается неизвестным,

[403] Чернышевский, Н. Г. Избр. экономические произв. Т. 2. 1948, с. 127.

откуда берутся данные предельной полезности потребления товара.

Отметим, что логический и математический аппарат неоклассики может иметь ценность, культурное значение только при условии отказа неоклассических экономистов от претензий на научность. Только тогда можно будет обсуждать эстетическую сторону неоклассики; пока же следует говорить о подмене экономической науки наукообразной метафизикой, об использовании неоклассическими и австрийскими догматиками имени науки в карьеристских и корыстных целях. Это тем более важно, что на развитие догматики экономического хищничества затрачиваются огромные общественные средства, в том числе в России. Засилье этой догматики ведет к снижению возможностей для исследования действительно существующих экономик, экономического положения трудящихся, взаимовлияния технологии, культуры и экономической организации общества.

Рассмотренные нами теории экономического хищничества прописывают обществам простые, универсальные, и в то же время губительные рецепты экономической политики. «Purgaire et clystirizare, - как упрощается теория медицины, как облегчается медицинская практика этим талисманом!»[404] Вот и однотипные рекомендации австрийцев, монетаристов и неоклассиков — не следствие их моделирования и экономического анализа, а а лишь на иной лад сказанные теоретические предпосылки. Уже первоначально выдвинутые догмы исключают действенность общественного вмешательства в рыночные отношения. Любое вмешательство в иллюзорную конкуренцию всезнающих роботов абсурдно и вредно a priori. Однако, цель экономического развития требует от научного и практического мышления соответствия своему объекту.[405] Если хочешь починить дом, нужно думать не о всеблагой природе, которая в гармонии и посредством естественного отбора делает жизнь лучше и не о свойствах идеального дворца, а о материалах и инструментах под рукой. Экономическая политика должна базироваться не на метафизической вере, а на научном знании.

Современная парадигма свободной торговли не только не содействует выработке научного взгляда на экономические отношения, но замедляет научный и общественный прогресс. Ее приверженцы объявляют нищету естественной, обвиняют в беде терпящих бедствие, затрудняют понимание экономики. Проповедуемое ими доверие к механизму рынка, как показывает история либерализаций, снижает уровень и продолжительность жизни населения, ведет к росту социальных противоречий. Нет ничего более разрушительного для науки, чем слепая вера в не имеющую объективного подтверждения аксиому. Такая вера оттесняет научное мышление на периферию. В крайнем случае, от науки может остаться одно только слово «наука», под которым скрывается сплошная метафизика. Таково нынешнее состояние экономических наук и экономического образования в России. Все это позволяет считать австрийских и неоклассических экономистов коллегами Ф. Бастиа, Ж. Б. Сэя и Н. Сениора в худшем смысле этого слова, - обеляющими «принцип» неограниченной эксплуатации человека и превращение жизненной силы трудящихся в покупательную силу буржуазии вульгарными экономистами.

[404] Чернышевский, Н. Г. Избр. экономические произв. Т. 2. 1948, с. 128.

[405] Гаврилюк, В. В. Модели развития и действие общественных закономерностей. с. 176 — 188 // Характер, структура и факторы формирования экономических отношений / [Л. П. Васюченок, В. В. Гаврилюк, И. В. Забелова и др.]. 1992, с. 186-187.

Список литературы

Ashley, W. J. The Tariff Problem. 2-nd Ed. London: P.S. King & Son, 1904. -269 p.

Austrian Economics. Ed. S. Littlechild. Vol. 1. Aldershot: Edward Elgar, 1990. - 538 p.

Austrian Economics. Ed. S. Littlechild. Vol. 2. Aldershot: Edward Elgar, 1990. - 386 p.

Austrian Economics. Ed. S. Littlechild. Vol. 3. Aldershot: Edward Elgar, 1990. - 454 p.

Babb, S. The Social Consequences of Structural Adjustment: Recent Evidence and Current Debates. Annual Review of Sociology, 2005, Vol. 31 Issue 1, p. 199-222, 24p.

Batt, H. W. Development and Wealth: A Georgist Perspective. American Journal of Economics & Sociology, Oct2012, 71 (4), p. 1004-1046.

Bell-Kelton, S. Behind Closed Doors. International Journal of Political Economy , 2006, 35 (1), p5-23, 19p.

Boettke, P. J., Fink, A., Smith, D. J. The Impact of Nobel Prize Winners in Economics: Mainline vs. Mainstream The Impact of Nobel Prize Winners in Economics: Mainline vs. Mainstream. American Journal of Economics & Sociology, 2012, 71 (5), p. 1219-1249, 31p.

Bohm-Bawerk, E. Capital and Interest: A Critical History of Economic Theory. [translated from German by W. Smart] London: Macmillan and Co., 1890. - 431 p.

Boudon, R. Beyond Rational Choice Theory. Annual Review of Sociology, 2003, 29 (1), p. 1-21.

Buchanan, J. M. Economics: Between Predictive Science and Moral Philosophy. Austin: Texas A&M University Press. 1987. - 413 p.

Buchanan, J. M. Ethics and Economic Progress. Norman : University of Oklahoma. 1994. - 156 p.

Callahan, G., Leeson, P. T.. Chicken Soup for the Out-of-Step Scholar's Soul Chicken Soup for the Out-of-Step Scholar's Soul. American Journal of Economics & Sociology, 2012, 71 (5), p. 1157-1168.

Carter, S. A Simple Model of the Surplus Approach to Value, Distribution, and Growth. American Journal of Economics & Sociology, 2011, Vol. 70 Issue 5, p. 1117-1146, 30p.

Clark, J. B. Essentials of Economic Theory as Applied to Modern Problems of Industry and Public Policy. New York: The Macmillan company. 1907. - 566 p.

Clark, J. B. Social Justice without Socialism. New York: The Riverside Press Cambridge. 1914. - 49 p.

Clark, J. B. The Distribution of Wealth: A Theory of Wages, Interest and Profits. New York: The Macmillan company. 1908. - 445 p.

Clark, J. R., Miller-Wilford, J., Stringham, E. P. Beyond Kelly Green Golf Shoes: Evaluating the Demand for Scholarship of Free-Market and Mainstream Economists. American Journal of Economics & Sociology, 2012, 71 (5), p. 1169-1184.

Cleveland, M. The Economics of Henry George: A Review Essay. American Journal of Economics & Sociology, 2012, Vol. 71 Issue 2, p. 498-511, 14p.

Davis, P., Fletcher, A. Contribution to Competition Economics: Introduction. The Economic Journal. Volume 123, Issue 572, pages F493–F504, November 2013 (page F493). http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/ecoj.12090/full

Douglass, B. Economic Methodology and Nobel Laureates: Confirmation of a Methodological Paradigm Shift. American Journal of Economics & Sociology, 2012, 71 (5), p. 1205-1218, 14p.

Einstein, A. Relativity: The Special and General Theory / A. Einstein. 1924. - 56 p. http://www.gutenberg.org/files/30155/30155-pdf.pdf

Ely, R. T. 1899. The Strength and Weakness of Socialism. Chicago: The Chautauqua Press. 264 p.

Ely, R.T., Adams, T. S., Lorenz, M. O. & Young, A. A. Outlines of Economics. 3-rd ed. NY: The Macmillan, 1919. - 769 p.

Friedman, M. Nobel Lecture: Inflation and Unemployment. 1977. Режим доступа : http://ideas.repec.org/a/ucp/jpolec/v85y1977i3p451-72.html

Friedman, M. Price Theory. Chicago, Aldine Publishing Company. 1976. - 357 p.
Friedman, M. & Schwartz, A. J. A Monetary History of the United States, 1867-1960. Princeton University Press. 1971. - 888 p.
George, H. Progress and Poverty: An Inquiry into the Cause of Industrial Depressions and of Increase of Want with Increase of Wealth: The Remedy. 1879. - 571 p.
Gourinchas, P. O. & Jeanne, O. (2013). Capital Flows to Developing Countries: The Allocation Puzzle. Review of Economic Studies. 80 (4): 1484-1515. http://restud.oxfordjournals.org/content/80/4/1484.full
Hayek, F. A. Critical Assessments. Ed. By J. C. Wood & R. N. Wood. London: Routlege. 1991. Band 1, - 272 p.
Hayek, F. A. Prices and Production. New York: Augustus M. Kelly Publishers. 1967. - 162 p.
Hayek, F. A. The Fatal Conceit: The Errors of Socialism. / Ed. by W. Bartley. London: Routlege, 1992. - 180 p.
Hayek, F. A. The Road to Serfdom / F. A. Hayek. London, Institute of Economic Affairs, 1998. - 131 p. http://www.iea.org.uk/sites/default/files/publications/files/upldbook351pdf.pdf
Hicks, J. R. Value and Capital: An Inquiry into Some Fundamental Principles of Economic Theory. 2-nd ed., 1946, Oxford: Clarendon Press. - 340 p.
Hoover, K. The New Classical Macroeconomics. Blackwell Publishers, 1990.
Jevons, W. S. The Theory of Political Economy. London: MacMillan & Co., 1871. - 267 p.
Kirzner, I. M. The Meaning of Market Process: Essays in the development of modern Austrian economics. London: Routlege, 1992. - 246 p.
Kirzner, I.M. Mises and His Understanding of the Capitalist System.Cato Journal 19(2), 1999, p. 215–228.
Lucas, R. E. (1976). "Econometric Policy Evaluation: A Critique". Carnegie-Rochester Conference Series on Public Policy 1: 19–46.
Lucas, R. E. (1988). "On the Mechanics of Economic Development". Journal of Monetary Economics 22 (1): 3–42.
Malinowski, B. Sex and Repression in Savage Soceity / B. Malinowski. London : Kegan Paul, 1937. - 285 p.
McCloskey, D. Kelly Green Golf Shoes and the Intellectual Range from M to N. Eastern Economic Journal, 1995, 21 (3), pp. 411-414. http://www.jstor.org/discover/10.2307/40325653?uid=3737976&uid=2129&uid=2&uid=70&uid=4&sid=21104086751357
Menger, C. 2007. Principles of Economics. Auburn: Ludwig von Mises Institute. 328 p.
Menger, C. Investigations into the Method of the Social Sciences with Special Reference to Economics. NY: New York University Press, 1985. - 237 p.
Menger, K. 1871. Grundsatze der volkswirthschaftslehre. Wien: Wilhelm Braumüller. 285 s. https://archive.org/details/grundstzedervol00menggoog
Metzler, L. A. Foundations of Economic Analysis (Book). American Economic Review. 1948, Vol. 38 Issue 5, p, 905-910.
Mill, J. S. Principles of Political Economy / J. S. Mill. NY : D. Appleton and company. 1884. - 638 p.
Mises, L. Human Action: A Treatise in Economics / L. Mises. – Yale : Yale University Press, 1949. – 881 p.
Mises, L. The Ultimate Foundation of Economic Science: An Essay on Method. / L. Mises. 1962.
Murphy, K. M., Topel, R. H. The Value of Health and Longevity. Journal of Political Economy, Oct2006, Vol. 114 Issue 5, p871-904, 34p.
Nordau, M. Conventional Lies of our Civilization. London: William Heinemann, 1896. - 346 p.
Reay, M. J. The Flexible Unity of Economics. American Journal of Sociology, Jul2012, Vol. 118 Issue 1, p. 45-87, 43p.
Ricardo, D. The Principles of Political Economy and Taxation / D. Ricardo. NY : Everyman's

library. 2008. - 300 p.
Robins, L. Principles of Economics / L. Robins. Cambridge, 1923. – 220 p.
Schumpeter, J. A. Capitalism, Socialism, and Democracy / J. Schumpeter. 2-nd ed. NY : Harper & Brothers, 1942. - 381 p.
Schumpeter, J. A. The Economics and Sociology of Capitalism. / Ed. by R. Swedberg. New Jersey: Princeton, 1991. - 492 p.
Schumpeter, J. Theory of Economic Development: An Inquiry into Profits, Capital, Credit, Interest, and the Business Cycle / J. Schumpeter. NY : Oxford University Press, 1961.– 255 p.
Simmel, G. The Philosophy of Money. Ed.: D. Frisby. NY: Routlege., 2004. - 543 p.
Small, A. W. 1910. The Meaning of Social Science. Chicago: The University of Chicago Press. 309 p.
Small, A. W. 1913. Between Eras: From Capitalism to Democracy. p. 113 of 431. Kansas City: Inter-Collegiate Press.
Smith, A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations / A. Smith. Электронный ресурс. Режим доступа : https://ia801703.us.archive.org/3/items/WealthOfNationsAdamSmith/Wealth%20of%20Nations_Adam%20Smith.pdf Pennsylvania: The Electronic Classics Series. 2005. - 786 p.
Solow, Robert M. A Contribution to the Theory of Economic Growth. Quarterly Journal of Economics. 1956. 70 (1): 65–94. [Электронный ресурс] http://faculty.lebow.drexel.edu/LainczC/cal38/Growth/Solow_1956.pdf
Sombart, W. Socialism and the Social Movement in the19th Century. 1898. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.gutenberg.org/files/35210/35210-h/35210-h.htm
Turco, C. Difficult Decoupling: Employee Resistance to the Commercialization of Personal Settings. American Journal of Sociology, 2012, 118 (2), p. 380-419, 40p.
Witztum, A. Social Dimensions of Individualistic Rationality. American Journal of Economics & Sociology, 2012, Vol. 71 Issue 2, p. 377-406, 30p.
Абалкин, Л. И. Логика экономического роста : [Сборник] / Л. И. Абалкин.; Рос. акад. наук, Ин-т экономики РАН. - М. : Институт экономики РАН, 2002. - 228 с.
Авдашева, С. Незаконность молчаливого сговора в российском антимонопольном законодательстве: могут ли эксперты быть полезны при выработке юридических норм? Вопросы экономики, 2011 (5), с. 89-102.
Азарова М. М., Баутина Н. В. Хрестоматия по политической экономии: В помощь слушателям школ основ марксизма-ленинизма. - М. : Политиздат, 1968. - 239 с.
Бергер, П. Капиталистическая революция : 50 тезисов о процветании, равенстве и свободе : [Пер. с англ.]. - М. : Прогресс, 1994. - 314, [2] с.
Босчаева, З. Н. Формула экономического роста. / З. Н. Босчаева. - М. : Экономика, 2007. - 365, [1] с.
Бухарин, Н. И. Избр. произв. / Редкол.: Л. И. Абалкин и др.; [Предисл., с. 5-35, коммент. С. Л. Леонова]; Отд-ние экономики АН СССР, Ин-т экономики АН СССР, Ин-т экономики и прогнозирования науч.-техн. Прогресса АН СССР. - М. : Экономика, 1990. - 540, [2] с.
Бухарин, Н. И. Политическая экономия рантье : Теория ценности и прибыли австр. шк. : Репринт. вопроизведение изд. 1925 г. - М. : Орбита, 1988. - 191 с.
Бухарин, Н. И. Проблемы теории и практики социализма : [Сборник] / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. - М. : Политиздат, 1989. - 511,[1] с.
Вальрас, Л. Элементы чистой политической экономии. М., Изограф, 2000. - 448 с.
Гегель, Г. В. Ф. Лекции по эстетике. Изд. 2-е. В 2-х т. Т. 1. Спб: Наука, 2007. - 621 с.
Гексли, Т. Г. О положении человека в ряду органических существ. / Пер. под ред. А. Бекетова. СпБ.: Изд. книжной торговли Н. Тиблена, 1864, 180 с.
Голанд, Ю. Сравнение реформ периода НЭПа и постсоветской России. Вопросы экономики,

2010 (4), с. 82-99.
Гольбах, П. Система природы [Электронный ресурс] / П. Гольбах. – М., 2005. Режим доступа: http://www.modernlib.ru/books/golbah_pol/sistema_prirodi_ili_o_zakonah_mira_fizicheskogo_i_mira_duhovnogo/read_1/
Григорьев, Л., Алибалов, С. Страны Балтии: в поисках выхода из кризиса. Вопросы экономики. 2010 (4), с. 121-138.
Гулыга, А. В. Немецкая классическая философия. М.: Мысль, 1986. - 332 с.
Гуриев, С., Плеханов, А., Сенин, К. Экономический механизм сырьевой модели развития. Вопросы экономики. 2010 (3), с. 4-23.
Доу, Ш. Психология финансовых рынков: Кейнс, Мински и поведенческие финансы. Вопросы экономики. 2010 (1), с. 99-113.
Зибер, Н. И. Возражение на экономическое учение Джона Стюарта Милля; Капитализм в России. М. : Либроком, 2012. - 226 с.
Зомбарт, В. Буржуа : Этюды по истории духов. развития современ. экон. человека : [Пер. с нем.] / Изд. подгот. Ю. Н. Давыдов, В. В. Сапов; [Рос. АН, Ин-т социол.] - М. : Наука, 1994. - 442 с.
Зомбарт, В. Социология / В. Зомбарт; Пер. с нем. И. Д. Маркусона. - 2-е изд., стер. - М. : УРСС, 2003. - 138 с.
Интернационализация противоречий капиталистической системы хозяйства / [Л. Л. Кистерский, В. А. Славинский, В. А. Степаненко и др.; Отв. ред. В. Д. Щетинин]; АН УССР, Ин-т социал. и экон. пробл. зарубеж. стран. - Киев : Наук. думка, 1990. - 237, [1] с.
Капитализм и рынок: экономисты размышляют / [В. И. Кузнецов, И. М. Осадчая, В. С. Автономов и др.; Отв. ред. В. А. Мартынов и др.]; Рос. АН, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. - М. : Наука, 1993. - 206, [2] с.
Капиталистический способ производства и современность / [Л. С. Колесниченко, С. В. Мочерный, С. М. Панчишин и др.]; Под. ред. Л. С. Колесниченко. - Львов : Вища шк. Изд-во при Львов. Ун-те, 1982. - 191 с.
Каутский, К. К критике теории и практике марксизма. («Анти-Бернштейн»). 2-е изд. М. : УРСС, 2003, 297 с.
Каутский, К. Очерки и этюды по политической экономии.2-е изд. Краснодар: Буревестник. 1923. - 108 с.
Каутский, К. Экономическое учение Карла Маркса / К. Каутский. - 2-е изд., стереот. - М. : УРСС, 2003. - 230 с.
Каутский, К. Эрфуртская программа. (Коммент. к принципиальной части). [Предисл. Н. Шевцова]. М. : Госполитиздат, 1959. - 247 с.
Каутский, К., Лафарг, П. Два первых великих утописта. М.: Основа, 1924. - 83 с.
Колодко, Г. Неолиберализм и мировой экономический кризис. Вопросы Экономики. 2010 (3), с. 56-64.
Кочурова, Л. И. Реальный сектор развития рынка : Теорет. основы, модель : Экон. отношения обозримого будущего / Л. И. Кочурова. - М. : Экономика, 2004. - 212, [1] с.
КПСС. ЦК. Пленум (1986, июнь). Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 16 июня 1986 г. - М. : Политиздат, 1986. - 62, [1] с.
Кузьминов, Я., Юдкевич, М. За пределами рынка: институты управления трансакциями в сложном мире. Вопросы экономики. 2010 (1), с. 82-98.
Кун, Т. Структура научных революций : [сборник : пер. с англ.] / Томас Кун ; [вступ. ст. В. Кузнецова]. - Москва : АСТ, 2003. - 605 с.
Лакатос, И. Доказательства и опровержения. Как доказываются теоремы. Пер. С англ. И. Н. Веселовского. М., «Наука», 1967. - 150 с.
Ленин, В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 22. Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК

КПСС. М. : изд. полит. лит-ры, 1980. - 597 с.
Ленин, В. И. Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности. - М. : Политиздаи, 1986. - 610 с.
Либман, А. Теоретические и эмпирические исследования в современной экономике: проблемы коммуникации. Вопросы экономики, 2008 (6), с. 4-19.
Макаров, В. Об экономическом развитии и не только в контексте будущих достижений науки и техники. Вопросы экономики, 2008 (3), с. 39 - 46.
Малиновский, Б. Избранное. Динамика культуры / Б. Малиновский. - М.: Росспэн, 2004. – 959с.
Маркс, К. и Энгельс, Ф. Сочинения. Т. 14. в 29 т. Анти-Дюринг : Переворот в науке, произведенный г. Евгением Дюрингом / Ф. Энгельс. Ин-т К. Маркса и Ф. Энгельса. - М. : Гос. соц. - экономическое издательство, 1931. — 237 с.
Маркс, К. К критике политической экономии. - М. : Политиздат, 1984. - 207 с.
Маркс, К. Капитал : Критика полит. экономии. Т. 1. / [Предисловия Ф. Энгельса]. - М. : Политиздат, 1988. - 891 с.
Маркс, К. Капитал: Критика политической экономии. Т. 3. часть 1. / [ред. Ф. Энгельса]. - М. : Издательство политической литературы, 1989. - 508 с.
Мау, В. Экономическая политика в 2005 году: Определение приоритетов. Вопросы экономики, 2006 (2), с. 4-27.
Моисеев, С. Формализация макроэкономики и ее последствия для денежно-кредитной политики. Вопросы экономики, 2007 (2), с. 46 — 58.
Население Советского Союза: 1922-1991 / Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л. - М.: Наука, 1993. 143 с., с. 95.
Объективное знание: Эволюционный подход/ К. Р. Поппер; Пер. с англ. Лакути Д. Г.; Отв. Ред. Садовский В. Н.- М.: Эдиториал УРСС, 2002. - 381 с.
Огарев, Н. П. Избранные социально-политические и философские произведения. В 2-х т. Т. 2. / АН СССР; Под общ. ред. М. Т. Иовчука и Н. Г. Тараканова. - М. : Госполитиздат, 1956. - 683 с.
Ореховский, П. Зрелость социальных институтов и специфика оснований теории общественного выбора. Вопросы экономики, 2011 (5), с. 75-86.
Плеханов, Г. В. Избранные философские произведения. В 5 т. Т. 2. – М. : Гос. издат. полит. литературы, 1956. – 824 с.
Политическая экономия капитализма : Науч.-метод. пособие преподавателю по пробл. чтению лекций / ЛГУ, Ин-т повышения квалификации преподавателей обществ. наук; [Н. С. Бабинцева и др.]; Под. ред. И. К. Смирнова. - Л. : Изд-во ЛГУ, 1990. - 334, [2] с.
Полтерович, В. Стратегии модернизации, институты и коалиции. Вопросы экономики, 2008 (4), с. 4-24.
Полтерович, В., Попов, В. Эволюционная теория экономической политики. Часть 1. Опыт быстрого развития. Вопросы экономики, 2006 (7), с. 4-23.
Попов, Г. Проблемы выхода из социализма. Вопросы экономики, 2006 (4), с. 114 - 125.
Поппер, К. Р. Логика и рост научного знания : Избр. работы. Пер. с англ./ Сост., общ. ред. и вступ. ст. [с. 5-32] В. Н. Садовского. - М. : Прогресс, 1983. - 605 с.
Пребиш, Р. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? / [Сокр. пер. с исп. под ред. и с предисл. В. В. Вольского, И. К. Шереметьева]. - М. : ИЛА, 1992. - 337 с.
Ранета, Л., Кожабаева, А. Казахстан и Украина: политические системы в контексте макроэкономической ситуации. Мировая экономика и международные отношения. 2013 (3), с. 97-103.
Самохвалов, А. Государство в рыночной экономике: уроки кризисов. Мировая экономика и международные отношения. 2013 (4), с. 11-29.
Скидельски, Р. Хайек versus Кейнс: Дорога к примирению. Вопросы экономики, 2006 (6), с.

47-66.
Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. - М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1962. - 677 с.
Современная буржуазная философия / под ред. А. С. Богомолова, Ю. К. Мельвиля, И. С. Нарского. М. : Изд. моск. университета, 1972. - 650 с.
Спенсер, Г. Опыты научные, политические и философские / [Пер. с англ. под ред. Н. А. Рубакина]. - Минск : Современный литератор, 1998. - 1408 с.
Субботина, Т. Россия на распутье: Два пути к международной конкурентоспособности. Вопросы экономики, 2006 (2), с. 46-64.
Утопический социализм : Хрестоматия. / Общ. ред. А. И. Володина. - М. : Политиздат, 1982. - 512 с.
Федеральная служба государственной статистики. Центральная База Статистических Данных. http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/dbinet.cgi?pl=2415003
Характер, структура и факторы формирования экономических отношений / [Л. П. Васюченок, В. В. Гаврилюк, И. В. Забелова и др.]; Под ред. А. П. Моровой; АН Беларуси, Ин-т экономики. - Минск : Навука і тэхніка, 1992. - 191 с.
Ходжсон, Дж. О проблеме формализма в экономической теории. Вопросы экономики, 2006 (3), с. 112 — 124.
Чернов, В. М. Избранное / Виктор Михайлович Чернов ; сост., авт. вступ. ст. и коммент.: О. А. Исхакова. М., Российская политическая энциклопедия, 2010. - 718 с.
Чернышевский, Н. Г. Избр. экономические произв. Т. 2. М.: Гос. издат. полит. лит-ры, 1948. - 693 с.
Чернышевский, Н. Г. Письма без адреса. М. : Современник, 1983. - 575 с.
Чернышевский, Н. Г. Соч. в двух томах. Т. 1. АН СССР, Ин-т философии. М.: Мысль, 1986. - 815 с.
Чернышевский, Н. Г. Соч. в двух томах. Т. 2. АН СССР, Ин-т философии. М.: Мысль, 1987. - 685 с.
Шестов, Л. Апофеоз беспочвенности. М. : АСТ, 2000. - 832 с.
Э. Трельч. «Историзм и его проблемы: логическая проблема философии истории». М.: Юрист, 1994. 719 с. С. 352.
Эллман, М. О вкладе исследовательских работ по советской экономике в экономическую теорию мейнстрима. Вопросы экономики. 2010 (3), с. 39-55.
Ясин, Е., Снеговая, М. Институциональные проблемы России в мировом контексте. Вопросы экономики. 2010 (1). с. 114-128. С. 123, 124.